ПЕРВАЯ ТЫСЯЧА КИЛОМЕТРОВ ТРАССЫ УРЕНГОЙ—УЖГОРОД!

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 42 ОКТЯБРЬ 1982

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

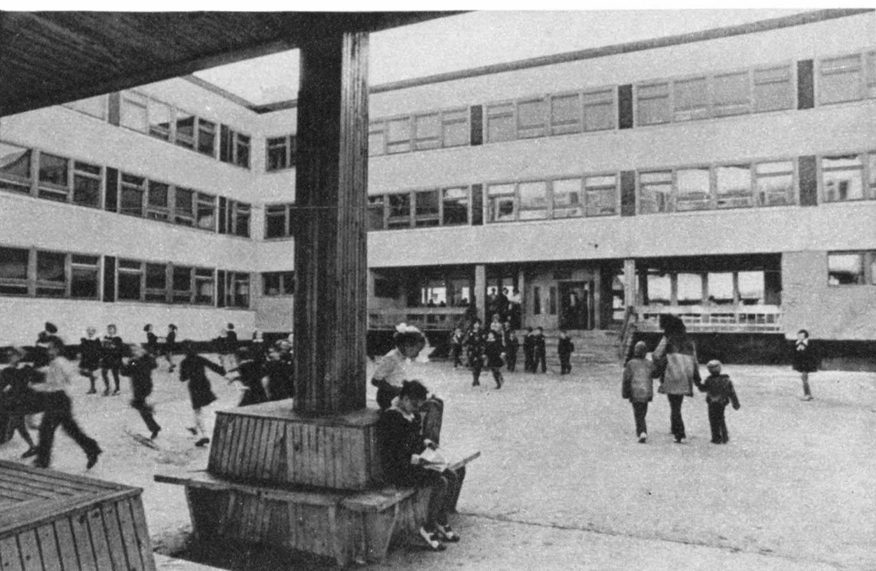
№ 42 (2883)

16 ОКТЯБРЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

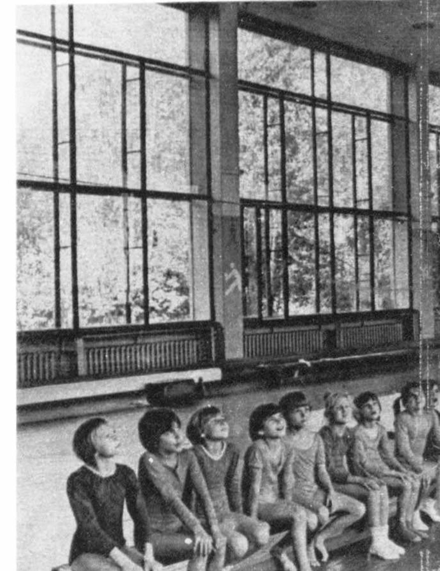
ПО НАКАЗ

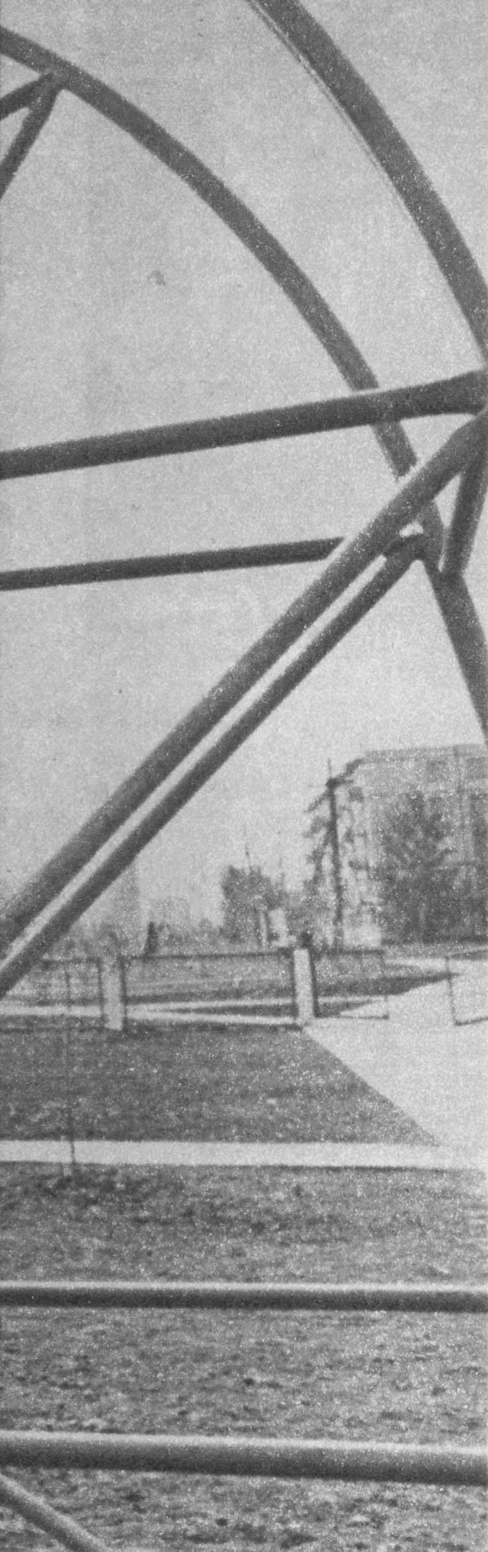
Эта новая школа построена по наказам избирателей.

Депутат горсовета Т. В. Обыденнова работает в объединении «Химволокно».

ХОЗЯЕВА ГОРОДА НА ВОЛГЕ

17 000 ПОМОЩНИКОВ ДЕПУТАТСКИХ ГРУПП

Виктор ПРОНИН, фото Георгия РОЗОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Городу Балаково Саратовской области в этом году исполняется 220 лет — возраст достаточно серьезный и для городов более крупных, более населенных и знаменитых. Переселенцы из других мест основали Балаково при Екатерине II на берегу Волги, верстах в полутораста выше Саратова. Места хорошие, хлебные. До революции городок считался пшеничной столицей края, из его амбаров и складов зерно вывозилось по Волге в обе столицы Российской империи. Хорошие урожаи собирают здешние колхозы и совхозы и нынче — мощный элеватор виден за много километров.

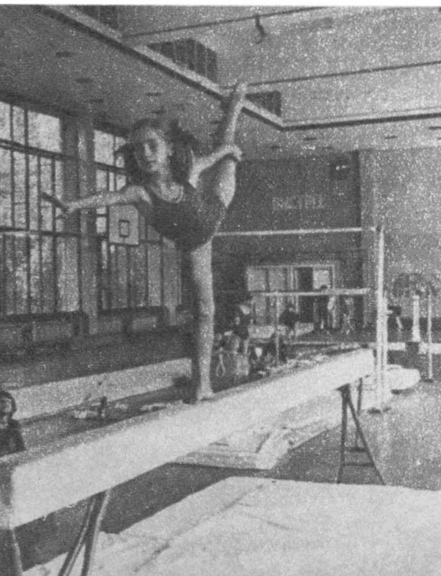
В новом районе города.

Бригадир монтажников на Балаковской АЭС Н. П. Деркач — депутат горсовета.

АМ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Секция гимнастики в местной спортивной школе.

Директор ГПТУ химического завода В. Е. Щелоков — депутат горсовета.

Занятия в медучилище. Сегодня они «лечат» кукол — завтра окажут помощь людям.

Во время переговоров. Фото А. Гостева

В АТМОСФЕРЕ БРАТСТВА И ЕДИНСТВА ВЗГЛЯДОВ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Президиума Верховного Совета СССР с 4 по 8 октября 1982 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась партийно-государственная делегация Социалистической Республики Вьетнам во главе с членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного совета СРВ Чыонг Тинем.

Состоялись переговоры партийно-государственной делегации СРВ и партийно-государственной делегации СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

В обстановке братской солидарности и полного единства взглядов, в атмосфере товарищеской сердечности были обсуждены вопросы дальнейшего развития советско-вьетнамских отношений, углубления всестороннего сотрудничества КПСС и КПВ, СССР и СРВ, а также актуальные проблемы современной международной обстановки.

Л. И. Брежнев и Чыонг Тинь с глубоким удовлетворением констатировали, что отношения между СССР и СРВ развиваются динамично и служат коренным интересам народов обеих стран, делу мира, социализма и прогресса.

Более тесным стало экономическое сотрудничество, углубляется координация народнохозяйственных планов обеих стран, развиваются новые формы сотрудничества, неуклонно повышается его эффективность. Укрепляются связи в области науки, культуры, здравоохранения, ширятся контакты по линии общественных организаций.

Стороны отметили, что главным источником усиления напряженности является проводимый США, НАТО и блокирующимися с ними силами курс на установление своего военного превосходства, развертывание все новых программ гонки вооружений, на борьбу против трех революционных потоков современности.

Особое внимание на переговорах было уделено положению в Юго-Восточной Азии. Обе стороны выразили готовность внести активный вклад в дело мира и стабильности в этом районе. Они констатируют, что продолжающаяся напряженность в регионе вызывается политикой гегемонистских и империалистических сил, направленной против Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

По обоюдному убеждению сторон, визит в СССР партийно-государственной делегации Вьетнама во главе с членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного совета СРВ Чыонг Тинем, состоявшиеся встречи и переговоры явятся важным вкладом в дело упрочения дружбы и братского сотрудничества между КПСС и КПВ, советским и вьетнамским народами, плодотворного сотрудничества между двумя странами.

Большими историческими событиями Балаково похвастаться не может, однако и здесь состоялось открытие, которое по праву входит в историю современной цивилизации. На здешнем механическом заводике русский инженер, изобретатель Федор Блинов еще в прошлом веке собрал первый в мире гусеничный трактор, доказав тем самым принципиальную возможность совершенно иного способа передвижения тяжелых машин. Так что все современные тягачи, вездеходы, танки ведут свою родословную отсюда, из Балакова. Нынешние балаковцы в долгу перед своим земляком — памятник Федор Блинов заслужил вполне.

И все же последние двадцать лет в истории Балакова явно перевешивают предыдущие два века по насыщенности событиями, по темпам роста и самого города и его населения. С полутора тысяч, населявших Балаково в начале века, он вырос ныне до ста семидесяти тысяч жителей, а не такие уж далекие перспективные планы предусматривают увеличение числа жителей до четверти миллиона.

Собственно, нынешнее Балаково начало создаваться двадцать лет назад — с началом строительства Саратовской ГЭС. Потом появились новые корпуса производственного объединения «Химволокно», на котором трудятся многие тысячи рабочих химического завода, машиностроительного имени Ф. Э. Дзержинского, завода самоходных землеройных машин, возникла мощная строительная основа для роста города, сооружается атомная электростанция.

Знакомясь с новыми кварталами Балакова — а город почти весь состоит из них,— невольно обращаешь внимание на ухоженность улиц и площадей, чистоту скверов, цветы вдоль проспектов, посадки кустов и деревьев. На каждом шагу ощущается заботливое внимание жителей к своему городу. Несмотря на возраст, город очень молод, предыдущие века не оставили груза сложившейся планировки. Здесь еще много пустырей, не все дороги стали улицами, но они есть, эти дороги, их много, они просторны и рассчитаны на город куда больше сегодняшнего Балакова. По контуру дорог уже можно представить себе расположение будущего города. Впрочем, он уже сейчас выглядит вполне сформировавшимся, хотя до Октябрьской революции являл собой низкорослое деревянное поселение, в котором были две начальные школы, коммерческое училище, один врач и 17 церквей на семнадцать тысяч жителей.

Ныне же в Балакове, помимо названных предприятий, помимо местной, пищевой промышленности,— более семидесяти библиотек, кинотеатры, три дворца культуры, школы музыкальные, спортивные, художественная, более двадцати общеобразовательных, филиал политехнического института, химико-технологический техникум, медицинское училище, больницы и поликлиники.

Председатель горисполкома Владимир Алексеевич Вельдяев подчеркивает одну важную особенность, которая придает особый смысл всем этим сведениям,— культурное, бытовое строительство в Балакове ведется в основном по наказам избирателей.

— Действующие в городе территориальные депутатские группы, депутатские группы на каждом предприятии охватывают практически всю общественную, культурную, производственную деятельность города,— рассказывает Владимир Алексеевич.— В совокупности они представляют собой Советскую власть на практике. Каждый житель города через своего депутата может внести предложение, настоять на нем, проконтролировать выполнение.

Вот, например, как рассказывает о своей депутатской работе стерженщица судоремонтного завода Раиса Филипповна Горячева:

— Наказы избирателей бывают самые разные, порой неожиданные, но их ценность в том, что они непременно отражают проблемы сегодняшнего дня. Благодаря наказам мы всегда знаем самые горячие точки, знаем, куда нужно направить усилия в первую очередь. Одно время вдруг посыпались жалобы на беспорядки в работе продовольственного магазина на моем участке. Оказалось, что в этом магазине слишком уж широк выбор товаров — от молока до водки. Администрация же магазина, учитывая разницу в цене этих товаров, отдавала явное предпочтение водке. Я внесла в торговый отдел горисполкома предложение перераспределить продажу товаров в соседних магазинах так, чтобы этот магазин освободить от спиртных напитков вообще. Решением исполкома предложение было, так сказать, узаконено. Приходилось решать и транспортные проблемы, изыскивать резервы в автопарке, налаживать порядок на нашем рынке, заниматься благоустройством района, установкой телефонов-автоматов. Другими словами, нет ни одной стороны жизни в нашем районе, которая бы не касалась нас, депутатов.

С РАБОЧИМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 12 октября в Москву с рабочим дружественным визитом прибыл Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) и Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ) Менгисту Хайле Мариам.

На Внуковском аэродроме Менгисту Хайле Мариама тепло приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол Социалистической Эфиопии в СССР Несибу Тайе.

Встреча на аэродроме.

Фото А. Гостева

В Балакове последние годы стало правилом на важных стройках, например, при сооружении школ, больниц, поликлиник, устанавливать депутатские посты. Если у строителей существует свое понимание важности и срочности объектов, то депутаты, действуя от имени избирателей, впрямую заинтересованных в скорейшем окончании строительства, следят за тем, чтобы именно эти объекты возводились без задержек и проволочек. В качестве примера можно привести строительство школы № 22, которая в нынешнем году приняла первых учеников. Это большое современное здание, отделанное деревом, бетоном, пластиком, со своими стадионом, спортивными площадками. Примером может служить и строительство четырехэтажной детской поликлиники, которая совсем недавно распахнула двери перед пациентами. Рассчитанная на шестьсот посещений в день, поликлиника оснащена всем необходимым оборудованием. Здесь работают детские врачи всех специальностей, есть даже кабинет, где больные могут восстановить силы после болезни, после операции; есть два бассейна.

Так вот, и школа и поликлиника не только построены по наказам избирателей — депутатские посты, установленные на строительных площадках, взяли под свой контроль ежедневные графики работы, каждую машину бетона, их интересовала даже производственная дисциплина. В результате оба эти объекта были сданы раньше намеченных сроков.

Если говорить только о трех последних годах минувшей пятилетки, то на выполнение наказов избирателей израсходовано более десяти миллионов рублей — построены детская больница, средняя школа на тысячу с лишним учащихся, несколько магазинов, предприятия службы быта, автодороги, поликлиника, школа-интернат, не говоря уже о более мелких объектах, сооруженных, как говорится, по ходу дела. Причем, как правило, действенное вмешательство депутатов обеспечивает не только выполнение всех работ в срок, но и гарантирует высокое качество, что не менее важно.

В Балакове нельзя не обратить внимания на овощные магазины — в них не только полный набор самых необходимых продуктов, но в достаточном количестве овощи и не первой необходимости. А судя по полному отсутствию каких бы то ни было очередей, снабжение устойчиво. Не последнюю роль играют тут депутатские посты на всех овощных базах, контроль за своевременной отгрузкой овощей, а также за их сохранностью. По наказам избирателей построено несколько овощехранилищ, на производственном объединении «Химволокно» сооружены теплицы — коллектив предприятия снабжается теперь свежими помидорами, огурцами. Предмет постоянных забот депутатов — пятьсот гектаров прудов.

Петр Александрович Емелин, работник «Химволокна»:

— Мы постоянно контролируем соблюдение социалистической законности на предприятиях, разбираем трудовые конфликты, следим за обоснованностью того или иного решения администрации, проводим выездные заседания по материалам проверок.

Анатолий Тихонович Дворядкин, директор филиала Саратовского политехнического института:

— Нам больше всего приходится заниматься вопросами материально-технической базы школ, комплектованием школьных кадров, профессиональной ориентацией учеников, их летним отдыхом, помощью сельскому хозяйству, созданием депутатских постов на строительстве школ. Другими словами, охватываем весь круг забот народного образования.

Виктор Иванович Уполовников, директор средней школы № 16:

— Как председатель территориальной депутатской группы я занимаюсь местными вопросами. По нашему настоянию был сооружен промтоварный магазин, причем мы проследили и за ходом его строительства. Изучив пассажирские потоки района, настояли на изменении графика движения автобусов, добились повышения дисциплины водителей, а то до чего доходило: водители съезжали с маршрута и отправлялись по своим делам. По нашему настоянию горисполком поставил вопрос перед Минавтотрансом, и теперь нам уже в этом году выделят 50 новых автобусов. Еще столько же машин ожидаем в следующем году. Недавно мы добились открытия нового маршрута. Собственно, можно сказать, что каждая депутатская группа — это маленький Совет народных депутатов в данном районе...

В планах горсовета, составленных по наказам избирателей,— строительство нового аэропорта, который мог бы принимать самолеты из Москвы, стоматологическая поликлиника, пионерский лагерь, троллейбусное депо, детский клуб, телефонная станция, магазины, дороги, школы.

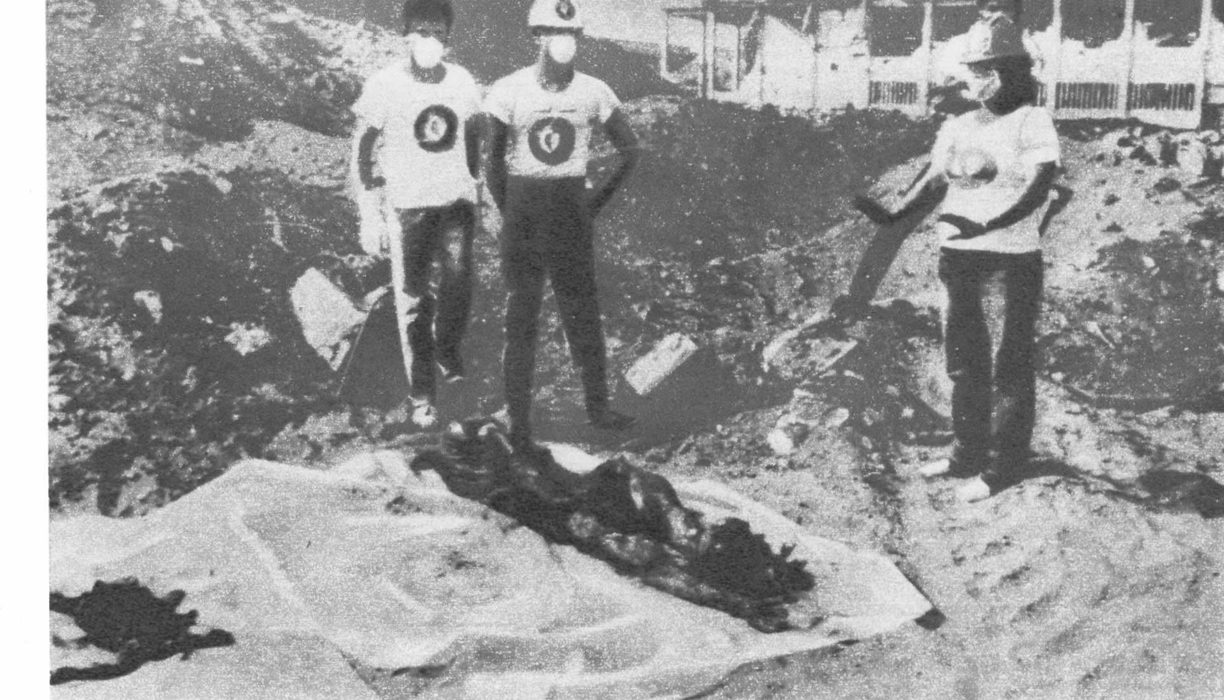
Депутатские группы опираются на семнадцать тысяч активистов, помогающих им в работе, и на товарищеские суды, и уличные комитеты, и женские советы — за каждым народным депутатом стоит та сила, которая и определяется емким словом «народовластие».

«Палестинскую проблему нельзя решить военным путем. Мы присягали защищать государство Израиль, а не устанавливать «новый порядок» в чужой стране...»

Это строки из петиции, которую подали в министерство обороны около тысячи израильских военнослужащих, в том числе сто пятьдесят офицеров. Они заявили о своем отказе служить в частях, оккупирующих Ливан, и потребовали вывода всех израильских войск с территории суверенной страны.

Для этого запоздалого прозрения понадобилось более четырех месяцев изнурительной войны, тяжелые потери самой израильской армии и гибель десятков тысяч ни в чем не повинных палестинцев и ливанцев. О чем же думали эти израильские солдаты раньше, в тот день 6 июня, когда начиналась операция с циничным названием «Мир для Галилеи»? Действительно ли они верили в то, что война, пусть даже самая короткая, может принести мир?! Одурманенные сионистской пропагандой, они были готовы выполнить любой приказ, не задумываясь над тем, что слова эти — «я выполнял приказ» — были и являются излюбленным оправданием всех военных преступников. Мир уже слышал эти слова, на Нюрнбергском процессе их повторяли довольно часто.

Этот протест израильских военнослужащих — случай отнюдь не единственный. Но тем не менее лидеры этого государства, видимо, полагают, что в целях установления «мира для Галилеи» сделано еще недостаточно много. Израильские войска вновь готовы

И сегодня продолжаются поиски останков жертв кровавого побоища, устроенного израильскими головорезами в лагерях палестинских беженцев.

АГРЕССОР НЕ УНИМАЕТСЯ

вторгнуться в Западный Бейрут (который, к слову сказать, находится от Галилеи на весьма изрядном расстоянии), продолжается концентрация танковых и механизированных частей агрессора в районе долины Бекаа, где занимают позиции сирийские части, входящие в состав межарабских сил по поддержанию мира в Ливане. Самолеты Израиля постоянно совершают разведывательные полеты над долиной Бекаа и горными районами Ливана. Наземные войска интервентов проводят там интенсивные учения и провоцируют столкновения с сирийскими частями.

Все эти действия Израиль совершает, прикрываясь лицемерными заявлениями о поисках мирных путей решения конфликта. Характерно, что прошедшие четыре месяца кровавой войны в Ливане изобиловали периодически объявляемыми «соглашениями о прекращении огня». Каждый раз эти «соглашения» вступали в силу в тот момент, когда израильскому командованию требовалась передышка с тем, чтобы произвести перегруппировку сил и нанести очередной удар. И, конечно, совершенно незаменимыми в этом плане были действия официального американского эмиссара Ф. Хабиба. Обращает на себя внимание, в частности, и такой, последний по времени факт: недавняя бомбардировка израильской авиацией позиций сирийских войск в районе перевала Дахр аль-Бейдар бы-

МИР — НАДЕЖДА ПЛАНЕТЫ

Английский поэт Эйдриен Митчел внимательно рассматривал в книжном магазине, находящемся на самой красивой улице Софии, Русском бульваре, книги авторов разных стран, переведенные на болгарский язык. Заканчивалась четвертая международная софийская встреча писателей. Отзвучали приветствия, речи, дискуссии. Участники и гости, готовясь к отъезду, бродили по осенней Софии, многие, как и английский поэт, листали страницы произведений классиков мировой литературы и наших современников, изданные в Болгарии. Их интерес был понятен. Ведь в конечном счете дело писателя — это книги, печатное слово, пришедшее к людям. И то, что в Болгарии, стране с древней культурой, сейчас так высок престиж литературы, что наряду с прекрасными произведениями известных болгарских писателей на полках книжных магазинов в обилии можно увидеть книги русских, английских, французских, немецких и авторов из многих других стран, рождало у участников встречи надежду, что их слово о мире, прозвучавшее в столице Болгарии, не останется вещью в себе, а разнесется по планете, достигнет сознания и сердец миллионов.

Я смотрел на Эйдриена Митчела, легкого, красивого человека, видел, как бережно брал поэт с полок один за другим изящно изданные томики, и вспоминал его выступление на конгрессе. Поэт говорил о надежде и отчаянии, владеющими писателями в современном мире перед лицом все растущей угрозы ядерной катастрофы. Глубокая тревога ощущалась в его словах. «Конечно,— говорил он,— надежда жива. Но меня охватывает отчаяние, когда я смотрю, например, на действия руководства своей страны, я чувствую отчаяние, видя отношение правительства Великобритании к проблеме Северной Ирландии. Но людям свойственно надеяться. И естественное движение человечества к надежде дает основание для оптимизма». В этих словах был сокрыт немалый смысл. Не случайно девизом четвертой международной встречи писателей стали слова «Мир — надежда планеты».

Чтобы обсудить проблемы, стоящие перед человечеством в наш ядерный век, чтобы поднять свой голос за сохранение мира и предотвращение войны, собрались в Софию писатели пяти континентов. Посланцы почти семидесяти стран мира приехали в Болгарию, чтобы продолжить борьбу за разрядку, против гонки вооружений, за развитие «духа Хельсинки».

Пять лет назад родились софийские встречи. Открывая четвертую софийскую встречу, председатель Союза болгарских писателей Любомир Левчев отметил, что эти форумы продолжили традиции, которые были заложены писателями-антифашистами и деятелями культуры накануне второй мировой войны. «Софийские встречи,— заявил оратор,— поддерживают и всегда будут поддерживать инициативы писателей, служащие делу мира».

Вопрос о войне и мире, продолжал Л. Левчев, это вопрос о жизни и смерти человечества. И сейчас не как в древности: его решают не боги, а люди. Оратор призвал писателей, собравшихся в Софию, поднять свой голос за мир во имя творчества и созидания, призвал людей, чей талант признан во всем мире, бороться против поругания человеческой совести, против отчаяния во имя надежды.

Курс на «холодную войну», на сверхвооружение, взятый империалистическими странами, если его не пресечь, может привести нашу планету к ядерной катастрофе и гибели. Поэтому движение народов за мир, в которое вливается и писательское движение, становится все более актуальным.

Это подчеркнул в своем послании участникам четвертой международной встречи писателей Генеральный секретарь Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии, Пред-

Во время четвертой международной софийской встречи писателей.

ла осуществлена сразу же после переговоров Ф. Хабиба в Дамаске, в ходе которых он требовал от руководителей Сирии вывода сирийских войск из Ливана. Этот бомбовый удар, как считают в ливанских политических кругах, имел целью военными средствами подкрепить политическое давление на Сирию со стороны США.

Кровавые преступления Израиля на земле Ливана остаются темой номер один мировой печати. Тяжкие преступления израильской военщины вынуждены признать даже наиболее реакционные буржуазные издания. На обложке одного из последних номеров журнала «Ньюсуик» изображен убитый и распростертый на израильском флаге голубь мира. Вверху надпись: «Израиль в муках»,— и чуть ниже слева: «После резни: сумеет ли Бегин выжить?» Последний заголовок явно имеет в виду ухудшение положения израильского премьера, резкое падение доверия к правящему кабинету как в самом Израиле, так и за его пределами. Что же до тех «мук», которые испытывает Израиль, то здесь американский журнал допускает если не явное преувеличение, то по крайней мере неточность, не называя, о ком именно в Израиле идет речь. Если о правящей клике Бегина и Шарона, то «мучения» этих господ и иже с ними весьма сомнительны. Равно как и «мучения» тех, кто хладнокровно расстреливал стариков, убивал штыками женщин и детей в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила. Одно не может вызвать никаких разночтений — это сам рисунок на обложке еженедельника. Тут комментарии, как говорится, излишни...

А. СОКОЛОВ

Фото АП — ТАСС

Их никакие связи не спасут —
Есть справедливый, есть народный суд!

Стихи С. МИХАЛКОВА
Рисунок М. АБРАМОВА

седатель Государственного совета Народной Республики Болгарии товарищ Тодор Живков. «...Я убежден,— обратился он к писателям, гостям Болгарии,— в том, что вопросом вопросов, который будет в центре вашего внимания, явится вклад мастеров художественного слова в борьбу за мир, за сохранение человечества и его цивилизации».

Выступивший на первом заседании секретарь правления Союза писателей СССР Николай Федоренко сказал:

— Разрешите мне прежде всего выполнить высокую обязанность — передать участникам встречи приветствие лично от главы Советского государства товарища Леонида Ильича Брежнева и его искренние пожелания достигнуть больших успехов в работе софийской встречи.

Послания в адрес софийской встречи направили премьер-министр Индии Индира Ганди, президент Мексики Хосе Лопес Портильо, генеральный директор ЮНЕСКО Амаду Махтар М'Боу, многие крупные писатели современности.

Избранный почетным председателем четвертой встречи известный английский писатель Джеймс Олдридж подчеркнул, что литераторы собрались в Софии, чтобы бороться и не молчать. Писатели, отметил Д. Олдридж, не могут быть равнодушны к тем, кто хочет обратить мир в ничто, превратить планету в космическую пыль.

С высокой трибуны софийской встречи художники слова говорили о том, что их долг влиять на общественное мнение, нести людям животворные идеи мира.

Вице-президент академии поэтов США Уильям Мередит заявил, что американских писателей, прибывших в Софию, вдохновляет идея мира. От имени честных американцев он выступил на встрече мировой литературной интеллигенции с призывом к писателям бороться за дело мира в наш тревожный, неспокойный век.

— Сегодня,— сказал известный болгарский писатель Богомил Райнов,— когда человечество, почувствовав леденящее дыхание войны, остановилось на перекрестке, где решается его судьба, разум сам по себе стал бессилен. Если нам не хватит любви к человечеству и воли уцелеть, никакие расчеты нам не помогут. И если литература — это мощное оружие против сил мрака, то только потому, что представляет триединство, синтез разума, чувства и воли. Произведение искусства должно рождать надежду, призывать выстоять и победить. Литература и ее творцы призваны объективно противоборствовать разъединению — одному из бичей современности.

В выступлениях многих писателей прослеживалась мысль об абсурдности и преступности неудержимой гонки вооружений, наращивании арсенала смерти, нависшей над человечеством. Единомыслие и единодействие должны противостоять горстке безумцев. Талант ответствен перед будущим за судьбы планеты, за жизнь поколений, идущих вслед за нами.

Малийский писатель Гуасу Диавара говорил, что африканские народы, лишь два десятилетия назад вырвавшиеся из мрака колониализма, голода и невежества, нуждаются в мире. Из лексики наших дней, сказал он, должны быть вычеркнуты слова «война», «нейтронная бомба», «расизм», «апартеид» и т. д. Народы освободившихся стран ищут мира, чтобы вновь расцвели сады, уничтоженные в эпоху рабства. И потому писатели не могут удовлетвориться ролью свидетелей, они должны действовать.

О мире, будущем, о надежде и борьбе с опасностью всеобщего уничтожения говорили с трибуны софийской встречи П. Вестберг (Швеция), С. Михалков (СССР), Д. Лайвси (Канада), Я. Козак (Чехословакия), Э. Роблес (Франция), У. Орильо (Перу), Д. Роксандич (Югославия), М. Ода (Япония), Д. Цэдэв (Монголия), Н. Вретакос (Греция), Р. Ногар (Мозамбик), А. Оло (Бельгия), В. Тейтельбойм (Чили), Э. Фишер (ФРГ), А. Несин (Турция), Ч. Айтматов (СССР) и другие.

На софийской встрече работали несколько секций, на заседании каждой из которых происходил оживленный обмен мнениями по конкретным вопросам, волнующим литераторов всего мира.

Завершая четвертую международную встречу писателей, ставшую яркой вехой движения за мир, безопасность и сотрудничество между народами, ее почетный председатель Джеймс Олдридж огласил воззвание писателей к людям всех континентов. В нем, в частности, говорится:

«Мы обращаемся к тем, кто направляет политику своих стран: объявите открытую программу мира. Откажитесь прежде всего от использования атомного, химического, бактериологического и вообще всякого оружия. Направьте усилия народов на выполнение мирных программ...

Мы обращаемся к тем, кто открывает невидимое будущее науки: откажитесь от всякого содействия развитию и совершенствованию оружия массового уничтожения. Наука не должна запятнать себя преступлением. Сохранение мира — на вашей ответственности.

Мы обращаемся к тем, кто носит военную форму: не забывайте, что вы прежде всего принадлежите к человеческому роду, что вы — граждане нашей планеты. Мир — он нужен всем нам.

Мы обращаемся к труженикам всей земли: не тратьте свою физическую и умственную энергию на войну, посвятите ее миру...

И наконец, мы обращаемся к людям искусства: не служите прямо или косвенно целям войны. Давайте служить людям, показывая высокие образцы вечного стремления человека к гармонии и совершенству, к красоте жизни, которая рождает жажду мира. Мир зависит от всех нас...»

Четвертая софийская встреча писателей подтвердила стремление человечества к миру и подчеркнула ответственность каждого за его сохранение — «Мир зависит от всех нас...».

В. ЕНИШЕРЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

София — Москва.

РОМАНУ М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» — 50 ЛЕТ

ЗНАМЯ СОЦИАЛИ

Константин ПРИЙМА,
доктор филологических наук

Шолохов своими романами «Тихий Дон» и «Поднятая целина» предстал перед читателями как могучий летописец, художник-новатор огромной художественной мощи. Как новатор в стиле, в проблематике, в изображении народа на войне, в революции и коллективизации; как новатор в развитии лучших традиций русской классики, как один из основоположников метода социалистического реализма.

Шолохов создал свой самобытный и неповторимый стиль, свой поэтический язык, столь богатый метафорами, искрящийся образностью; явил миру свою особенную интонацию и музыкальность слога, открыв в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» так очаровавшее миллионы читателей свое, **шолоховское**, видение Человека, общества и мира природы в их естественном бытии, движении и перспективе.

Вот эта национальная самобытность стиля, чрезвычайная оригинальность таланта, глубина и пластичность художественного изображения в слове сразу же выдвинули Шолохова в один ряд с гигантами русской и мировой классики — с Пушкиным и Шекспиром, с Гоголем и Бальзаком, с Достоевским, Львом Толстым, Максимом Горьким. Романы Шолохова покорили нас высочайшей художественностью, партийностью авторской позиции, активным вторжением в жизнь.

Известно, что в 20-е годы многие писатели, игнорируя современную тематику, прикрывались «щитом» дистанции во времени, ссылаясь на Л. Толстого, который-де эпопею «Война и мир» смог написать лишь полвека спустя после разгрома Наполеона. Романами «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохов, как никто другой в советской литературе, смело отверг эту концепцию и показал всем, что писатель может и должен идти в ногу с временем. В неслыханно короткий срок (за полтора года!), будучи в гуще народной, идя «по горячим следам», Шолохов создал величественный памятник эпохе коллективизации.

Не надо думать, что творческий путь Шолохова был устлан коврами и цветами. Нет! Создавая романы, писатель шел по терниям, преодолевая неимоверные трудности. Они состояли не в длительных командировках — он жил, так сказать, на поле боя, был всегда среди народа, в гуще событий. И не в том, что писатель, может быть, не успел побывать на колхозных собраниях всех крупнейших станиц. И не в том, что в решающие дни создания колхозов рука классового врага поджигами и убийствами ставила в тупик двадцатипятитысячников — председателей колхозов, руководство райцентра и даже самого писателя.

Трудности эти заключались в том, что правление РАПП (Авербах, Лузгин и другие) с апреля 1929 года сорвало в журнале «Октябрь» публикацию третьей книги «Тихого Дона». Шли месяцы, годы... Читатели заваливали писателя тысячами писем, требуя ответа, что случилось с романом. В обстановке травли в прессе, наветов о плагиате, обвинений Шолохова в сползании с классовых позиций рапповцы понуждали его к коренной переработке романа («И если всех слушать, то три четверти нужно выбросить!» [1]), требовали изъятия из текста разоблачений Троцкого и его приспешников — виновников расказачивания Дона в 1919 году.

В это же время ярые троцкисты (в литературных кругах — встречаясь с Шолоховым) дерзко упрекали его «в политической неграмотности, в незнании русского мужика и вообще деревни» [2], в идейной близости к белогвардейцам. На московских дискуссиях (1928 и 1929) и в печати рапповцы аттестовали Шолохова как писателя «непролетарского», обвиняли в «идеализации кулачества и белогвардейщины», а роман «Тихий Дон» именовали «воспоминаниями белогвардейца». Осенью 1930 года с ведома правления РАПП в Ростове-на-Дону была организована третья погромная дискуссия о «Тихом Доне». Главный докладчик Н. Янчевский, назвав «Тихий Дон» «чуждым, враждебным пролетариату» «знаменем», а его автора — «идеологом кулацкой части казачества и зарубежного дворянства», домогался изъятия из стенограммы XVI партсъезда упоминания о «Тихом Доне» [3] в списке лучших произведений советской литературы...

В этой трудной обстановке, проявив железную волю, писатель стал задумываться над сюжетом нового романа. Жизнь звала его на передовую линию. Грандиозное движение середняка в колхозы, выход Вешенского района по темпу коллективизации на первое место в стране, решения состоявшегося летом XVI съезда партии Шолохов воспринял для себя как знамение, как призыв запечатлеть этот исторический переворот в художественном слове.

Еще в январе 1930 года вместе с райкомовцами, с красными партизанами, комсомольцами Шолохов в станице Вешенской с объятиями встречал двадцатипятитысячников, прибывших организовывать колхозы. Он выезжал с ними на хуторские собрания, где их избирали председателями колхозов. Видел их на колхозной борозде, на косилке, при уборке зерновых... И перегибы председателя Вострикова в хуторе Гремячем, и первый вражеский выстрел по краснопутиловцу Николаю Баюкову в Верхне-Чирском хуторе, и всполох бабьего бунта в Лебяжьем, где председатель из матросов Андрей Плоткин все же выстоял и призвал всех к труду,— все это (как и многое другое) было в поле зрения писателя. А тут вдруг в дни работы XVI партсъезда органами ОГПУ на Верхнем Дону была раскрыта крупная подпольная кулацко-белогвардейская организация во главе с есаулом Сениным (учителем станицы Боковской).

Начало новой работы примечательно вступлением Шолохова в кандидаты партии в Вешках, а затем чрезвычайно важной его поездкой в Ростов-на-Дону. Но не на третью дискуссию о «Тихом Доне». Нет! Кстати сказать, в те самые дни, когда в Ростове, в кулуарах редакции «На подъеме» (орган СКАПП) еще кипели дискуссионные страсти (там готовили клеветнический доклад Янчевского к публикации в 12-й номер журнала), Шолохов напряженно работал в архиве Северо-Кавказского краевого управления ОГПУ. Он тщательно изучал следственные материалы кулацко-белогвардейского подполья — «Дело есаула Сенина», совсем недавно раскрытого на Верхнем Дону. Событие это неожиданно прояснило масштабы грозившей опасности.

Как видим, на новом этапе истории ленинский лозунг «Кто — кого?», так волновавший писателя еще в пору создания «Донских рассказов», с необычайной яркостью озарил ему перспективу эпохи, снова призвал летописца Шолохова на передний край идеологической борьбы двух миров.

Учитывая опыт современников — Ф. Панферова, И. Шухова, В. Ставского и других, разрабатывавших крестьянскую проблематику, а также опираясь на лучшие традиции классиков и, в частности, памятуя неувядаемый завет Льва Толстого: «Ничего не утаю», «не лгать отрицательно — умалчивая», Шолохов в «Поднятой целине» запечатлел правду жизни, как ни горька она бызала.

При этом мы должны помнить, что Шолохова в творчестве привлекала не просто правда факта, а правда обобщенная, извлекающая уроки из прошлого для настоящего и будущего.

Правда жизни, строгий историзм, революционная перспектива при высочайше самобытной художественности «Поднятой целины» и снискали новому роману неизбывную любовь миллионов читателей.

В «Поднятой целине» все ново: форма, проблематика, типы персонажей. Авторское письмо, диалоги персонажей самобытны и необычайно богаты «алмазными россыпями», как точно подметил С. Н. Сергеев-Ценский, искрящимися метафорами, пословицами и поговорками. Для Шолохова характерна своя палитра красок, своя музыкальность слога, глубокий подтекст, в нужных случаях символика. Речь его персонажей индивидуализирована особой образностью, синтаксическим строем, внутренней экспрессией и интонацией. Стиль Шолохова примечателен ясностью, чеканной звонкостью, донским колоритом, устно-поэтическими и просторечными формами. Монологи Давыдова, Нагульнова, деда Щукаря приобрели хрестоматийную значимость.

Проблематика романа многогранна и весьма поучительна. Партия и массы, вожак и коллектив, поиск правды жизни и выбор пути, экспроприация кулачества, доверие и бдительность, личное и общественное, национальное и интернациональное.

Крупнейшим достижением Шолохова в романе является монументальная фигура большевика Давыдова, краснопутиловского пролетария, матроса с Балтики, посланца партии — двадцатипятитысячника. В его образе Шолохов высокохудожественно материализовал идею руководящей и организующей роли Коммунистической партии в социалистическом преображении России.

Давыдов не «идеальный» герой, о котором так тосковали критики. Это образ борца-труженика, идейно зрелого, несущего в массы слово и дело партии. Не застрахованный от промахов и ошибок, но творчески мыслящий, стремящийся руководить, а значит, и учить других; он в то же время активно сам учится у народа житейской мудрости. Совершая ошибки, он умеет критически их осмыслить и исправить, с извлечением уроков для себя и окружающих. Под пером Шолохова уроки Давыдова — а он завоевывает сердца тружеников хутора Гремячий Лог! — выходят за хуторскую грань и приобретают российскую, общесоветскую, а затем и международную значимость.

В первой сцене появления Давыдова, в его споре с секретарем окружкома партии о кулаках; на собрании хуторской бедноты в Гремячем Логе; при раскулачивании Титка Бородина, в доме у Островнова, где Давыдов стремится постичь тайны хлеборобского мастерства; в стихии бабьего бунта, который он вынес на своих плечах, не уронив чести, и в роковую ночь своей гибели — всюду в действиях Давыдова видны приметы времени, печать истории, страницы летописи рождения коммунистической нови.

В 1932 году со страниц журнала «Новый мир», а потом и книжных изданий «Поднятой целины» большевик Давыдов, образно говоря, шагнул в мир. И его восторженно приняла вся наша страна. Давыдов вошел в каждый колхоз, совхоз, МТС, в каждую бригаду, вошел в советские семьи, как старший брат, как друг, как дорогой человек, несущий людям разумное, доброе, вечное и отдавший им свое пламенное сердце.

Тема «партия и массы» красной нитью пронизывает роман. Ее различные аспекты находят свое яркое художественное воплощение не только в действиях Давыдова, но и в образах вожака агитколонны Кондратько, агитатора Найденова, секретаря райкома Нестеренко, в мудрых беседах с Давыдовым кузнеца Шалого, колхозника Аржанова (вспомним его замечательную притчу о «чудинке»).

Всматриваясь в негативные явления жизни, Шолохов решительно осудил в романе волюнтаризм секретаря окружкома Корчжинского, перегибы в Гремячем Макара Нагульнова, ошибку с раскулачиванием середняка Гаева...

В «Поднятой целине» каждый герой — это тип эпохи. В их ряду особое место занимает фигура казака-середняка Кондрата Майданникова.

Проблема середняка давно волновала Шолохова. Она является главенствующей в «Тихом Доне» с его бессмертным правдоискателем середняком Григорием Мелеховым. На новом этапе истории Шолохов показал нам казака-правдоискателя, который на полях гражданской войны сознательно защищал и утверждал Советскую власть. Но вот насту-

---

[1] Из письма М. Шолохова от 6.6.1931 к А. М. Горькому: «Лит. наследство». М., Изд-во АН СССР, т. 70, 1963, с. 697.

[2] «Лит. наследство», т. 70. М., 1963, с. 698.

[3] Журнал «На подъеме», 1930, № 12. Н. Янчевский «Реакционная романтика»; см. также в книге «С веком наравне», с. 189.

СТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

пила эпоха коллективизации. Середняк пошел в колхоз. XVI партсъезд летом 1930 года еще раз подчеркнул в своих документах, что для трудового народа — путь туда единственный. «Да, единственный»,—говорит и Кондрат Майданников. Но как он тернист! Как трудно оторвать от себя пуповину частной собственности. Действительно, как горько и тягостно расставание с ней, мы по-настоящему узнали из раздумий, мук и терзаний Кондрата Майданникова. Мысль Кондрата — бывшего воина Первой Конной, охватывает поля сражений с белополяками и врангелевцами, Красную площадь с Мавзолеем Ленина и алым стягом над Кремлем; его одолевают думы, почему рабочие Запада «припозднились» с революцией и не помогают строить социализм! Кондрат всей душой за партию. Он понимает, что ему надо бы вступить в ее ряды, но он воздерживается и признается в этом Нагульнову — «жалость-подлюка» по своим быкам все еще терзает по ночам его душу.

Нравственное обаяние, честность и благородство человека труда в художественных обобщениях Шолохова, при его требовании чуткого, бережного, гуманного отношения к середняку, делают эту проблему, боль его сердца, ощутимой и понятной миллионам, а его думы и чаяния приобретают общечеловеческое звучание.

И Шолохов, конечно же, был прав, когда в пору создания «Поднятой целины» писал Горькому (6.6.1931): «Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять... и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции».

Полувековая история дала этому прорицанию Шолохова убедительное подтверждение!

Прекрасна в «Поднятой целине» когорта типов хуторской бедноты — опоры Советской власти. Это председатель Совета Андрей Разметнов, колхозники Павел Любишкин, Демка Ушаков, Устин Рыкалин, Варя Харламова, Демид Молчун, дед Щукарь... На опыте их жизни и судьбах писатель показывает, что для них понятия Советской власти и колхоза нерасторжимы. Признав в Давыдове настоящего вожака, строителя колхоза, бедняк Любишкин говорит ему на собрании: «Чего ты, чудак, нас за Советскую власть агитируешь? Мы ее в войну сами на ноги тут становили, сами и подпирали плечом, чтоб не хитнулась. Мы знаем, что такое колхоз, и пойдем в него. Дайте машины!»

В портретах, в действиях, в диалогах бедняков нас поражают самобытность, жизнелюбие, их чувство собственного достоинства. Дед Щукарь среди них стоит особо, являя нам персонаж, возвысившийся в художественных обобщениях Шолохова до классических образов Швейка, Санчо Панса, Кола Брюньона.

Крупной художественной удачей в романе является изображение типов вражеского лагеря. Они во многом были хорошо памятны писателю с юных лет. Еще во время службы в ЧОНе Шолохов знал их посадку в седлах, повадки на миру, коварство и жестокость, способность к маскировке и кровавым злодеяниям. Несомненно, в 1928 — 1930 годах враг начал менять свою тактику и даже обличье, порой уходя в подполье, но продолжая готовиться к мятежу. Таким в «Поднятой целине» запечатлен есаул Половцев.

По словам Шолохова, его прототипом был Сенин, бывший учитель станицы Боковской, в прошлом есаул, ярый белогвардеец, комендант и секретарь суда, чинившего кровавую расправу над отрядом Подтелкова и Кривошлыкова в мае 1918 года. Шолохов, детально изучив «Дело есаула Сенина», говорил мне о нем так: «Да, это был редкостный тип. Это был враг умный, жестокий, начитанный и сильный. У него, например, при аресте, кроме оружия, было изъято 25 томов сочинений Ленина. Как видим, этот есаул всерьез изучал ленинизм! На вопрос, что он искал в трудах Ленина, есаул при допросе ответил: «Чтобы бить врага, надо знать его оружие!» Таков был наш противник.

Здесь следует отметить, что некоторые критики, в частности В. Литвинов, в своей монографии «Михаил Шолохов» ошибаются, когда ставят в один ряд казака-середняка, правдоискателя Григория Мелехова, именуя его «политическим бандитом», и палача есаула Половцева, который, получив возможность честно трудиться, вновь становится на путь кровавой борьбы против народа, создает подпольную кулацко-белогвардейскую организацию, готовит мятеж.

Литвинов пишет, что во второй книге «Поднятой целины» в жизни Половцева начался «моральный и политический кризис, распад личности «казачьего вождя», что наступает «тупая опустошенность», «нравственное падение» и «моральная гибель белого есаула».

Но ведь Шолохов в последних главах «Поднятой целины» убедительно показывает нам, что при всей его (Половцева) изоляции (так как казаки отвернулись от него!), при безнадежности его положения он ожесточен, целенаправлен, распорядителен в приказах Островнову, куда надо спрятать его шашку, пулемет, диски патронов... Покидая дом Островнова на неделю, Половцев властно говорит о том, что его дело еще «восторжествует!»: «Мы снова должны прийти сюда, потому что восстание я на своем участке буду подымать отсюда, из Гремячего. И час уже близок!».

Потерпев полный разгром в Гремячем, убив Нагульнова и Давыдова, есаул Половцев по ходу сюжета скрывается в Средней Азии. И когда его накрыла служба ОГПУ, его глаза горели ненавистью. К тому же, как это изображено Шолоховым в конце романа, на новой квартире, прикрывшись 25 томами сочинений Ленина, с маузером в столе, обретя личину счетовода Калашникова, есаул Половцев изучает ленинизм, чтобы бить нас без промаха!

Образ кулака Островнова также необычайно примечателен. Это враг давний, хитрющий, настолько глубоко замаскировавшийся, что даже председатель хуторского Совета Разметнов считает его «нашим», «культурным хозяином». Островнов перелицевался в середняки, сумел войти в доверие к Давыдову — стал завхозом колхоза, а по инструкциям есаула Половцева вредительствует, участвует в убийстве бедняка Хопрова... В его доме нашли приют белогвардеец Половцев и агент зарубежной разведки Лятьевский, имевший связи с самим белогвардейским генералом Кутеповым, обосновавшимся в Париже.

До выхода в свет «Поднятой целины» советская литература не имела столь правдивых, ярких образов персонажей врагов. Половцев, Островнов, Лятьевский, Тит Бородин — это не только большие художественные обобщения правды жизни, но и историко-политические открытия для нас того простого факта, что враг в те годы начал орудовать «тихой сапой». Так, со страниц «Поднятой целины» тогда вся страна услышала могущественный призыв писателя-бойца к повышению бдительности.

Здесь уместно подчеркнуть, что проблема бдительности на селе во весь рост была поставлена на январском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 году.

Мы остановили внимание на некоторых аспектах жизненности и актуальности романа «Поднятая целина» для 30-х годов. Однако этот роман Шолохова и по сей день находится в нашем строю и помогает партии и всему народу бороться за укрепление колхозного могущества, в том числе и за осуществление Продовольственной программы в наши дни.

Партийность авторской позиции в романе, строгий историзм, глубина проникновения в психологию персонажей наших героев и врагов, изображение будней в становлении колхозов, раскрытие в «мелочах» сущности нового отношения людей к земле, инвентарю, колхозному скоту, утверждение социалистического уклада жизни — все это дает основание сказать, что «Поднятая целина» явилась для нас энциклопедией опыта коллективизации.

В 1932—1935 годы «Поднятая целина» М. Шолохова перешагнула рубежи нашей Родины и превратилась в литературно-художественное и общественно-политическое произведение всемирного значения.

Империалистическая реакция, заправилы буржуазных государств сразу же почуяли в шолоховском романе победную песнь коллективизации в СССР и приняли все меры к дискредитации романа. Уже в конце 1932 и в начале 1933 года особыми распоряжениями правительства, прокуроров, полиции в Румынии и Болгарии, Венгрии и Польше, в Югославии, Италии, Китае «Поднятая целина» была запрещена к ввозу и также изданиям в переводах.

Первый зарубежный перевод «Поднятой целины» подготовил антифашист Эдуард Шиманн для коммунистического издательства «Литература и политика» в Германии в 1932 году. Однако в связи с фашистским переворотом верстка книги «Поднятая целина» была уничтожена гестаповцами, а переводчик, загнанный в концлагерь, пропал без вести. К счастью, его друзья сохранили копию перевода романа, вывезли ее в Норвегию. В 1932 году в Осло в издательстве «Ринг» коммунисты выпустили «Поднятую целину» на немецком языке. Вскоре австрийские энтузиасты, сбежавшие от фашистов из Вены в Швейцарию, в издательстве «Бюхергильде Гутенберг» издали свой перевод шолоховского романа.

Вот так «Поднятая целина» в переводе Э. Шиманна, Б. Кроткова и Г. Штёсслера из Норвегии и Швейцарии начала свое триумфальное шествие в скандинавские страны и в США, в Японию и Китай, в Италию, Испанию, Францию...

В ряде стран в довоенные годы «Поднятая целина» была подвергнута варварским сокращениям. Так, например, во Франции белогвардейцы, скрывшиеся под псевдонимами Д. Эргаз и Б. де-Шлезер, в издательстве «Галлимар» выпустили шолоховский роман под заглавием «Распахиватели», вырубив в нем последние семь глав и поставив точку на главе XXXIII, в которой, как известно, описан эпизод бабьего бунта с избиением коммуниста Давыдова.

Фальшивка эта была тогда же разоблачена французскими коммунистами изданием полного перевода «Поднятой целины» с декларацией-протестом М. А. Шолохова от 2 ноября 1933 года против извращенного выпуска его романа. Подобные диверсии против «Поднятой целины» предпринимались реакционерами в Болгарии, Румынии, Югославии и других странах.

Но в эти же годы шолоховский роман переводится и издается в Праге и Стокгольме, Лондоне и Мадриде, в Гааге и Нью-Йорке, в Токио и Белграде.

После второй мировой войны «Поднятая целина» своей высочайшей художественностью и актуальностью проблематики проложила дорогу во все страны мира.

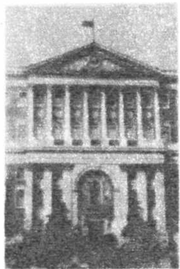
В 1960 году в связи с выходом в свет второй книги «Поднятой целины» М. А. Шолохову была присуждена Ленинская премия. Завершение великого эпоса о коллективизации привлекло внимание миллионов читателей не только в СССР, но и за рубежом. «Поднятая целина» проникла в Индию, в арабский мир, в страны Латинской Америки. В странах социалистического лагеря, по словам первого секретаря ЦК БКП Тодора Живкова, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» вошли в каждый наш дом, стали настольными книгами для всех нас, и особенно для тех, кто распахивал болгарскую целину, чтобы первым повернуть нашу родину на путь Советского Союза».

Да, действительно шолоховская эпопея «Поднятая целина» стала настольной энциклопедией опыта коллективизации. И поэтому в странах социализма была взята на вооружение коммунистическими и рабочими партиями.

«Поднятая целина», полувековой юбилей которой мы отмечаем, это классика социалистического реализма.

В недавнем постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» отмечена необходимость неукоснительно следовать жизненной правде в произведениях, посвященных отечественной истории, социалистической революции и коллективизации. В свете этого постановления шолоховская «Поднятая целина» партийностью авторской позиции, строгим историзмом, правдой жизни, высокой художественностью и актуальностью проблематики являет нам достойный пример служения партии и народу.

Ростов-на-Дону.

МОСКВА И МОСКВИЧИ

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С РЫБОЧКИНЫМИ

Как такое могло получиться? Московскому хлопчатобумажному комбинату имени Ф. Э. Дзержинского, бывшей Прохоровской Трехгорной мануфактуре, 183 года, а Рыбочкины уже проработали здесь 250 лет.

Ефим Федорович Рыбочкин — основатель династии — пришел на Трехгорку в 1910 году. Был он слесарем. А жена его Анна Денисовна — ткачихой.

В октябрьские дни 1917 года они вместе с другими рабочими сражались на баррикадах в центре Москвы — на Большой Дмитровской, ныне Пушкинской, улице. После революции супруги трудились по-ударному. Анна Денисовна стала многостаночницей: перешла с шести станков на двенадцать. Ефим Федорович возглавил бригаду по монтажу и модернизации оборудования. Воспитывали сыновей, Николая и Дмитрия. Отец передавал им опыт, знания, прививал любовь к фабрике. Не только опыт переходил по наследству от отца к сыну, но и звание бригадира слесарей. Хотя нет, не по наследству. Этого ответственного звания добивались собственным упорным трудом и учебой Дмитрий Ефимович, а потом его сын Валентин.

Теперь, мне думается, уместно будет поговорить о той пользе, которую несут династии. Человек, только что пришедший на производство, не заново осваивает незнакомую профессию. Он много уже знает — от отца или от матери, от старших братьев. И имеет возможность начинать дорогу с более высокой ступени.

Видно, очень любили свой родной комбинат и свою работу Ефим Федорович и Анна Денисовна, если их дети, внуки и даже правнуки работают здесь. Были среди них и ткачихи и отделочницы. Ну, а слесарь — это традиционная профессия мужчин. Владимир Николаевич Рыбочкин прошел всю «лестницу»: начинал слесарем, потом стал старшим мастером литейно-механического цеха, начальником ремонта ткацкого производства. Окончил техникум и текстильный институт. Сейчас — главный механик завода.

Скоро на Трехгорке появится и совсем молодое поколение Рыбочкиных. Дочь Владимира Николаевича Лена в этом году оканчивает Московский текстильный институт...

Словом, 250 лет, что отдали Рыбочкины Трехгорке, еще не край.

И. ТОЛКАЧЕВА

Это только часть рабочей династии: бухгалтер А. С. Рыбочкина, начальник отдела кадров Р. Д. Иншакова, главный механик В. Н. Рыбочкин, председатель профкома отделочного производства Л. Д. Ежова.

Фото А. Награльяна

ДЕНЬ КАК ДЕНЬ

Ежедневно в столице выпускается 1009 автомобилей, 41 металлорежущий станок, на 235 тысяч рублей средств вычислительной техники и запасных частей к ним, 2042 тысячи квадратных метров ткани всех видов, 50 тысяч штук верхнего трикотажа, 78 тысяч пар кожаной обуви, 37 тысяч часов, 1143 радиоприемника и радиол широковещательных, 2195 телевизоров, в том числе цветного изображения — 1269, 622 холодильника, 442 стиральные машины.

С Московского железнодорожного узла ежедневно отправляется 46,3 тысячи тонн грузов, а речным транспортом — 29,6 тысячи тонн. Автомобильным транспортом общего назначения перевозится более 570 тысяч тонн грузов. Все виды городского транспорта доставляют в разные концы столицы 14,9 миллиона пассажиров.

7,7 миллиона писем, газет, журналов, посылок, денежных переводов, пенсионных выплат, телеграмм — такова ежедневная норма столичных связистов.

Ежедневно вступает в строй 199 квартир.

325 тысяч зрителей каждодневно посещают кинотеатры.

Все это нашему корреспонденту М. ЦЕБОЕВУ сообщили в городском статистическом управлении.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Таким транспарантом встречает посетителей павильон крупного рогатого скота на ВДНХ СССР в Москве. А посетителей много потому, что здесь интересно — здесь знакомят с опытом передовых хозяйств страны.

...Комплекс по производству молока «Брильянти» в колхозе «Адажи» под Ригой напоминает современное промышленное предприятие. Только со всех сторон его окружает лес. В колхозе более четырех тысяч голов крупного рогатого скота, и тысяча размещена в «Брильянти». Этот полностью механизированный комплекс создан в содружестве с проектировщиками, архитекторами и специалистами Латвийского НИИ животноводства и ветеринарии. Здесь есть секции для дойных коров, родильное отделение, профилакторий для телят... Вереница коров выстроилась к доильным установкам «Елочка»: ждут своей очереди. Мастера машинного доения одеты в сиреневые костюмы, звучит музыка. Может быть, это тоже способствует удоям?

А кабинет, где дежурный оператор следит за работой! Двадцать четыре телекамеры позволяют получать информацию о ходе всех работ на комплексе. Электровычислительные машины контролируют здоровье коров, технологию доения, помогают использовать генетические свойства породы.

— Каждый раздел экспозиции иллюстрирует разделы Продовольственной программы,— рассказывает методист павильона Нелли Васильевна Четкина.— Вот, например, колхоз имени Карла Либкнехта Одесской области, которым руководит А. И. Саенко, совершенствует молочную красную степную породу. Научно разработанные режимы кормления и доения, чистопородность скота, большая селекционная работа дают прекрасные результаты — более пяти тысяч килограммов молока в год от коровы.

Герой Социалистического Труда доярка В. А. Трофимова.

Фото автора

С этими и многими другими хозяйствами, внедряющими прогрессивную технологию в животноводстве, знакомятся в павильоне приезжающие на ВДНХ экскурсанты. Живые «экспонаты» — коровы, их привезли из разных хозяйств страны. А доярки, которые ухаживают за ними,— экскурсоводы особые, они делятся тайнами своей профессии, передают богатый опыт. Вот посетители обступили немолодую женщину и наперебой задают ей вопросы. Герой Социалистического Труда Валентина Александровна Трофимова отвечает и рассказывает о себе:

— Я уже на пенсии. А пришла на ферму шестнадцати лет, в 1945 году. Более тридцати лет проработала на племзаводе «Караваево» Костромской области. Сейчас и мои дети — дочь Галина и сын Виктор — работают там же. А здесь я ухаживаю за караваевскими коровами — Мечтой и Крупяной.

Да, коровы эти хороши, и удои у них высокие. Но чемпионом стала Иволга, симментальской породы, с племенного завода «15 лет Октября» Киевской области. Ее надой — 13 667 килограммов молока и жирность — почти четыре с половиной процента. Действительно «модельное животное», как сказала доярка.

В. МИХЕЕВ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЭТАЖИ

Девяносто лет назад в новом здании на Неглинной улице основал небольшую типографию и при ней нотный магазин П. И. Юргенсон, друг и издатель Петра Ильича Чайковского.

Широкая, в два пролета лестница. Зал с кружевными решетками; портреты композиторов. И ноты, ноты — сколько их здесь? Выбрал, можно проиграть тут же — на старинном рояле. Чьи только пальцы не касались его клавиш... Ведь сюда приходили А. В. Нежданова, Н. С. Голованов, В. В. Барсова, С. И. Мигай, Е. А. Степанова.

Сегодня в магазине «Ноты» ежедневно бывает около двух тысяч покупателей — исполнители и композиторы, дирижеры и певцы, студенты консерватории и ученики музыкальных школ. В пяти отделах есть многое из того, что нужно музыканту, поэтому никто из приезжающих на гастроли не минует магазина.

— Спросом пользуются и различные учебники, учебные пособия,— говорит заместитель директора Н. Г. Котова.— Всегда популярна классика. Хорошей традицией стали музыкальные встречи. Подумываем и об организации клуба любителей музыки. Вскоре магазин получит новое имя: будет называться Московским Домом музыки. После реконструкции нам предполагают передать первый этаж здания — здесь разместится магазин пластинок.

К. ФЕДОРОВА

В. Игошев. Род. 1921. ПОРТРЕТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА Т. С. МАЛЬЦЕВА. 1981.

Художественная выставка «50 лет МОСХ».

К. Максимов. Род. 1913. САШКА-ТРАКТОРИСТ. 1954.

Художественная выставка «50 лет МОСХ».

КАК В ПОЛЕ ОСЕННИЙ КОСТЕР

Владимир ЛАЗАРЕВ

●

Не случайно и не вдруг
В мир твоей квартиры новой
Я принес тебе, мой друг,
Землю с поля Куликова.
Чтобы ты не позабыл,
Песни новые слагая,
Смысл отеческих могил,
Дух отеческого края.
Чтоб в душе твоей зажглась —
Не на случай, не обманно —
Нестихающая страсть,
Несмолкающая рана.
Эти комья, эта пыль
Ветерок бескрайний слышат
И туманом сизым дышат.
Снится им степной ковыль.
В поле том на самом деле,
Став плечом к плечу в полках,
Страх ярма преодолели,
Над душой нависший страх.
Ты прими, товарищ, в дар
Эту землю... Привечая
Тех, кто, в ней души не чая,
Каждый холмик знал и яр...
Был такой, Степан Нечаев,
Декабрист, душа святая,
Да и Федоров Захар,
Тот, который в наше время,
В поле том один, как перст,
На полтыщи верст окрест
Нес свой крест — живое бремя,—
Был хранитель этих мест.
Так умел грозить он палкой,
Так он хмуриться умел.
И бранился он, и плакал,
И, слабея, всех жалел...
Как давно все это было.
Только было все всерьез.
Не избылось, не забылось...
Землю я тебе принес,
Чтоб за все холмы и долы
Сердцем каждый миг болеть,
Чтобы мог ты в час тяжелый
Страх в себе преодолеть.

НАКАЗ ВОИНА СКАЗИТЕЛЮ

Правда, крытая враньем,
Точно небо — вороньем.
Воронье с тобой разгоним —
Правду чистую споем.
Пусть же песня, точно сокол,
На плече сидит твоем.

ТЫСЯЧА ЛЕТ

Д. С. Лихачеву.

Только взгляни, тысяча лет
литературе русской.
Свет и печаль, радость и боль:
тысяча лет.
Песни звучат, вьются слова речи
затейливой устной.
Колокол бьет, тихо звенит
утренний свет.
Гулы былин, гул золотой вечного
сева.
Летопись. Свод. Тысячи снов.
Тысячи дум.
Плач Ярославны. Игоря скорбь.
Молнии в сердце.
Слово в огне — нет, не сгорит! —
знал протопоп Аввакум.
Нет, не сгорит эта любовь
к пажитям древним,
К этим огням во глубине долгих
ночей,
К этим полям, к рекам живым,
к русским деревням.
Пушкина скачущим вижу
в солнечном дыме полей.
Литература жива... Хула ей и
слава знакомы.
Шпагу ломали над головой и
угоняли в Сибирь.
Харкая кровью, она выходила
из мертвого дома,
Горько в ней совесть жила, воля
к свободе и ширь.
Светят слова — дышит в словах
тысячелетняя тяга,—
В небе летят, долго идут
по круговерти земной,
Смерти ведь нет: тяжкий их
путь — это не только бумага.
Ночью из Ясной Поляны уходит
однажды Толстой.
Космос людьми заселить жаждет
философ великий.
Удаль и даль сродно звучат...
К нам не подступится страх.
Тысяча лет!.. Отрок глядит:
образы, лица и лики.
Птица летит. Конь удалой мчится
и тонет в лучах...

АЛЕШИНЫ ПРАЗДНИКИ

Алешины праздники
В Вязниках —
Придумано это? Едва ли!
Так скажет Фатьянова Галя,
Не год, и не два, а года
В Москве, собираясь сюда:
«Алешины праздники в Вязниках».
Так скажет какой-нибудь друг —
Давнишний приятель поэта,
Нечаянно вычитав вдруг
Заметку в газете об этом.
Алешины праздники
В Вязниках.
И вдруг улыбнется туманно,
И вспомнит, идя на вокзал,
Какой был волшебник Фатьянов,
Какие он песни писал.
И свет золотых настроений
Он вспомнит, те давние дни.
Фатьянов — он в чем-то Есенин,
Есенину в чем-то сродни.
Алешины праздники
В Вязниках.
Как ярмарку яблок и песен
Отметят крестьяне тот день,
Приехав сюда из окрестных
Владимирских деревень.
Алешины праздники
В Вязниках.
Народ будет так говорить
И дням этим имя дарить:
Алешины праздники
В Вязниках.
И сам он, как ветер, приятен,
Как песня, вернется назад,
И спросят мальчишку:
— Приятель,
Куда это люди спешат?
И что они светлое празднуют
В том утреннем легком дыму?..
— Алешины праздники
в Вязниках! —
Ответит мальчишка ему.

МГНОВЕНИЕ ЖИЗНИ

Неуловимость в облаке
Над этим легким днем,
Неуловимость в облике
Задумчивом твоем,
Неуловимость в воздухе,
Где свет и высота,
И в отдаленном возгласе,
В дрожании листа...
Живу в необходимости
Все это уловить,
И чудится взаимности
Связующая нить.

ПЕСНЯ

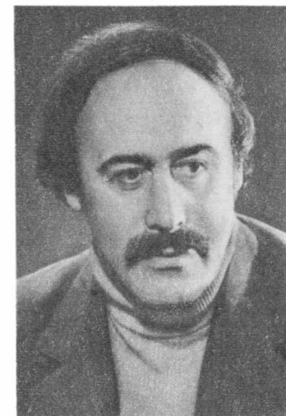
Певица поет о березах.
А после, уже перед сном,
Своя наплывает береза
И свой, а не чей-нибудь дом
И Дон, что течет за селом...
Дон,
За дымкой — Дон.
Дом,
Над домом — дым
струится,
Дон, синий Дон...
Однажды, устав от гастролей,
Себя потерявши почти,
Метнулась к родимому полю —
Скорее бы к дому прийти,
Там власть над душой обрести.
Дон,
За дымкой — Дон.
Дом,
Над домом — дым
струится,
Дон, синий Дон...
И вздрогнуло чувство святое,
И память ее обожгла.
Глядит, а село-то пустое.
И острая память села
Под сердце надсадно вошла.
Пять двориков только живые.
Пустынные избы глядят.
Текут сквозь них дали земные,
Сквозь щели туманно сквозят,—
Так трудно тот вытерпеть взгляд.
Свой дом она долго искала.
Да где ж он?.. Глядела кругом...
По старой березе узнала
То место, где раньше был дом:
Береза росла под окном,
Как раз — под окном...

ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК

Каким поветриям в угоду,
Душой взлетая в облака,
Так долго к саду-огороду
Мы относились свысока?
Теперь совсем иное дело:
Земли участок многим люб,
И молодых волна задела —
Те сад растят, те ищут сруб.
Истосковался я, признаться,
Сей ветер стал меня прельщать:
На землю сесть, в земле копаться
И почву в пальцах ощущать.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

Сгребаем осенние листья.
Разводим осенний костер.
Зачем это вдруг собрались мы,
Ведем на ветру разговор?
Какая нам надоба в этом —
Сюда, в глухомань, приезжать,
Искать на вопросы ответы,
Задачи пристрастно решать?
Но в каждом я чувствую брата,
Меж нами разрушен барьер —
Учители, и реставратор,
И местный старик инженер.

Теперь уж в безвестье не канет
Строенье с рекой и холмом...
Старинные белые камни.
И полуразрушенный дом.
Не просто хозяин и зритель,
Безгласно проведший свой век,
Когда-то здесь жил просветитель,
Прекрасной души человек.
Его ощущаю и слышу.
Его моя память зовет.
Березка больная на крыше,
На крыше дырявой растет.
Свет, ветер, бескрайнее поле,
Великий раскат тишины.
И — с этим родился я, что ли,—
Ношу в себе чувство вины.
Сгребаем осенние листья.
Разводим осенний костер.
И тянутся птицы сквозь выси.
И тянется наш разговор.
В нем светится лучшая новость,
Как в поле осенний костер.
А камни, как ветхую повесть,
Объемлет прозрачный простор.

ТРОПИНКА К ДОМУ ЖУКОВСКОГО

Вьется туманная тонкая нить —
Тропка живая,
Домик Жуковского восстановить
Как бы желая.
Где-то в России, в глубинке ее
Дух встрепенется,
В поле развеется забытье —
Память вернется
Здесь, на срединной российской
земле,
В мире суровом,
В Мишенском — полузабытом
селе,
Возле Белева.
Неподалеку от светлой Оки
Ткутся напевы.
Новые к небу поднимет ростки
Старое древо.

●

Один боится горной выси.
Другой боится дерзкой мысли.
А третий — мыслящий и
хрупкий —
Все вяжет мелкие поступки...
Глядя с тоской в свой день
вчерашний,
Желаю, встретив вновь зарю,
Соединить двойным бесстрашьем
И мысль свою и жизнь свою.

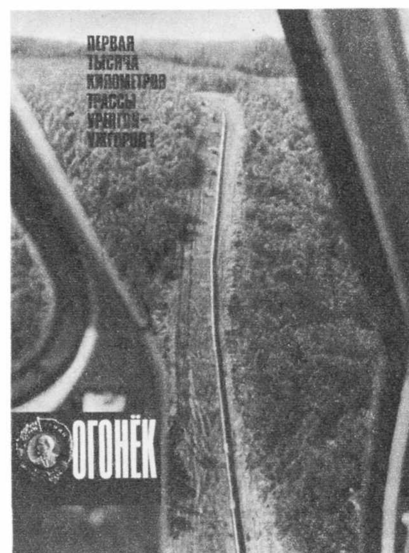

Приехала смена.

БРОСОК ЧЕР

В беседе с корреспондентами «Огонька» министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Борис Евдокимович Щербина сказал: «Сегодня одним из самых сложных участков газопровода Уренгой — Ужгород является западный участок, где красота и коварство природы соседствуют бок о бок. Поезжайте, и вы сами в этом убедитесь...»

В первый день из-за надвигающейся грозы не можем вылететь на трассу и, пересев в машину, долго трясемся, направляясь к поселку газовиков. Дождь не прекращается ни на минуту, и сквозь его пелену горы кажутся гранитными монолитами. Но это только издали. Уже на первом подъеме из-за размытого грунта наш «газик» становится неуправляемым, и мы чувствуем себя в нем, как участники слалома на байдарках. «А каково там сейчас бульдозеристам?» — думаю я, глядя на вздымающуюся мрачную кручу. Оползни, сыпучие обрывы, сели, на такой «подушке» с шестидесятитонным бульдозером не очень-то развернешься. Здесь одного умения мало. Здесь требуется мастерство ювелира, помноженное на мужество скалолаза-высотника.

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото
Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Начальник СУ-1 Закавказского управления строительства трубопроводов Сеник Геворкян в третий раз проходит Карпаты, он много повидал на своем веку, но такой самоотверженности, с какой трудятся в преддверии 60-летия образования СССР строители сверхдальнего газопровода, не припомнит.

— Этому есть свое объяснение,— говорит Сеник Вазгенович.— Узнав о происках администрации США, пытающейся сорвать строительство трансконтинентального газопровода за счет невыполнения поставок оборудования и техники, люди умножают свои силы. Еще, кажется, совсем недавно мы торжественно отмечали закладку «нулевого километра», начинавшегося близ Богородчан, а уже сегодня трасса ушла далеко в горы.

...Солнце наконец пробилось сквозь тучи, и горы тотчас сделались ярко-зелеными. Дыхание осени чуть обветрило склон, но и сейчас наш вездеход не в состоянии подняться по откосу, куда шагнул трубопровод. Спешившись, идем по гулкой трубе вверх, на самую макушку, где среди листвы и хвои желтеют могучие машины-землекопы, доставлен-

ЕЗ КАРПАТЫ

Машинист сварочной установки Ярослав Гирняк.

ТРУДОВОЙ ГЕРОИЗМ СТРОИТЕЛЕЙ—65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!

НА ЗАПАДНОМ УЧАСТКЕ ТРАССЫ УРЕНГОЙ—ПОМАРЫ—УЖГОРОД

ГАЗОПРОВОД БУДЕТ СДАН В СРОК!

ные из Японии. Рядом с ними успешно трудятся машины отечественного производства.

Полчаса подъема, и мы оказываемся в бригаде Любомира Тимуся, которая ведет монтажно-сварочные работы более чем на километровой высоте.

О Тимусе я был наслышан еще в Москве. Рассказывали, что он умеет так подобрать и расставить людей на участке, так организовать их занятость, что любой самый напряженный график бригада может перекрыть

Владимир Бачеров — электросварщик.

вдвое. Но не всегда поспевают за ней трубовозы, выдыхаются бульдозеристы и трубоукладчики.

— Читал я где-то, что Александр Македонский набирал в свою армию сорокалетних,— смеясь, говорит Тимусь,— потому, что верил в их надежность. Так и в нашей бригаде — люди в основном собрались зрелые, прошедшие огонь и воду... Не поймите только, что я против молодежи.

Тимусь не говорит, что большинство из них трудится вместе по десять, пятнадцать, а то и двадцать лет, но это и без того заметно по какому-то особому доверительному расположению людей друг к другу.

Волжанин Владимир Степанович Бачеров почти четверть века работает электросварщиком. Вместе с установкой «Союз» прошел страну из конца в конец. Ходил через Карпаты, тянул трубы в Армении, Азербайджане, Грузии. Любит горы и ко всем трудностям относится философски: «Ведь где-то бывает еще труднее!»

Однажды при переходе Дона Бачеров ночью варил трубу, стоя на плоту чуть ли не по пояс в воде. Эпизод этот запомнил потому, что вышел тогда, казалось бы, из безвыходного положения и к утру обеспечил всей бригаде нужный фронт работы.

— Проверил я тогда себя в экстремальной ситуации,— говорит мой собеседник.— А это, знаете ли, всегда полезное для мужчины испытание.

Бачеров — ас в своем деле. Его личное клеймо «99» — гарантия надежности. Самый придирчивый рентген (просвечиванию подлежит каждый стык трубопровода) ни разу не смог обнаружить брака в работе Бачерова.

— Ему бы в личное клеймо стоило передать не девяносто девять, а сто,— говорит Тимусь.— Сто процентов гарантии качества на протяжении двадцати пяти лет — это рекорд!

Отец троих детей, заядлый грибник, Бачеров увлекается военными мемуарами, любит хорошую песню и, когда выдается отпуск, спешит на Волгу, в родные края, где прошла его молодость, где впервые взял он в руки сварочный аппарат и стал мастером своего дела.

Под стать Бачерову в бригаде и Василий Николаевич Франчук, темноволосый, крепко сбитый человек с ослепительной улыбкой и добрыми глазами. Франчук, как мне сразу показалось, легко может быть душой любой компании, если в руки возьмет гитару. Однако ошибся я, Франчук не играет на гитаре. Зато баян под его пальцами оживает мгновенно.

— Сварочному ремеслу научился я в армии,— вспоминает Василий Николаевич.— Но, видно, полностью во вкус дела не вошел и, отслужив положенный срок, возвратился в родное село Шевченково. Оно отсюда неподалеку. Возвратился, значит, и пошел работать воспитателем. На баяне я уже к тому времени играл прилично, так что начал приобщать к музыке дошколят. Но вот однажды увидел классного сварщика в деле, и заныло сердечко. Понял, что призвание мое — быть электросварщиком.

С того дня прошло больше десяти лет. Украинец Василий Франчук, как и его русский друг Владимир Бачеров, объехал всю страну. Бок о бок с армянами, белорусами, казахами, грузинами, латышами, азербайджанцами варил он швы газопроводов в Сибири и на Урале, в Закавказье и Прибалтике.

— А где было всего труднее? — спрашиваю Василия Николаевича.

— Говорят, дома и стены помогают,— отвечает Франчук.— Только к Карпатам это не относится. Слабый, ненадежный грунт гор доставляет нам немало хлопот. Особенно трудно приходится в дожди и после них. А если учесть, что осадки здесь не редкость...

Он не договаривает фразу, но и без того становится ясно, сколь сложен и опасен этот участок. Например, отработав смену, оставляет свою машину бульдозерист в центре площадки, а утром находит ее у самого края обрыва. Оказывается, за ночь бульдозер «продрейфовал» с десяток метров и только чудом уцелел на макушке. А бывает, неделями идет дождь, и варить «потолок» (на языке сварщиков это дно трубы) приходится, лежа в воде, выдерживая и длину дуги и оптимальный режим тока, чтобы к концу дня прибавился еще один километр чистой трассы газопровода. И чтобы в шве не оказалось ни одной «альвеолы». Микроскопический пузырек воздуха, обнаруженный рентгеном, означает: переделывай всю работу.

...Только через три дня смогли мы на вертолете облететь всю трассу (более 165 километров) прикарпатского участка газопровода Уренгой — Ужгород. Семь погод сменилось за время полета, но благодаря мастерству Александра Бондаренко из Ивано-Франковского авиапредприятия, который нашел-таки «окно» в предгрозовом небе, мы благополучно вернулись на землю.

Трасса газопровода в горах — зрелище, конечно же, грандиозное, величественное: черный «карандаш», еще не убранный в «пенал», с высоты птичьего полета напоминает сверхскоростную автостраду. То стремительно взлетая вверх, то плавным шлейфом опускаясь по противоположному склону горы вниз, она через несколько метров вновь легко устремляется к вершине. Но мы-то хорошо знаем, как достается «легкость» каждого ее километра...

— Наш участок магистрального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, пройдя через горы и соединившись с закарпатским участком, выведет трассу к границе братской Чехословакии,— рассказывает первый секретарь Ивано-Франковского обкома Компартии Украины Иван Иванович Скиба.— Работы еще много. Строители трубопровода в Прикарпатье обязались к 60-летию образования СССР сдать намного раньше намеченного срока шестьдесят километров готового газопровода. Областной комитет партии постоянно участвует в работе штаба по сооружению не только самой трассы, но и главных ее объектов, нацеливает на повышение уровня организаторской и воспитательной работы, на создание в коллективах обстановки взаимной требовательности и взыскательности.

Вся страна,— продолжает И. Скиба,— сегодня приходит к нам на помощь. Строители из Азербайджана, машины из Российской Федерации и Белоруссии, новейшая техника с Украины, газосварочные аппараты из Армении — такова братская помощь всего советского народа, объединенного чувством большой ответственности за судьбу экспортного газопровода, названного на ноябрьском (1981 года) Пленуме ЦК КПСС среди центральных строек пятилетки.

...Сегодня вновь Гидрометцентр СССР сообщил, что в Прикарпатье идут дожди. На автодорогах туман. Но мне отчетливо видно, как уходит в горы могучий трубоукладчик, как вгрызается в раскисшую землю бульдозер, как вспыхивают в руках Бачерова и Франчука огненные электроды и свинцовое небо озаряют яркие вспышки электросварки. Работа на трассе продолжается.

Москва — Ивано-Франковск — Ужгород.

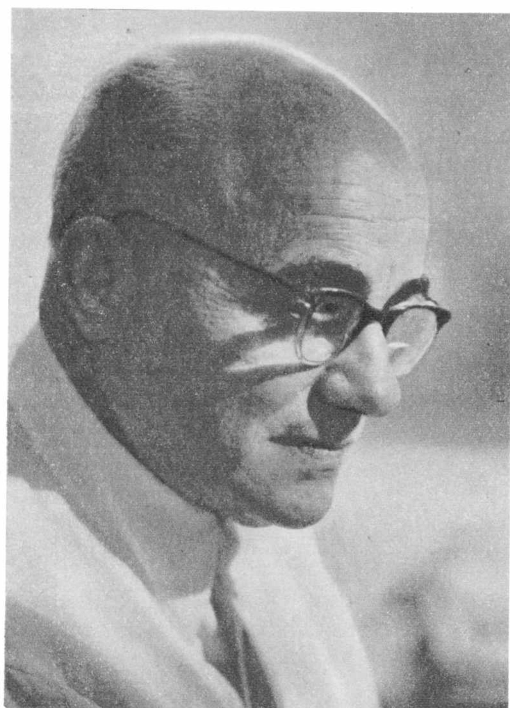
●

Сварка трубы газопровода в Карпатах.

ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ — ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ

РАЗДУМЬЯ О БУДУЩЕМ

Н. ДУБИНИН, академик, лауреат Ленинской премии

Академик Николай Петрович Дубинин — счастливый человек. Счастливый, потому что родился в 1907 году, в один год со своей судьбой — генетикой, наукой, которой он служит всю свою жизнь; потому что, потеряв родителей, попав в детский дом, решил учиться во что бы то ни стало, имел душу и ум, чтобы еще в детстве восхититься тремя великими книгами — «Мировые загадки» Э. Геккеля, «Происхождение видов» Ч. Дарвина и «Война и мир»; роман Толстого произвел такое впечатление, насытил, научил такой любви к земле, к родине своей — России, что любовь эта помогла выстоять, вынести всю тяжесть века, легшую потом на его плечи.

Просто и хорошо рассказывает академик о своих университетских годах в Москве, об учителях своих — Кольцове и Вавилове, о мечтах, надеждах и разочарованиях; о рассветах над рекой Урал, о Пушкине, о Лувре, о книге, которую пишет...

О будущем науки, изучающей сокровенные явления, таинства жизни, создающей пути для управления жизнью, о главной сегодня проблеме — предотвращения ядерной войны.

— Генетиков, ученых всего мира,— говорит Дубинин,— естественно, сейчас больше всего беспокоит вопрос предотвращения опасности термоядерного конфликта. Программа мира для 80-х годов, выдвинутая XXVI съездом КПСС, сконцентрирована на том, чтобы вывести народы из-под угрозы катастрофы, обуздать гонку вооружений. В ходе неутомимой работы по реализации этой программы Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство выдвигают все новые и новые конструктивные инициативы.

Ядерная война — страшные слова. Я говорю это не только как гражданин своей страны, но и как ученый, естествоиспытатель, изучающий жизнь...

Огромное значение для всех людей Земли имеет решение Советского Союза принять на себя обязательство не применять ядерное оружие первым. Конструктивная позиция по проблеме ограничения и сокращения стратегических вооружений, поддержка идеи создания безъядерных зон на севере Европы и на Балканах... Практические дела нашей страны полностью соответствуют духу Заключительного акта общеевропейского совещания, определившего направление усилий тридцати пяти государств — участников хельсинкского форума на уменьшение военного противостояния, на обуздание гонки вооружений.

Чем же отвечают западные ядерные державы, прежде всего США и Англия? На второй Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители этих стран чуть ли не восхваляли «ядерное устрашение». Премьер-министр Англии Тэтчер отвергла, например, мысль о том, что гонка вооружений увеличивает напряженность в мире, договорившись до того, что именно благодаря ядерному оружию и удается сохранить мир. Долгое время дипломатия США уходит от делового обсуждения вопроса о ядерном оружии в Европе, готовясь к развертыванию «Першингов-2» и крылатых ракет в странах НАТО. Администрация президента Рейгана приняла решение начать производство и развертывание новой баллистической ракеты «МХ». А возьмите создание в США новых страшных видов химического оружия, способного влиять не только на физиологию, но и на психику людей.

С каждым годом все громче звонит колокол, набат тревоги за будущее нашей планеты, давно уже перегруженной орудиями убийства. Ядерные арсеналы на земном шаре сегодня достигли безумных размеров. Разрушительная мощность современных бомб неизмеримо выше мощности той, которая в 1945 году уничтожила Хиросиму. А ведь до сих пор рождаются там больные, неполноценные люди, которые вот уже почти 40 лет расплачиваются своей жизнью, здоровьем за тот, с современных позиций, «маленький, локальный взрыв».

Здоровье наше зависит от полноценности действий генетической программы во всех клетках, тканях, органах тела. Теперь уже ясно: генетическая программа человека, его молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) в зародышевых и телесных клетках совершенно недостаточно защищены от внешних и внутренних влияний.

Факторы окружающей среды, вызывающие изменения, мутации, называются мутагенами. Среди мутагенов главная роль принадлежит источникам радиации. Проникая в клетки человека, мутагены поражают в них молекулы ДНК. Чаще всего последствия влияния мутагенов проявляются в первом же поколении, непосредственно передаются от родителей к детям.

Наличие определенного числа биологически дефектных особей в популяции людей называется генетическим грузом. В конце пятидесятых годов объем генетического груза составлял четыре процента. Примерно такой же, как и сорок тысяч лет назад, когда появился на земле гомо сапиенс. В настоящее время — по данным Организации Объединенных Наций — уже десять с половиной процентов людей на земле рождаются с наследственными уклонениями: тяжелыми наследственными болезнями, ведущими к гибели, физическими и умственными дефектами; больше трех процентов детей рождается умственно отсталыми. Можно с полной ответственностью сказать, что увеличивается этот процент пропорционально загрязнению биосферы. Что наследственность человечества вступает в ту фазу, когда может возникнуть опасность неконтролируемого разрушения биологических основ существования человека.

Естественно, тревожит это не только ученых. В мире создано много национальных, региональных и международных обществ по изучению мутагенов, биологических и генетических последствий загрязнения окружающей среды. В нашей стране эта работа ведется под руководством секции «Генетические аспекты в проблеме «Человек и биосфера» Государственного комитета СССР по науке и технике.

Я сказал «звонит колокол»... Эпиграф, взятый Хемингуэем к его антивоенному роману, в разговоре о генетике будущего вполне уместен. В случае ядерной войны дети от оставшихся в живых в условиях радиоактивного заражения планеты будут нести на себе всю тяжесть поражения ДНК в зародышевых клетках родителей. Вовсе не для того, чтобы запугать, не устают повторять снова и снова это ученые. Решая самые сложные международные проблемы и конфликты, ни на секунду нельзя забывать, что само физическое существование человека поставлено под угрозу!

Все больше людей во всем мире начинают понимать, что это не фантазия ученых. Об этом свидетельствуют многотысячные демонстрации на улицах Вашингтона и Мюнхена, Амстердама и Парижа, марши мира, воззвания и манифестации женщин, которые острее чувствуют опасность, нависшую над продолжением рода человеческого.

— Николай Петрович, вы начали с важнейшего вопроса — и для ученых и для всего человечества. Теперь хотелось бы поговорить конкретно о будущем науки, которой вы служите. Генетика развивается чрезвычайно быстро, и то, что еще два-три года назад казалось невероятным...

— Уже устарело,— улыбается Дубинин.— Не совсем так, но темпы развития действительно растут. Например, точно доказана принципиальная возможность пересадки генов из одного организма в другой. А ведь еще несколько лет назад многие относили генную инженерию к области фантастики. Для высших животных, правда, операции эти пока возможны лишь в теории, но на бактериях эксперименты ведутся уже вовсю.

Сейчас без генетики невозможно представить ни медицину, ни учение о человеке, ни многие отрасли народного хозяйства... Современная общая и молекулярная генетика изучает суть жизни, и в этом нет преувеличений.

Жизнь — материальное, саморазвивающееся явление. Ее невозможно разложить на составные части, на физико-химические процессы. Невозможно привести к какой-либо точной системе. Академик Опарин выдвинул гипотезу о происхождении жизни из неорганического мира путем химической эволюции. Американский ученый Уотсон и англичанин Крик выяснили биологическое значение молекул дезоксирибонуклеиновой кислоты — огромного полимера, в котором «записана» наследственность. Французы Жакоб и Моно раскрыли сложные генные системы в клетках бактерий... Ученые всего мира пытаются прорваться в тайну, понять, что вызвало появление первой, доклеточной живой системы.

В последние годы исследования о самых глубоких молекулярных процессах в клетке, обеспечивающих явление жизни, идут темпами, которые позволяют сказать: человечество на величайшем рубеже — создания живой системы в лаборатории.

— Есть ли, по-вашему, будущее у идеи, почти такой же старой как мир, не раз разоблачавшейся, но рождавшейся вновь и вновь,— об улучшении человеческого рода?

— Нет и не может быть будущего у этой антигуманной и антинаучной идеи. Социал-дарвинисты, евгеники и расисты полагали да и сейчас полагают, что социальные формы поведения человека записаны в его генах. Что сознание не продукт общественного развития, а явление, обусловленное действием генетической программы.

Ни в коем случае нельзя подходить к вопросу о влиянии социальной среды на духовный облик человека с обычных позиций о соотношении наследственности и среды. Животные не обладают сознанием и не способны к общественной трудовой деятельности. Мозг человека — изумительная, уникальная система. Человек способен предвидеть будущее и потому отличается чувством ответственности. Очевидно, что конкретная система связей в мозгу человека, возникающая под влиянием внешнего мира, не может быть записана в его генах. В каждом поколении она возникает заново под влиянием воспитания. Хотя, конечно, биологически все люди различны. Обладают разным темпераментом, характером, поразному воспринимают воспитание, воздействие окружающей среды.

Без селекции современная генетика слепа. Селекция же для человека невозможна. На человечество обрушились бы демонические силы невежественной науки. Исчезли бы такие понятия, как любовь, семья, поэзия... Осталось бы огромное экспериментальное стадо двуногих. В конце концов оно поглотило бы и самих экспериментаторов — как в известной притче о трех факирах, создавших льва.

В принципе, можно создать голубоглазого красавца, гиганта-силача — «белокурую бестию», о которой грезил Ницше; красотку с идеальными формами; можно создать группу таких «суперменов» и даже целую породу. Но ведь на земле еще не было и сейчас нет генетически одинаковых людей. Каждый — случайность природы, каждый уникален. И в этом великий смысл. Этому и обязано человечество гениальными открытиями, симфониями, поэмами... Стандартизация, само сознание того, что ты запрограммирован, что ты такой же, как другие, как миллионы, как все, гибельны для гомо сапиенс, человека разумного.

— Николай Петрович, по данным ФАО, специальной комиссии при Организации Объединенных Наций по пищевым ресурсам, голод может стать в будущем главной проблемой человечества. Какие практические задачи предстоит осуществить генетикам для решения этой проблемы?

— Шестьдесят процентов людей на нашей планете недоедают, тридцать из них — голодают. Как накормить людей и как решить эту задачу к следующему столетию, когда вместо ныне живущих четырех с половиной миллиардов человек будет шесть-семь, а то и десять миллиардов?

Безусловно, одно из важнейших направлений современной генетики — разработка новых методов создания высокоурожайных сортов растений, выведение высокопродуктивных пород сельскохозяйственных животных.

На планете четырнадцать миллиардов гектаров суши. Около полутора миллиардов заняты сельским хозяйством. Проблема заключается в том, чтобы сельскохозяйственные территории, естественно, постоянно увеличивающиеся, не нарушили целостности биосферы, веками сложившихся на земле пропорций, равновесия.

Прежде всего, думаю, нужно говорить о зерне. Оно составляет почти половину всех источников пищи. Кое-где проблема зерна решена. Но в большинстве развивающихся стран Африки, Азии, Латинской Америки его еще не хватает.

— Лет двадцать пять назад много говорили о так называемой «зеленой революции». Считалось даже, что она способна решить чуть ли не все проблемы сельского хозяйства. Что благодаря внедрению карликовых сортов риса, пшеницы...

— Поправлю вас — полукарликовых. Действительно, используя ген карликовости японского сорта «Норин-10», ученые вывели целую группу сортов полукарликовых интенсивных пшениц. Примерно в то же время были получены полукарликовые сорта риса и довольно быстро начали внедряться во многих странах. Казалось, что произошло нечто вроде революции в сельском хозяйстве.

Но «зеленая революция» надежд человечества не оправдала. Напротив. Из-за однообразия зерновых на огромных территориях пошли массовые эпидемии вирусных и других болезней. Растения поражались и уничтожались насекомыми. Монопольное распространение ввезенных сортов погубило ценнейшие местные сорта. Биосфера тропических и субтропических районов стала загрязняться ядохимикатами. Были и другие последствия у «зеленой революции»... Но вовсе не следует, что генетико-селекционная работа по выведению высокопродуктивных растений и пород животных не нужна.

В докладе «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации» товарищ Л. И. Брежнев говорил, что главное сегодня, а тем более завтра — повышение урожайности. Это означает выдвижение на передний план селекции и семеноводства. Это предполагает эффективное использование всех видов удобрений. Это требует внедрения научно обоснованной, хорошо продуманной системы земледелия, в полной мере учитывающей природно-экономические условия каждой зоны и области, каждого района, каждого хозяйства.

И в животноводстве, подчеркнул Леонид Ильич Брежнев, «главное в современных условиях — увеличить надои молока на каждую корову и средний вес сдаваемого скота. Это ставит во главу угла совершенствование качественного состава поголовья, улучшение племенной работы, разведение животных высокопродуктивных пород. И, разумеется, значительный рост производства кормов, повышение их качества и рациональное использование».

Подсчеты показали, что количество продуктов земледелия можно увеличить в десять, а то и в двадцать раз. Я уверен, например, что ставшие уже классическими методы — полиплоидия, внутривидовое скрещивание, отбор популяций, отдаленная гибридизация — позволят интенсифицировать, увеличить получение продуктов от растений, животных и микроорганизмов. Улучшить состав белка, качество масла, волокна, повысить зимостойкость... Необходимо мобилизовать и увеличить естественную энергию растений и животных.

Будущее, безусловно, всецело принадлежит генной инженерии. Например, в природе очень мало азотфиксирующих бактерий, которые как бы добывают из атмосферы и кормят растения азотом. Почему бы не попробовать пересадить ген этой бактерии в растительные клетки? Это может заметно повысить урожайность.

— Медицинская генетика в последнее время достигла больших успехов. Над чем предстоит работать ученым в этой области, что ждет людей?

— Такие необходимые человеку вещества, как различные виды иммуноглобулинов, интерферон, гормоны роста, синтезируются только животными при строжайшей регуляции. Добывать их можно в очень небольших количествах.

Известно, что диабетом страдают миллионы людей. Инсулин, лекарство от сахарной болезни, вырабатывается в поджелудочной железе животного, и получают его из печени. Количество больных растет, а инсулина уже явно не хватает. Где выход? Его подсказывает генная инженерия. Ученым удалось выделить нуклеиновую кислоту, в которой записан код инсулина. Затем размножить ее и пересадить в бактерии. Бактерии начали размножаться. Выяснилось, что из одной молекулы можно получить миллионы новых молекул, которые будут кодировать инсулин.

Таков путь дешевого синтеза веществ человека в бактериях. Если в дальнейшем нормальные гены, отвечающие за производство инсулина, мы сможем вводить больному, то сахарный диабет можно будет лечить без инсулина.

— А что касается других болезней?

— Вообще наследственная болезнь — это неправильная работа генетической программы. Установлено, что мутагены среды, прежде всего радиоактивные, в девяноста процентов случаев вызывают и различные мутации и рак. Если бы можно было обеспечить нормальное действие генетической программы, — а для этого необходимо прежде досконально изучить ее, до конца понять все взаимосвязи, — то человечество бы избавилось от многих болезней.

Прогнозы, конечно, здесь делать трудно. Но, думаю, в ближайшие двадцать—тридцать лет ученые научатся управлять законами генетического развития и, следовательно, наследственным потенциалом организма.

Мало того, я верю, что не далее, как в начале следующего тысячелетия, обеспечив полноценную работу генетической программы человека, можно будет продлить жизнь по крайней мере лет на сорок.

И верю в то, что продление это человеку будет в радость. Что и внуки и правнуки наши будут «мыслить и страдать», бороться с несправедливостью, влюбляться, украшать Землю. Оправдывать великое звание — человек разумный.

Беседу вел Сергей МАРКОВ.

ВАВИЛОН НА ГУДЗОНЕ

Владимир НИКОЛАЕВ
Фото автора

О Нью-Йорке написано, наверное, не меньше, чем о самих Соединенных Штатах. Он, можно сказать, целая страна в стране. Вот только несколько характерных штрихов из его жизни в 1982 году.

Манхэттен — сердце города. В его центральной части один квадратный метр земли стоит 25 тысяч долларов. Говорят, что это самая высокая цена на земельные участки во всем мире. Падкая на броские определения американская пресса назвала этот район «золотым гетто», поскольку в нем и квадратный метр жилой площади тоже на вес золота. Рядом с офисами-небоскребами здесь вырастают жилые башни до 200 метров, квартиру попроще в них можно купить за 500 тысяч долларов, а можно и получше — за несколько миллионов.

А по соседству с этим «гетто» богатых — трущобы и десятки тысяч бездомных бродяг, «окончательно опустившихся мужчин и женщин,— как определяет их корреспондент лондонской газеты «Обсервер»,— обитающих практически во всех районах города, ночующих в подземных переходах и питающихся отбросами. Некоторые из них — бывшие обитатели психиатрических лечебниц, администрация которых из соображений экономии освобождается от пациентов, не представляющих для окружающих опасности, нимало не заботясь об их дальнейшей судьбе. Другие — беженцы из приютов, в которые не справляющийся с наплывом просителей департамент социального обеспечения селит городскую бедноту. В этих ужасных, кишащих крысами бараках царят нищета и запустение. Поскольку у города нет средств, чтобы вернуть обществу этих опустившихся на дно граждан, обывателям внушают, что они не желают принимать помощь. В результате в них видят неотъемлемую деталь загнивающего городского ландшафта». Эта так называемая «деталь» часто бросается в глаза даже в фешенебельном центре Манхэттена, а на его окраинах и в других районах города таких отверженных не перечесть. Большей частью они неподвижными изваяниями сидят или лежат на скамейках скверов, если погода позволяет. На лицах печать безнадежности и отрешенности. Некоторые пытаются протягивать руку за подаянием, но я не видел, чтобы в Нью-Йорке щедро давали нищим. Есть и такие, которые не просят, стоя на одном месте, а подходят к тебе и с какой-то усталой наглостью отчаявшегося во всем неудачника почти требуют подаяния.

Между двумя полюсами — кричащим, вызывающим богатством одних и беспросветной, можно сказать, абсолютной бедностью других — живет несколько миллионов рядовых, средних (по своим финансовым возможностям) жителей Нью-Йорка. Как они живут? Вот один факт: за последние десять лет город покинули более миллиона его жителей. А от добра добра не ищут... Американец обычно крепко привязан к своему месту: его цепко держит работа, которую найти, как известно, нелегко, жилье, которое, как говорится, не укупишь, так что решиться ему на такую перемену в жизни, как переезд, очень непросто. Значит — нет иного выхода, значит — не выдержал в единоборстве с Нью-Йорком.

Лауреат престижной в США премии Пулитцера Поль Гэпп назвал Нью-Йорк «символом богатства и загнивания», а известный американский писатель Генри Миллер, уроженец Нью-Йорка, утверждает, что за блестящим фасадом этого города и его центра Манхэттена скрывается море трущоб, гетто, гангстеры, преступления, коррупция, насилие. Вернее сказать, что город этот являет собой прежде всего сложнейший клубок социальных противоречий, которые особенно резко видны на фоне его блистательных небоскребов и ужасающих трущоб, на фоне его богачей и нищих.

Сегодняшний Нью-Йорк — яркий пример того явления, которое в США названо «кризисом больших городов», они становятся просто неуправляемыми. Еще в 1949 году публицисту Э. Уайту казалось «чудом, что Нью-Йорк вообще функционирует», он считал, что «в сущности, Нью-Йорк давно должен был уничтожить самого себя». Сегодня, в 1982 году, пишет западногерманский журнал «Шпигель», «город близок к этой цели, как никогда раньше: появление самых дорогих и причудливых небоскребов кажется последним проявлением дикого экстаза, Нью-Йорк разлагается, его структура разрушается. Многие миллиарды потребовались бы и на ремонт ветхих зданий, где проживают свыше двух миллионов представителей национальных меньшинств». Да, городу, в котором сосредоточены несметные ценности, прежде всего не хватает денег на собственное содержание. Таков один из главных нью-йоркских парадоксов. Несколько лет подряд он был на грани банкротства, сейчас власти утверждают, что его удалось избежать (надолго ли?), но даже буржуазная пресса свидетельствует: «Город никогда не был в худшем положении, и жители платят немыслимо много за то, что Нью-Йорк избежал банкротства. И эта цена может стать еще выше, ибо администрация Рейгана безжалостно урезает федеральную помощь городам... Муниципальные власти теряют платежеспособность и оказываются не в состоянии обеспечивать соответствующий уровень жизни. В целях избежать банкротства в свое время были принесены в жертву насущные интересы жителей Нью-Йорка, и в результате возник кризис в сфере социальных услуг. А это грозит тем, что в Нью-Йорке уцелеют только две группы населения: богачи, способные отгородиться долларами от окружающей действительности, да живущие на пособия бедняки, которые не могут себе позволить перебраться в другое место». Как известно, при нынешней администрации эти пособия и другие средства на социальные нужды резко сокращаются, и ситуация в Нью-Йорке является красноречивой иллюстрацией к экономической политике Рейгана, цель которой — сделать богатых богаче, а бедных — беднее. Вот и получается: средства на городские департаменты здравоохранения и социального обеспечения настолько сокращены, что они просто не могут полноценно функционировать.

Но дело не только во все расширяющейся и углубляющейся пропасти между богатством и бедностью. «Жителей среднего достатка уже не осталось,— говорит Бернард Шиффман, возглавляющий общинный совет Большого Нью-Йорка — общественную организацию, которая занимается социальными программами города.— Сегодня вы живете на одну зарплату, а завтра у вас в семье кто-то серьезно заболел, и вам остается надеяться только на социальное вспомоществование. Такие, как мы с вами, уже не лица среднего достатка. Мы работающие бедняки».

При сокращении расходов на городские нужды сокращаются даже средства на поддержание элементарного порядка, на полицию, суды, тюрьмы. И это в городе, печально известном своей преступностью! «Нью-Йорк стал для преступников открытым городом,— заявил недавно со страниц «Нью-Йорк мэгэзин» репортер — ветеран полицейской хроники Николас Пиледжи.— Здесь некому надежно и постоянно охранять закон. Управление полиции, штат которого сократился с 1971 года почти на одну треть, не в состоянии справиться с лавиной преступлений, обрушивающейся на город».

Каждый день нью-йоркские газеты сообщают о бесконечной и нарастающей вакханалии преступлений. Каждый день, когда смотришь по телевидению городские известия, все время ощущаешь, что находишься едва ли не во фронтовом городе: дикторы рассказывают, а хроникальные кадры сопровождают репортажи об убийствах, грабежах, похищениях людей и т. п. Большинство преступлений из-за денег, но хватает и диких, бессмысленных убийств, объяснить которые можно разве что расстроенной психикой или злоупотреблением наркотиками. Кстати, наркоманы в Нью-Йорке — явление обыденное. Их часто можно встретить на улицах в таком состоянии, которое безошибочно говорит о разъедающем человека болезненном пороке. Они не похожи на пьяных, к ним как нельзя лучше подходит определение «одурманенные». Сидит такой несчастный прямо на тротуаре, прижавшись спиной к стене дома, он ничего не видит и не слышит, полная прострация. И никому до него нет дела!

Каждое второе убийство в городе совершается с применением огнестрельного оружия. Подсчитано, что в Нью-Йорке в частном владении имеется около двух миллионов единиц такого оружия. При такой огневой оснащенности можно ждать чего угодно в огромном городе, который отличается крайне неуравновешенной психикой своих жителей и почти полной неуправляемостью.

Не приходится удивляться, что страх — постоянный спутник жителя Нью-Йорка. Как-то раз знакомая супружеская пара отвозила меня на своей машине в гостиницу. Было близко к полуночи. Неподалеку от гостиницы (расположенной, кстати, в самом центре города) я попросил их высадить меня, не хотел задерживать: из-за дорожных знаков нам на машине пришлось бы еще долго крутиться на подступах к гостинице, а я прошел бы по прямой всего метров двести. В какой ужас они пришли, когда я высказал это предложение! «Ночью пешком?! Одному на улице?! — запричитали они. — Да вы знаете, как это у нас опасно?» Так они и довезли меня до самого подъезда, сдав с рук на руки ночному швейцару.

Их можно понять. За последние десять лет только количество убийств и ограблений возросло в городе на 60 процентов (хотя, как выше уже упоминалось, за тот же период его население уменьшилось на один миллион человек). Многие не без основания считают в Нью-Йорке преступность проблемой номер один. Еще бы! Ежегодно здесь совершается около 700 тысяч преступлений, причем их количество постоянно возрастает. Вот мнение такого авторитета, каким, несомненно, должен быть Роберт Макгайр, начальник нью-йоркской полиции: «Преступность достигла такого размаха, что затрагивает жизнь каждого нью-йоркца. Матери беспокоятся за детей, старики стали пленниками в своих жилищах и не рискуют выходить на улицу, повсюду царит насилие. А полиция может справиться лишь с самыми неотложными делами». Это мягко сказано: «с самыми неотложными делами». Об эффективности действий городской полиции говорят хотя бы такие факты: за год было раскрыто всего 13,8 процента ограблений и 6,5 про-

Блюстители порядка * Дела идут плохо: этот «воин» объявляет о распродаже * Официально он не нищий, на плакатике написано: «Я слепой. Купите, пожалуйста, карандаши» * Тоже бизнес: уличный клоун.

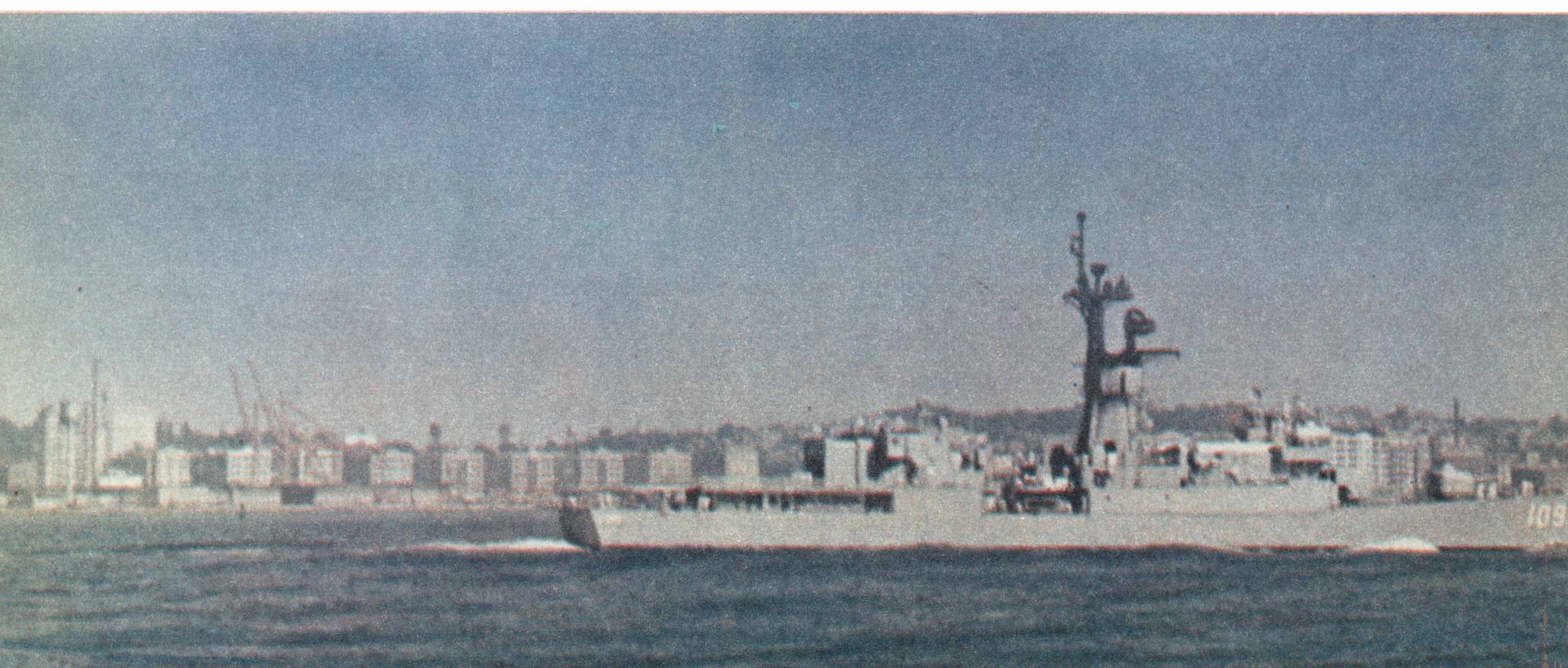
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Митинг сторонников мира у здания ООН в Нью-Йорке * К чьим берегам спешит этот американский военный корабль! * Никто не обращает внимания на старушку с протянутой рукой.

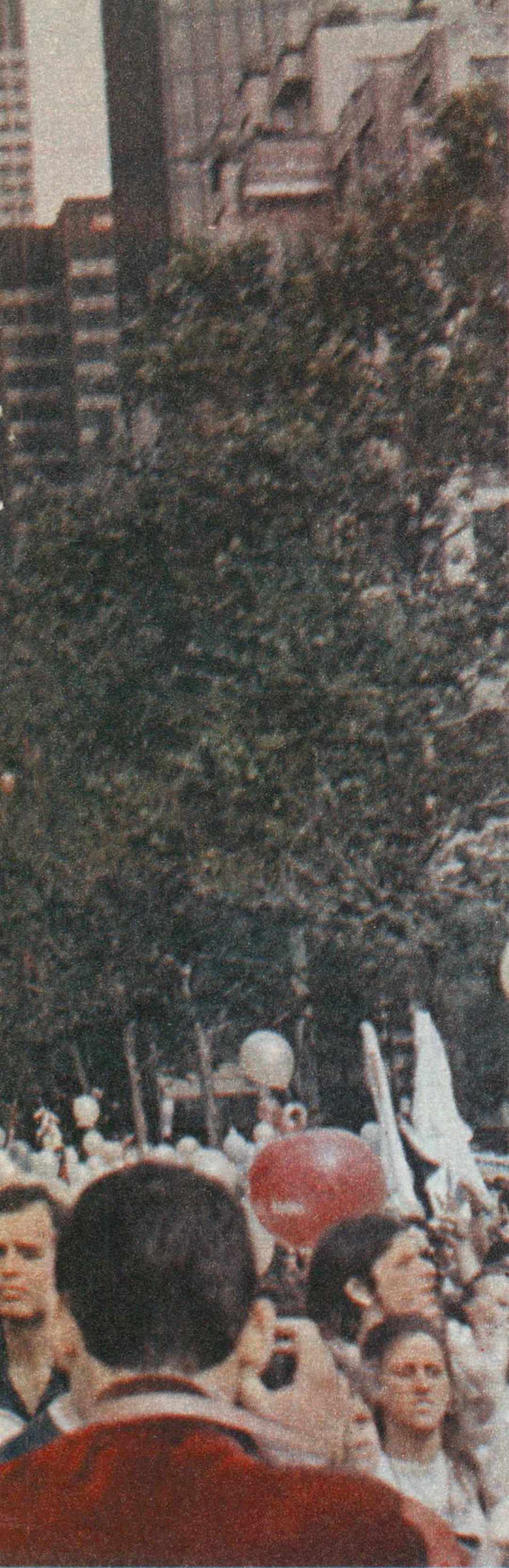

I AM BLIND
PLEASE

HOW MANY
BABIES
WILL DIE
in a
LIMITED
NUCLEAR
WAR

ONE
NO
LEFT
TURN
CATERPILLAR

цента краж со взломом. Тюрьмы города переполнены, поэтому десятки тысяч преступников освобождаются из заключения досрочно и, естественно, пополняют армию уголовников. Перегружены и суды. Такой, например, факт: средняя дневная нагрузка у одного судьи — 120 дел, то есть по четыре минуты на каждое!

При таком положении стоит ли удивляться, взяв в руки изданное в Нью-Йорке пособие под названием «Справочник для приезжающих: как им уцелеть в Нью-Йорке». В нем, в частности, говорится: «Преступность в Нью-Йорке шокирующе высока... Не выходите на улицы после шести часов вечера. Даже в центре Манхэттена все больше грабят и убивают с наступлением сумерек. Не передвигайтесь по улицам пешком. Избегайте общественного транспорта, особенно метро».

Стоп! В самом деле, без упоминания о метро не может быть представления о Нью-Йорке. Ежедневно им пользуется более трех миллионов человек. Ему уже около 80 лет. Именно такой почтенный возраст сразу ощущается, когда спускаешься в эту подземку. Так она обветшала. О ее бедственном состоянии много говорят и пишут, но все без толку. Причина та же: у города нет денег на ее содержание, за последние десять лет власти не смогли найти средств ни на что, кроме аварийных ремонтов, и были вынуждены закрыть несколько станций из-за их непригодного состояния. А продолжающие действовать — вечно грязные, замусоренные, заплеванные, их стены разрисованы во все цвета радуги и расписаны каракулями местными хулиганами, которые легко делают это с помощью распыляющихся красок, бороться с ними полиция не в состоянии. Отслужившие свой век неопрятные поезда в часы «пик» переполнены и тоже, кстати, дико размалеваны. Они часто ломаются, опаздывают. Ежедневно на линии застревает около 140 поездов (сеть подземки очень разветвленная, насчитывается 465 станций).

Вот мнение об этом метро Сьюзен Гласс, вполне благополучной жительницы Нью-Йорка, руководящей сотрудницы рекламной фирмы: «Однажды вечером я ехала с работы домой в такой дикой толчее, что почувствовала себя просто физически больной... В тот вечер я была готова бежать отсюда навсегда. Уже потом эта мысль ужаснула меня: ведь я раньше никогда не мечтала жить нигде, кроме Нью-Йорка. У меня хорошее жалованье, интересная работа, уютная квартира, которую я занимаю уже девять лет. Но ежедневные поездки в метро через Манхэттен стали просто невыносимыми. Я не могу переехать ближе к работе, потому что в таком случае мне пришлось бы платить за жилье не 521 доллар в месяц, как сейчас, а 800—900 долларов... Если я отправляюсь куда-либо вечером, обязательно беру такси. Раньше я возвращалась домой, например, из театра, в метро. Отважиться на такое сегодня было бы безумием». Почему? Да потому, что именно в метро особенно бесчинствуют хулиганы и грабители.

«Лик метро дряхл и безобразен,— пишет «Нью-Йорк таймс мэгэзин».— Он испещрен мазней, словно рубцами. Запах? Немедля хочется зажать нос. Грохот такой, что кажется, будто звуки материализовались и бьют по голове. А опасности? Спросите любого, и вам тотчас скажут, что здесь убивают среди бела дня... Нью-йоркское метро преподносит тысячу сюрпризов. Здесь самые длинные в мире маршруты, самые большие станции, самая широкая колея, самое большое число полицейских. И вот еще дополнение для любителей «самого-самого»: самые грязные вагоны, самые безобразные надписи на стенах, самые шумные колеса, самые отвратительные преступления». Нет, недаром в Нью-Йорке говорят так: «Главное правило — не ездить в метро, если это не диктуется крайней необходимостью».

Наряду со многими другими примерами положение с городским метро говорит о том, на какой тоненькой ниточке держится в Нью-Йорке самый элементарный порядок. Достаточно вспомнить, как летней ночью 1977 года город вдруг остался без электроэнергии из-за аварии сети. Тут же начались грабежи, убийства, насилия. За полчаса были разграблены или уничтожены ценности на 150 миллионов долларов. Летом 1982 года, как бы отмечая пятилетие той кошмарной ночи, по одному из центральных телевизионных каналов показали фильм об этом событии — «Ночь, в которую город завопил от ужаса». Как известно, американское кино давно набило руку на показе насилия, благо материала много, за примерами далеко ходить не надо. Так и на этот раз художественный фильм смотрится как кинохроника, кровь леденеет в жилах, когда видишь на экране разгулявшуюся стихию преступности, которая ежедневно, ежечасно еле-еле сдерживается городскими властями и взрывается с чудовищной силой при первом же удобном случае.

В ту страшную ночь (как и в другие, вполне обычные ночи и дни Нью-Йорка) грабили и хулиганили так называемые неорганизованные преступники, уголовная шпана. Ими город просто забит. Но, помимо этого, Нью-Йорк является в США столицей организованной преступности. Как известно, всеамериканская гангстерская корпорация «Коза ностра» по своим финансовым оборотам давно уже стала самой большой фирмой в Соединенных Штатах. Она поделила всю страну на 27 регионов, в каждом из них преступным бизнесом заправляет одна «семья». А в Нью-Йорке, учитывая его размах, орудуют сразу пять «семей». В их руках — индустрия азарта огромного города (рулетки, всякого рода пари и лотереи, картежные заведения и т. п.), не менее мощная индустрия порнографии (грязные издания, такие же кинофильмы и т. п.), проституция, публичные дома (последние под разными нейтральными вывесками), торговля наркотиками в огромных масштабах, соответственно масштабам города. Вымогательство, шантаж, убийство по заказу, активное вторжение в легальный бизнес за счет несметных богатств, нажитых преступным путем,— вот еще отрасли деятельности нью-йоркских «семей» «Коза ностры». Причем деятельность эта традиционно сопровождается подкупом политических деятелей, властей и полиции, запугиванием и физическим уничтожением неугодных лиц. Одним словом, разлагающее влияние гангстеров на жизнь города поистине огромно. Вот один только пример.

Потомственный гангстер Джозеф Коломбо, босс одной из пяти нью-йоркских «семей», стал одновременно и крупным бизнесменом и даже... общественным деятелем. Такие гангстерские боссы вообще живут в США открыто, их надежно защищают не только и не столько многочисленные вооруженные до зубов телохранители, сколько награбленные миллионы долларов. Все эти преступные боссы являются не только гангстерскими лидерами, но и вполне легальными бизнесменами, у них свои предприятия, магазины и т. п. А вот Коломбо и этого показалось мало. На свои деньги в целях приобретения еще большей власти и популярности он основал Лигу по защите гражданских прав американцев итальянского происхождения. Журнал «Тайм» так комментировал это событие: «Джозеф Коломбо — основатель лиги, ее официальный лидер и главная опора. Босс одной из пяти нью-йоркских «семей» «Коза ностры» Коломбо с помощью своей лиги ведет двойную жизнь (а не тройную? Ведь он еще и бизнесмен.— **В. Н.**). Начав осторожно это дело, он превратил лигу в организацию американцев итальянского происхождения, которые не имеют ничего общего с «Коза ностра». Спекулируя на их честных и справедливых намерениях, Коломбо предоставляет им видимость их собственной лиги, не забывая при этом о своих личных гангстерских интересах».

Между прочим, наглая затея гангстерского босса имеет под собой самые реальные основания, которыми он и воспользовался. Дело в том, что итальянцы являются одним из многих национальных меньшинств и нуждаются в сплоченности, организации для защиты своих прав и интересов. Удивительная многоликость и мозаичность Нью-Йорка ярко выражены и в национальном составе его населения. Сегодня в нем насчитывается по меньшей мере 92 этнические группы. Больше сорока процентов населения города составляют негры и пуэрториканцы. Летом этого года журнал «Ньюсуик» констатировал: «Каждый третий житель Нью-Йорка, если не больше, родился за границей. Этот процент выше, чем в таких наиболее интернациональных городах, какими являются Париж и Лондон. Ежедневно в городе служба в церквах идет на 21 языке, а газеты и телестудии обращаются к своей аудитории по меньшей мере на 50 языках».

По давней американской традиции представители национальных меньшинств относятся к гражданам второго сорта. В Нью-Йорке с его кричащими противоречиями и контрастами это особенно бросается в глаза: негритянские и пуэрто-риканские кварталы — беднейшие в городе, безработица больнее всего бьет по неграм, пуэрториканцам и представителям других национальных меньшинств, такое же неравенство распространяется на систему социального обслуживания, образование, здравоохранение и т. п.

Между богатым и бедным Нью-Йорком лежит не только бездонная социальная пропасть, но есть и цепкая связь, хотя и невидимая. Такой пример. Вот два мультимиллионера, Г. Хэлмсли и Д. Трамп; первый собирает свои миллионы с принадлежащих ему жилых домов для простого люда в Бронксе, а второй снимает такой же урожай в другом районе города — в Бруклине. Дома, как правило, никудышные, а получаемые с них в виде квартплаты деньги — полноценные и немалые. Так, Хэлмсли, например, получает ежегодно от сбора квартплаты полмиллиарда долларов. Ему в городе принадлежит около 500 объектов, в том числе целые жилые кварталы и знаменитый 102-этажный «Эмпайр стейт билдинг», одно из самых высоких зданий в Нью-Йорке. Как Хэлмсли, так и Трамп, плевать хотели на тех, с кого они стригут доллары, особенно на представителей национальных меньшинств. На Трампа, например, даже подавали в суд за «дискриминацию черных». Но, понятное дело, у американской Фемиды для таких, как Трамп, руки коротки.

Во многих деталях, крупных и мелких, повседневная жизнь Нью-Йорка на каждом шагу просвечивает через его рекламную лакировку. В вестибюле редакции солидной нью-йоркской газеты «Вилидж войс» читаю на доске объявлений два документа. Первый о том, куда обращаться за помощью, что и как писать, если вдруг уволят с работы, то есть как правильно начинать жизнь безработного, от этого несчастья и в этой редакции, видно, никто не застрахован (разумеется, кроме ее владельца). Второй документ строго предписывает сотрудникам не оставлять на столах ценные вещи (авторучки, калькуляторы, зажигалки и т. п.) и тщательно все запирать. В этом же распоряжении посетители редакции предупреждаются: каждый, кто проходит с сумками, портфелями и т. п., при выходе будет обыскан, администрация просит на это не обижаться, поскольку «в последнее время в редакции участились случаи воровства».

Искаженный гримасой буржуазной цивилизации лик Нью-Йорка видишь ничем не прикрытым, во всем его безобразии, в самом центре города, на Бродвее, в районе Таймс-сквер. У каждого города обязательно есть свой центр (которым жители обычно гордятся), но это просто-напросто уголовно-порнографическая клоака. Человеку, не побывавшему здесь, в такое трудно поверить, поэтому предоставим слово журналу «Ньюсуик»: «Таймс-сквер в Нью-Йорке деградировал из блестящего развлекательного центра в отталкивающую арену, где главное место занимают порнографические книжные магазины и такие же кинозабегаловки». А вокруг кишат мелкие уголовники, зазывалы публичных домов (здесь они называются саунами или массажными заведениями), сутенеры, проститутки, которых в Нью-Йорке, как пишет «Чикаго трибюн», достаточно, чтобы «удовлетворить целую армию». Бесконечным потоком идут через этот городской центр жители Нью-Йорка, среди них множество детей и подростков. И все это день и ночь залито ярким светом реклам и зазывных объявлений многочисленных сомнительных заведений. Поистине Содом и Гоморра двадцатого века!

Вот так и живет этот гигантский город, который еще называют Вавилоном на реке Гудзон.

Демонстранты несут плакат: «Сколько детей погибнет в ограниченной ядерной войне!» * Лошадь в Нью-Йорке * На стройке * Негритянская девушка * Артисты из группы японских сторонников мира, приехавших в США для участия в манифестации против ядерной угрозы.

• ЕСЛИ ДУША РОДИЛ

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Эти прекрасные строки стихотворения из цикла «Стихи о Москве» М. Цветаевой переносят нас в осень 1892 года. Девяносто лет назад в семье профессора Ивана Владимировича Цветаева родилась дочь Марина. И. В. Цветаев — сын сельского священника, уроженец Владимирской губернии — рос в крайней бедности, учился на медные гроши и сам, своим трудом и талантом пробил путь в жизни и науке. Имя И. В. Цветаева, европейски известного искусствоведа и филолога, сейчас можно прочесть на мемориальной доске, установленной на фасаде здания Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — он основатель и создатель этого музея.

Мать Цветаевой, Мария Александровна, одаренная пианистка, ученица Рубинштейна, человек, глубоко и тонко чувствовавший искусство, натура артистическая и чуткая, умерла рано, но влияние ее на дочь несомненно. Его отмечала и сама Марина Ивановна, жившая в детстве поистине в стихии музыки.

Цветаева отлично сознавала свои корни и так сказала в стихах о своих двух бабках — простой попадье и польской панне:

Обеим бабкам я вышла — внучка:
Чернорабочий — и белоручка!

Трудовая научно-художественная интеллигенция, к которой принадлежала по рождению Цветаева, дала русской культуре XX века нескольких замечательных поэтов. Достаточно вспомнить хотя бы высокочтимых Цветаевой Блока и Белого.

Мало кто из поэтов мог и умел работать так, как Цветаева, работать без перерывов, отдавая поэзии все силы, весь талант, всю жизнь. Да поэзия и была ее жизнью. «Это дело специалистов поэзии,— говорила она о каком-то литературном явлении.— Моя же специальность — Жизнь».

Еще будучи гимназисткой, она выпустила первый сборник — «Вечерний альбом». Стихи никому не известной юной поэтессы не только не затерялись среди многих сборников, выходивших в начале века, но и вызвали положительные отклики таких мастеров и требовательных знатоков стиха, как Брюсов, Волошин. «Марина Цветаева внутренне талантлива, внутренне своеобразна,— писал один из критиков.— ...Много нового в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новы темы, например, детская влюбленность; ново непосредственное, бездумное любование пустяками жизни. И, как надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии... Эта книга... прекрасных стихов».

До революции она выпустила еще две книги, сумев не только сохранить свой голос среди пестрого многоголосья литературных школ и течений предреволюционной поры, но и развить талант, создав оригинальные, точные по форме и мысли произведения, одно из которых можно назвать провидческим:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет...
. . . .
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Стихи и поэмы Цветаевой не просты. Их нельзя читать и почитывать между делом, бездумно скользя по строкам и страницам. Поэзия ее требует вдумчивого, углубленного постижения, требует в конечном счете немалого усилия мысли. Советский литературовед В. Н. Орлов, внимательно исследовавший творчество Цветаевой, в одной из своих статей приводит ее слова, точно определяющие «сотворчество» писателя и читателя: «Что есть чтение, как не разгадыванье, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределами слов... Чтение — прежде всего сотворчество... Устал от моей вещи, значит — хорошо читал и — хорошее читал. Усталость читателя — усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь читателю и мне».

Жизнь Марины Цветаевой сложилась очень непросто. После революции судьба забросила ее за рубеж. Она уехала к мужу, оказавшемуся в эмиграции в Праге. И здесь, на чужбине, она хлебнула горя сполна. «Моя неудача в эмиграции — в том,— писала она,— что я не эмигрант, что я по духу, т. е. по воздуху и по размаху — там, туда, оттуда... Здесь преуспеет только погашенное и,— странно бы ждать иного!» Эмиграция отторгла инородного ей, чуждого стремлению к мещанской сытости и благополучию обостренно-трагического поэта, не боявшегося высказать свое мнение, всегда принимавшего сторону поверженного.

М. И. Цветаева. 1924 год.

Если душа родилась крылатой —
Что́ ей хоромы и что́ ей хаты!
Что́ Чингисхан ей — и что́ — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца — неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

Эмиграция умела расправляться со своими противниками. Цветаева писала Маяковскому, которого она открыто и громко приветствовала в Париже: «Дорогой Маяковский! Знаете, чем кончилось мое приветствование Вас в «Евразии»? Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали... «Если бы она приветствовала только поэта Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...»

ЕГОРУШКА

Марина ЦВЕТАЕВА

Публикуется впервые.

ПОЭМА

Отрывки из главы «Купечество»

ЧЕТВЕРГ

Как над той землей, избой кленовой-ясеневой,
Разудалая одна — да распоясывалась.
Расплещись, заря, во все шелка разливчаты!
Воспускай из-за прилавочка счастливчика!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Не пенькой торговал —
Парчой,
И к прилавочку
— Ступ — старшой.

«Ну што, купец,
Как звон-казна?»
А тот в ответ:
«Ну да, казна!

Цельный, знаешь, мешок пузатый,
Да не любит меня казна-то!»
Взревел купец:

«Да кто ж? Да што ж?»
А тот в ответ:
«Ругай, как хошь!

Видно, ум у меня слабенек,—
Не пойму я московских денег!

Как стал считать —
Бревно бревном!
Такой уж зноб
В костях — и лом!

А в ушах-то, что улей-пчелки,
Так тебе и жужжит: «Обчелся!»
. . . .

Вздохнул купец:
«Ну ты и гусь!»
А тот в ответ:
«И сам дивлюсь!
. . . .

Мне и до трех,
Отец, не счесть.
Каков рожден —
Таков и есть».
Тут по плечу
Его — старшой:
«Хоть не пенькой
Сплошал — парчой —
Да глаза-то твои — алмазы!
Подождем до другого разу!»
. . . .

СУББОТА

Как над той землей, где бабка черту маливалась,
Разудалая одна — под полог сваливалась.
Закатись, заря, вались, заря, на сон честной!
Наше дело молодецкое окончено!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Уж и лоб
У него — пустой!
И к прилавочку
— Ступ — третёй.

«Ну што, купец,
Как торг-дельцо?»
Взглянул — и с губ
Нейдет словцо:

Видит: купчик-то наш-кормилец
Вместо рук-то — веревку мылит!

Ты што ж это,
Речет, сокол?»
А тот в ответ:
«Знать, день пришел».

А волчок, защелкав, как бубен:
«Кажну ночь тебе сниться будем!»
. . . .

И кредитку-достав-рублевку:
«Получай за свою веревку».

АСЬ КРЫЛАТОЙ...

Вслед за мужем и дочерью, принимавшими участие в борьбе испанского народа против фашизма, Цветаева в 1939 году вернулась на родную землю. Перед отъездом она написала трагический цикл стихов о попавшей под фашистский сапог Чехии. Поэт проклинает бесчеловечность фашизма в строках, исполненных страстного отчаяния.

Ей оставалось жить еще два года. Они были тяжелы, но Цветаева продолжала работать. Поселившись в Москве, она переводила, готовила сборник стихов и писала новые произведения. Недавно были опубликованы сохранившиеся в архиве Цветаевой пять ее стихотворений, созданных в Советском Союзе в 1940—1941 годах. Эта публикация вызвала явное раздражение некоторых зарубежных «цветаеведов», или «маринистов», как они еще себя называют. Такая реакция ясна — она рушит концепцию о творческом молчании Цветаевой в Советской России, ее якобы одиночестве и заброшенности. Но жив человек, которому адресовала она одно из стихотворений, и известен источник эпиграфа к этому последнему замечательному произведению М. И. Цветаевой. Вот это стихотворение.

«Я стол накрыл на шестерых...»

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых...»
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О — н и д у ш и не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться,—
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и все же укоряю:
— Ты стол накрывший на шесть — д у ш
Меня не посадивший — с краю.

6 марта 1941 г.

После начала Великой Отечественной войны Цветаева попала в эвакуацию в маленький городок Елабугу на Каме и 31 августа 1941 года в состоянии депрессии покончила с собой. Она оставила записки к трем адресатам, в которых объяснила свое решение, их подтверждают и письма сына Цветаевой к близким, написанные после кончины поэта. Иссякла ее жизненная энергия, силы, вера в будущее и в свою нужность людям. К сожалению, в эти дни в далекой Елабуге не оказалось никого из близких Цветаевой людей, кто бы мог предотвратить трагический исход.

* * *

В огромном литературном наследии поэта особое место занимают так называемые русские поэмы-сказки «Царь Девица», «Егорушка», «Переулочки», «Молодец», заставляющие нас вспомнить поэмы-сказки Пушкина.

«России меня научила Революция» — так, по свидетельству дочери, ответила Цветаева на вопрос одного из поэтов старшего поколения, откуда в ее творчестве появился «лубок, былина, частушка, сказка, заплачка и плясовая».

В поэме «Егорушка», которая должна была быть самой большой поэмой Цветаевой, завершены оказались всего четыре главы — «Младенчество», «Пастушество», «Купечество» (отрывки из нее ниже впервые публикуются) и «Серафим-град».

Егорушка Цветаевой, восходящий к русскому народному образу Егория Храброго, родился от земной женщины и «орла залетного». Из колыбели его унесла и вскормила своим молоком волчица вместе с шестью волчатами.

Навсегда остался с Егорием неразлучным его молочный «браток» — «волчок».

В главе «Купечество» — самой выразительной и живой в поэме — рассказывается о том, как Егорий, встретив трех купцов и торгуя семь дней недели, перешагивает, сам до конца о том не ведая, через соблазн денег, богатства, благополучия.

В. ЕНИШЕРЛОВ

А сам на крюк
Глядит-крючок.
Тут вперебой
Ему волчок:

«Не сосем твоих кровных жилок:
Деревенский еще обмылок!»

Вспылил купец:
«Ишь брат — повис!
Ты на земле,—
Гремит,— трудись!
. . . .

Тем мне и люб,
Дурак,— что глуп!»
А тот в сердцах:
«Вестимо — глуп.

Хошь хлыстом меня в очи хлёстай,—
Не стерплю я ребячьей слезки!

Сижу это,
Отец, с казной,
Ан голосок
В дверях — сквозной,
Как комарик звенит над синью,
Как сырая в ночи осина.

Как трещинка
Поет в стекле...
Гляжу это:
Малец в тряпье,

Куполок-золотой-головка...
— Одолжи, говорит, веревку!

— Ай свет тебе,—
Смеюсь,— не люб?
А тот в ответ:
«Хозяин лют.
Как в снежки-то играл с Колюшкой,
Обронил на снегу полушку».

Как хрусталем-
Звенит-ледыш.
«Озолоти,— звенит,—
Услышь!

А веревку не дашь — так в прорубь!»
— Это што ж,— говорю,— за торопь?

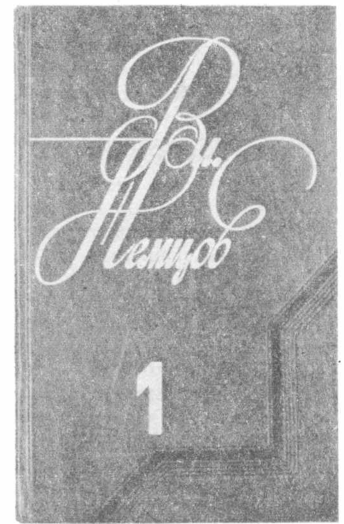
Коль уж такой
Мужик в петлю,
Так кто ж служить
Пойдет царю?

Да как сыпать пошел в карманы!
Оделяй,— говорю,— команду!

Как в решето
Сквозя водой.
«Отец,— звенит,—
Карман худой!»

— А худой,— говорю,— так свистни!
Весь мешок тут ему и втиснул».
. . . .

Публикация и подготовка текста А. А. СААКЯНЦ.

О РЕАЛЬНОЙ МЕЧТЕ

Книги Владимира Немцова хорошо известны. Но особенно большим спросом они пользуются у юношества, ведь Немцов — фантаст, то есть такой писатель, чье творчество требуется больше именно молодой душе в пору еще не сбывшихся ее, но предвосхищаемых возможностей.

И действительно, редко кто из подростков, особенно увлекающихся техникой, не знает повестей и романов «Тень под землей», «Золотое дно», «Осколок солнца», «Последний полустанок», «Когда приближаются дали...», объединенных темой поиска и свершений на пути к будущему, раскрывающих роль человека во времена научно-технической революции. Теперь именно эти произведения, сочетающие в себе не только фантастическое содержание с приключенческим сюжетом, но, главное, развернутые в животворном нравственном, моральном аспекте, выделены в «Избранное» — своеобразный итог семидесятипятилетнего мастера.

С творчеством Немцова крепко связана сама его биография, вобравшая характернейшие приметы послереволюционного времени. Выученик рабфака, студент этнологического факультета МГУ, радиоконструктор, Владимир Немцов стал одним из тех, на чью судьбу серьезно повлиял Алексей Гастев — поэт, инженер, ученый, изобретавший новые приемы труда, воспевавший его поэзию. Однако писателем-профессионалом Немцов стал только после войны, почти сорокалетним: начиная с 1945 года он пишет неустанно, книгу за книгой, полностью отдавая себя литературному делу.

Творчество писателя исходит из окружающей нас реальной, даже обыденной жизни, в которой он четко видит ростки будущего. Вот, например, «Золотое дно», где инженерная мысль, воля новаторов устремлена в сторону смелых и необычных научных решений, связанных с разведкой нефтеносных пластов под дном Каспия: их методы фантастичны, их цель — цель сегодняшнего дня. Также на грани фантастики и жизни реальной развивается действие в повести «Осколок солнца» — о новых источниках энергии — и в романе «Когда приближаются дали...», где герои ищут решение принципиально нового градостроительства. Эти герои, как и во всех произведениях Немцова,— мечтатели: они создают аппарат, двигающийся сквозь море пламени, они изобретают «всевидящее око», они получают в своих лабораториях краски, преображающие ночь в день, они конструируют радиопередатчик, волны которого помогают изобличать преступников. Фантастические построения здесь близки к тем проблемам, над решениями которых человечество действительно бьется и которые зачастую успешно решает. Недаром читателя Немцова поражает в его книгах как раз не вымысел, а правда о жизни, о делах выдающихся и рядовых людей-тружеников, правда об идеалах нашего общества, его устремлениях.

Фантастика Владимира Немцова — модель не отдаленного, но ближайшего будущего, и именно поэтому он сам однажды прямо выразил свою творческую сверхзадачу: показать не только сложный психологический процесс технического творчества, но и «моего современника — постоянно ищущего, с его радостями и огорчениями, всем, чем полна наша жизнь».

А. БАСМАНОВ

Владимир Н е м ц о в. Избранное в 2-х томах. М., «Молодая гвардия», 1982.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

КНИГА О

●

ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ

Как сюда попала весна? Да, ведь она уже наступила, а Инна Николаевна, занятая поисками знакомых и друзей отца, собиранием документов, писем, бумаг, фотографий, не замечала ни времен года, ни своих близких. Она аккуратно заполняла папки с названием «Книга об Отце» всем, что удалось найти.

Продолжение. См. «Огонек» № 41.

«Соберу побольше, приготовлю для Монистова и, прежде чем нести, просмотрю сама...»

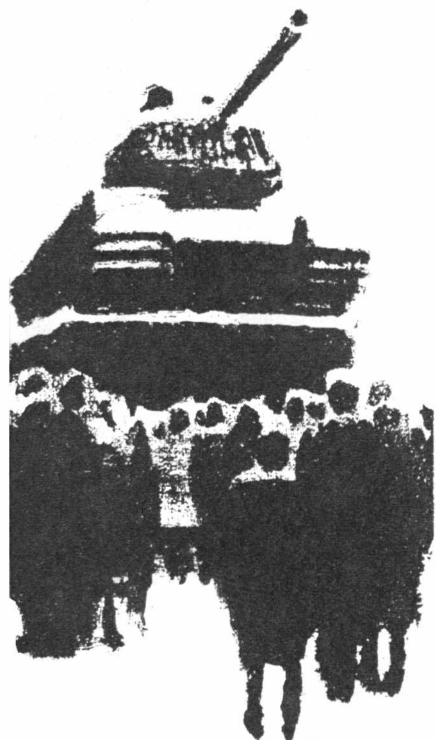
Рассказ Дарьи Петровны, чертежницы

Не могу писать воспоминания. Говорить могу, а как за бумагу сяду, ручку возьму — все мысли куда-то деваются, дура дурой становлюсь. Я себя и так и эдак заставляю, уговариваю. Не выходит. Плюну, начну писать, так вы думаете, получается? Деревянные слова. Я долгие годы общественницей была, доклады отчетные сама себе сочиняла, от этого, наверно, как перо ни возьму — прет из меня казенщина. А про него стыдно казенщину писать. Такой был человек! Лучше не встречала. Пришла я к нему чертежницей в первый день. Он над бумагой сидел. Глаза на меня поднял синие, я обомлела — вот это да! Приосанилась. А я хороша была — никто мимо не проходил. И думаете, он не понял? Все понял. Улыбнулся и говорит: «Дарья Петровна, у вас зубная паста справа на губе засохла». Это при первом знакомстве. Мои перья так и упали.

Б ОТЦЕ

Красная стала. Какое тут баловство! Он со мной первые дни все время просиживал. Учил. А потом к себе помощницей взял. Да так, если честно, я ему, конечно, помощницею была, кровь из носу — все сделаю, что велит. Мне он тоже в помощи не отказывал. Вся жизнь моя на его ладони была. Замуж выходила — он первый советчик. Дети пошли — в садики и ясли он устраивал. Да я разве одна у него на шее была? Все конструкторское бюро вокруг вилось. Андрей Андреич, тот другой. Он к себе никого не подпускал. А если вдруг подпустит, то скоро и спохватится. В наши дела не мешался. Всегда угрюмый, замкнутый. Думает, думает... Может, так и надо изобретателю? Мы это понимали. А с Никаем Сергеичем ничего понимать не хотели. Висли на нем, как груши на ветках. Никаем звали. Чтоб покороче. А еще за глаза все звали Отцом. «Сходи к Отцу, поможет». Такое слышали каждый день. И что вы думаете, он инженер, изобретатель хуже был, чем Андрей Холодов? Не уступал. Говорили, что они друг друга дополняют. У обоих по-разному головы работают, а если сойдутся — решение найдут единственно верное. Векшин — тот совсем другой. Он начальником родился. Говорили, что в Москве у него большие связи и ценят его там как организатора, в общем, хороший мужик был Векшин. Невысокий такой, широкий и как будто староватый, он старше был Никая и Холодова лет на пятнадцать. Они втроем на работе оставались почти до утра. Разрабатывали мы тогда колесно-гусеничную машину с сорокапятимиллиметровой пушкой. Не легкую, не тяжелую — среднюю. А она у нас тяжелее средней нормы на целых три тонны выходила. Ну и пусть тяжелее, говорили некоторые. А конструкторы понимали, что у такой машины будет пониженная скорость. И проходимость меньше. Значит, машина выйдет слабая. Здоровая дура будет, а толку чуть. Тогда особой субординации в начальстве не было. Все они, конструкторы, собирались вместе, а мы, чертежники, и другой мелкий люд замирали за стеклянной стенкой; знали — рожают совместную идею. Рожали, рожали и пришли к выводу — без колес машина будет, на гусеничном ходу. Проходимость возрастет. Уберем редукторы приводов на колеса, уменьшим вес, высвободим пространство для других механизмов и для вооружения. Понятно? Не очень? В общем, начали мы конструировать такую машину на свой страх и риск одновременно с колесно-гусеничной.

Рисунки
М. ПЕТРОВОЙ

Сколько времени мы одновременно две машины разрабатывали? Не помню. Готовили для доклада в Москве на главном военном совете сразу два проекта. Очень хорошо помню, уехал Векшин в Москву докладывать, а мы все работать не можем. Ждем. Никай смеется: «Ох, получим мы все тут по мягким местам за такую инициативу». Я спрашиваю: правда получим? Он качает головой: «Все будет в порядке». В порядке-то в порядке, а дня через два после этого Векшин является назад черный от горя. Он все так близко к сердцу принимал, оттого и ушел рано. Воспаление легких, воспаление легких. Оно, конечно, было, а только организм его до этого ослаблен был. Очень уж чувствительный человек. Является Векшин, запирается с Никаем и Холодовым, и те оба тоже черные становятся: ничего себе известие — за наш новый проект никто на военном совете не проголосовал. Первую колесно-гусеничную машину приняли. Похвалили. А вторая всех испугала — гусеничный танк? Новое дело. Кто отвечать будет, если что не так? Векшин свою голову подставляет, а ему говорят: нет, твоя голова с плеч — никому пользы не будет. Изволь первую машину до ума доводить. Тише едешь — дальше будешь. Правда, ходили слухи, что рискнуть ему не то чтобы позволили, а вроде бы не запретили. Так это или нет — не знаю, но думаю, была у них зацепка, потому что мы продолжали работать над образцами обеих машин.

Вы спрашиваете, в чем роль Векшина состояла, в чем Холодова, в чем Никая? Мне это трудно сказать, они бы определили, я думаю, у каждого свое назначение было. Никто никому не завидовал, никто не подсиживал. Вообще в КБ такого духу не было ни до войны, ни в войну. Потом уже началось, когда мир настал. Никай всегда говорил, что у Холодова есть в голове пружинка. Она как раскрутится — держись, лучше всех контур машины чувствовал. А Никай контур берет и жизнь в него вдыхает. Векшин? Тот над всем этим как Савоаф стоял. С приходом Векшина Никай и Холодов стали спокойные, уверенные. Если о себе говорить, то я Холодова не любила, всю жизнь с ним проработала, а ни минуты не любила. Иногда ненавидела даже. За холод его, вот уж кому фамилия подошла, нарочно не скажешь. Векшина любила, уважала, как начальника его побаивалась. А Никай родной был. Как мухи к нему люди липли. Мы работали сразу над двумя машинами — думаете, легко? Никай скажет — надо, попросит — и все для него сделаешь. Векшин это видел. Он поставил Никая осуществлять связь конструкторов с производством. Расчет Векшина точный был: любое слово Никая выполнялось моментально. Говорили, что у него тайна есть над людьми. Может, и была. Тайна. Да, думаю, все в нем понятно — душа открытая, идет с ней к людям. Только сволочь в эту душу плюнуть может. И то побоится.

Вот расскажу я вам случай, на всю жизнь он во мне, как гвоздь, забит. Я сидела за работой, было утро, переводила на кальку чертеж, обычное дело. Говорят, никаких предчувствий нет и не бывает. А у меня ни с того ни с сего под ложечкой так заныло, защемило, и чего-то я испугалась. Тоска взяла, что ли. Про дочку подумала: как она? Работу откинула, посидела молча минуту-две — прошло. Минут через десять вбегает ко мне соседка. Сроду ей на заводе делать нечего: домохозяйка она, жена, в шелковом халате на диване валяется, мужа с работы ждет — и кричит: «Дашка, Дашка, твою Ольгу изувечило»...

Я в цех кинулась, к Никаю. Они тогда башню на корпус примеряли. Влетела, схватила его за рукав и кричу: дочку мою изувечило! Он все бросил. Выбежали мы с ним на улицу, соседка за нами, пока бежали, он обо всем ее расспросил, влетел в дом, схватил девочку на руки — и в санчасть. На окошке она сидела и соскользнула на батарейный кран. Ляжку вспороло почти до кости. Ой, вспоминаю — страшно делается! Зашивали. После этого мы с Ольгой стали Никая при живом отце Отцом звать. Муж поначалу хмурился, я ему говорю: ничего поделать не могу, почему-то я не к тебе, голубчик, кинулась. Его цех тут же, под рукой был. А он мне: «Это тебя надо спросить, почему не ко мне, а к нему. Может, ты за него и замуж от меня пойдешь?» Да нужна я ему, как же! Когда я Катерину увидала впервые, так и думать забыла, как ему глазки строить. Они рядом пара — не оторвешь глаз. Он громадный, плеча широкие, волосы русые, а глаза эти отцовские — слов не хватает. Голубые-синие. Лицо длинное, губастое. Она маленькая, ведь маленькая, правда, а оттого, что высоко голову закидывала и спину прямо несла, чуть ли не вровень с ним казалась. Не понимаю я, в чем ее сила была, а только где бы ни появлялась она — тишина наступала, и мужское население дуреть начинало. Я как-то слышала — он звонил ей с работы, голос у него был, как будто он с малым ребенком говорил. Виновато будто...

Попалась мне как-то книга про остров Пасхи, люблю про путешествия читать, и там снимок — человек из племени «длинноухих». Статуя. Верите — точь-в-точь Никай. Я дочкам показала. Похож, говорят.

Так вот, о чем я говорила, да, да, за наш новый проект никто, значит, в Москве не проголосовал, и мы, то есть они, начали сразу две машины без разрешения готовить. На свой страх и риск. Я уж не знаю подробностей, но тогда говорили, что Никай письмо какое-то написал, чуть не самому правительству. У нас конструктор один был, Шапошников, так он уверял, что если б не смелость Отца, машина бы наша света божьего не увидела. Может, и так. А может, и нет. Отец раз услышал что-то такое от Шапошникова, как оборвет его, словно он мальчишка, босяк. Тот и прикусил язык.

Они трое друг друга держались — сильней становились. А ведь время какое было. Им, помимо талантов, какая сила воли нужна была, чтобы машину пробить. Дело новое, никому не известное, дорог проторенных нет, спросить не у кого — все сами.

Так вот, значит, делали мы на свой страх

два образца машин. Векшин получил приказ доставить экспериментальную машину в Москву. Все мы замерли: что дальше будет? Уехал Векшин с двумя образцами, Никай и Холодов друг к другу приросли. Помню день, когда Векшин позвонил, что машина принята. Никая не было в КБ, он в цехах пропадал. Холодов снял трубку, я как раз у него была, смотрю — глаза остановились. Ну, думаю, пропали мы тут все, разгонят да еще дело пришьют. А он трубку положил, говорит мне: «Постарайтесь, пожалуйста, Николая Сергеевича найти, будьте любезны». Очень вежливый человек. Все «пожалуйста» и «спасибо». Я побежала, говорю Отцу: «Кажется, провал с машиной». Он к Холодову, а тот ему, слышу: «Машину приняли, но есть доделки». В этот вечер они оба ушли домой. А то ведь тут же и спали, рядом на диванах. Я вот что скажу — если бы они не были такими сумасшедшими, ничего бы не сделали. Машина жертву любит, ей надо всего человека измотать, чтобы ее победа была. Каждую деталь перепроверить! А спросили б Отца, чувствует ли он, что жертву приносит, удивился бы. Ведь он влюбленный был в дело, настоящий влюбленный. Помню, первый образец готовый стоял. Они с Холодовым вокруг него, как квочки, ходили... Отец и руками гладил и пыль смахивал. Говорил: «Я ее, как женщину, люблю». Да что говорить, мне, бывало, казалось, что машина чем-то на Отца похожа, именно на него, может, потому, что именно он ее с чертежа в металл переводил. Его танкистом-эталоном сделали. Что это такое? А то, что из-за роста своего он в люк сначала не влезал. Решили делать люк по его размеру — вдруг такие танкисты найдутся. Без конца, бывало, прибегают из цеха — Никай Сергеич, поди, измерить тобой надо...

Еще из довоенного времени я хорошо помню, как помирал Векшин и Отец с Холодовым ходили к нему каждый день и сидели до ночи, Векшин не мог расстаться с танком ни на минуту. Он был настоящий Главный, по характеру, по всему, он был из тех, кто никогда бы не смог остаться на втором месте, характер выталкивал на первое. А вот в Никае было что-то — он на первое место никогда не хотел. Мы все были уверены, что Векшин поставит после себя Отца, потому что Холодов к административному делу неспособен, а Отец, как рыба в воде, в этом деле плавает. Никто не сомневался. Да и Холодов вел себя так, как второй, после Отца. Где-то дня за три до смерти Векшина мы в КБ все до единого почувствовали перемену в Холодове. Он волновался, был злой, раздраженный, даже крикнул на чертежницу, никогда с ним такого не было. «Рано начал»,— сказал ему Отец, тот взглянул как будто испуганно, улыбнулся. Я хорошо запомнила это и потом, когда узнала, что Холодов заступает на место Векшина, подумала: они трое согласно поделили места. Главное, доказать директору завода, что приход нового человека — гибель: дело на ходу, а тут чужая воля воткнется, мало ли что ей заблагорассудится. Скажет, закрывай машину, нечего два образца делать, деньги народные разбазаривать. И тоже прав будет: закрыть тогда было легче, чем продолжать.

Хоронили Векшина — на Никая и Холодова страшно было смотреть. Как будто души из них вынули. И все стояли возле жены Векшина. Она одна с тремя девочками осталась. Честно говоря, многие у нас в КБ ждали перемен в отношении Кочерно и Холодова. Не дождались. Они ловко распределили между собой обязанности. Ну вот, разговорилась я, наговорила много, а ничего не сказала. Трудно рассказать человека. Глаза закрою, стоит Никай у меня перед глазами, заранее знаю о нем, как поступит тут, что скажет там. Я бы за него умереть могла...

Про войну говорить — конца не будет. Мы тогда верили — наши руки творят чудо. Предчувствовали победу с этой машиной. В опьянении были. Себя вели, как самые счастливые люди на свете, и это в войну, голод, страшные морозы. У меня дочки болели одна за другой, а то и вместе, я не видела их месяцами, мать моя от голода пухла... Все перекрывал гул танкового мотора. Это мои чувства. А Кочерно. Холодов. Целый год не выходили с завода, а ведь семьи в полукилометре от завода жили...

Рассказ директора Маринина

Видите ли, завод — сложнейший организм, чувствовать его весь целиком и понимать в отдельности разные, часто совершенно несовместимые звенья — для этого тоже талант нужен и не один талант — навык, мастерство — они приходят с опытом жизни, а пока придут, сколько дров наломать можно. И ломаем. Я ломал, а почему бы и нет, живой человек с недостатками, что-то знаю, чего-то не знаю. Когда мне этот завод в руки упал нежданно-негаданно, так, пожалуй, с год ночей не спал, никак привыкнуть не мог к его масштабам. Всему нас тогда учили — все-то мы знали в общем, в целом, а ты попробуй обоими неопытным умом такую махину, как завод, где каждый день подкидывает тебе новые фокусы, где от тебя, директора, зависит одновременно все и не все.

Было это перед войной, за три года до нее, взял я завод в состоянии не самом лучшем. Цехи старые, оборудование — дрянь, а кадры отменные. Тогда мне и в голову не приходила мысль о массовой текучке: чем людей держать. Сами держались, а чем, не знаю — воздухом времени, что ли. Воздух был, прямо скажем, насыщенный, нервный, впереди — все чувствовали — война. Завод паровозы выпускал, но роль танкового КБ росла не по дням, а по часам. Я Векшина с его мальчиками вначале как бесплатное приложение видел, значения ему не придавал особого, а день за днем вижу — теснят они мои паровозы своими танками. Когда меня назначали в Москве, там роль танков была четко сформулирована — как дело будущего, а как приехал я на место, огляделся: нет, думаю, тут это будущее — уже вчерашний день. Векшин тогда сильнее меня был и опытом и связями — ему сам Ворошилов поздравительные телеграммы к праздникам слал, не мне, директору, а ему. Когда я пришел, Векшин как раз готовил машину к показу в столице, как говорится, на коне был. Со мною держался отменно. точно, никакого превосходства, никакого чванства я в нем не почувствовал. Большой внутренней культуры был человек, хотя родом из крестьян-безлошадников.

Уехал Векшин в Москву машину показывать и как в воду канул. Я тем временем о его КБ забыл, мало ли дел на заводе — и вдруг снег на голову — Векшин с полным поражением: проект гусеничной машины не принят. Что ж, говорю, делать, Илья Матвеевич, видно, смириться надо. Он говорит, дайте мне, добру молодцу, ночь на раздумье. Уходил я этой ночью с завода часа в три — два окна в корпусе горели: сторожа и векшинского КБ. К утру заговор был готов — Векшин просил меня поддержать его затею: одновременно готовить к выпуску две танковые модели—старую, опробованную, и новую, забракованную. «Я,— говорит,— беру все на себя». «Ты-то,— говорю,— берешь, а отвечать я буду?» «Вместе будем отвечать». Попросил я день на раздумье, но днем не до дум мне было, а вечером зашел ко мне Векшин и с порога: «Я рад, что вы согласны, Игорь Юрьевич, передовой директор иначе не мог бы!» А у меня в кабинете народу полно́ — совещание только что кончилось. Никто не знает, о чем речь, но все улыбаются, приятно слышать, видите ли, что я передовой директор, от самого Векшина, которому вчера сам Ворошилов звонил по телефону, утешал по случаю провала с машиной. «Ах,— думаю,— бандит ты эдакий!» Отступать некуда. И не хочется, честно говоря, отступать: в нашем директорском деле тоже свои азарты есть, еще какие!

Потом через год Векшин снова повез машину в Москву. Сам поехал. Перед отъездом зашел ко мне. Мы посидели, пораскинули мозгами. Он был уверен в успехе. «А куда они денутся,— сказал он о приемной комиссии,— на сегодня лучшей машины по показателям во всем мире нет. Война на носу. Куда денутся?» «Откуда же вы знаете, что лучшей в мире нет? Откуда информация?» «У меня Коля Кочерно чужие чертежи, как музыкант ноты, читает. Он все технические журналы перерыл: и немецкие, и английские, и американские». Я спросил у Векшина, кого он берет с собой в Москву. «Никого,— говорит,— сам поеду. Сам за все и ответ нести буду, если придется головой отвечать». Я говорю: «Меня не забудьте, мою голову прихватите». «О себе не беспокойтесь, вас я тоже выгорожу».

Вернулся он победителем. Зашел ко мне и говорит: «Хочешь быть хорошим, а подлецом оказываешься. Не взял я Андрея и Николая с собой, зря. Все лавры мне одному достались. Сколько я там их фамилии ни произносил к случаю и не к случаю, а все же... Эх, обездолил я ребят!»

Пришлось мне за него расплачиваться — премии Холодову и Кочерно в приказе, награждения памятными подарками и прочее, прочее. Вскоре хоронили мы Векшина. Холодов стал главным конструктором, Кочерно — начальником КБ. Векшин позвал меня перед смертью и сказал, что они сами втроем все поделили, порешили и просят меня только выполнить их просьбу. Я не противился. Но, если по совести, с уходом Векшина от меня словно что-то важное оторвали, опоры не стало. Холодова я не любил. Был он сухарь из сухарей, лицо унылое, голова всегда опущена, лишнего слова не скажет. На совещаниях молчит, как в рот воды набрал, словно его дела завода, кроме собственных, танковых, совсем не касаются. Специалист, конечно, отменный, что говорить, я ему цену знал, но любить — это, как говорится, сердцу не прикажешь. Кочерно — человек контактный, по-своему обаятельный, но для меня он был слишком шумным, утомительным, юмор его меня раздражал — серьезное дело решается, можно сказать, вопрос жизни и смерти, а он все шутками-прибаутками. Не всегда к месту. И юмор его не все понимали. Этот в отличие от Холодова всюду свой нос совал, все ему знать надо было. Конечно, человек тоже по-своему замечательный, как и Холодов, но я как Векшину тогда по молодости сердце отдал, так никто его мне и не заменил. Вот ведь и умом понимаю, что «ребята», как Векшин их называл, может быть, всю жизнь свою в этот знаменитый танк вложили, а что бы они были без Векшина, без его умения ладить с миром, без его связей? Ускорение-то он им дал, руки-то он им развязал. Разве я, директор, позволил бы Холодову и Кочерно на свой страх и риск одновременно две модели делать? Не позволил. А Векшин сам мне от моего имени разрешение дал.

Это все до войны было. А потом эвакуация, Урал, выпуск танков на вагонном заводе. У Кочерно, вспомнил, одна история была трогательная с детским домом. Он шефство над ним взял и так шефством увлекся, что мне порой казалось — завод наш не на фронт, а на детский дом работает. Премию они с Холодовым первую свою да и вторую, кажется, на детский дом ухнули. Они ведь с детства дружки. Кочерно мне рассказывал, как они в бочке из-под квашеной капусты с горы катались. Говорил, что танковое дело у них с бочки началось. Вообще более разных людей, чем Кочерно и Холодов, я в жизни своей не видел и не увижу больше. И знаете, какая черта в них была победительная? Отсутствие тщеславия. Помню, решался вопрос, кому в Москву ехать — просили меня в министерстве человека выделить знающего, инициативного, волевого, в главк на руководящую должность; я, конечно, о Кочерно подумал. Вызвал Холодова, стал с ним советоваться, а он говорит: «Ни мне, ни Кочерно нечего делать в Москве». Долго бился я с ним, он вдруг говорит: «Впрочем, я, возможно, ошибаюсь. Поговорю с Николаем Сергеевичем — что он скажет». Через два дня приходит. «Непременно,— говорит,— обязательно нужно отправить в Москву Кочерно, лучшей кандидатуры не найти». Это они уже между собой все обсудили, и тот, второй — хитрец, каких мало,— все смекнул. Потом-то я понял их маневр, точность расчета и поразился, какие же они все-таки молодцы. Нет, не буду я рассказывать вам последнюю их историю, она еще не кончилась, хотя уже ни Кочерно, ни Холодова на свете нет, но дело их живет и теперь само за себя борется. Жалко, что на смену им не пришли такие же люди, как они. Впрочем, я, возможно, ошибаюсь, наверно, пришли — я ведь теперь старик, от жизни отстал. И еще замечу, есть в человеке одна черта — любит он в старости на молодежь поворчать, все ему кажется, что в его время и деревья лучше росли и солнце ярче светило. Это уж, видно, такова человеческая при-

рода. Посмотрите — я Векшина как первую любовь любил, а те двое мне уже так себе казались. Они должны были жизнь прожить, чудес натворить, чтобы я теперь не о Векшине уже, а о них говорил с сожалением и ворчал на тех, кто пришел на смену. Может, в смене там такие орлы есть, что Холодову и Кочерно не снилось. Скорей всего так...

Рассказ Ивана Брыкина, сборщика

Что говорить, когда вы на конвейере не стояли, да если бы стояли, что говорить, ничего особенного в конвейере нет. Тоска одна. Правда, в войну не до тоски было — как пройдешь мимо репродуктора, услышишь: «Наши войска сдали город Харьков»,— душа переворачивается. И такое чувство — умереть, а выдюжить. Люди как один были. Я всю войну рядом с мужиком на сборке стоял — душа в душу жили, пока плохо было на фронтах, а стали мы город за городом назад отбирать, победа приблизилась, я его поближе рассмотрел — сволочь сволочью. Жлоб. И он меня тут как будто первый раз увидел. Завраждовали. Так до сих пор — вон его окно светится — ненавижу. О чем бишь я? Танки, говорите. Они привезли сюда на Урал все, чтобы танк пошел. Он ведь был принят до войны, на доделки средств не давали. Так бы, может, и не дали — все в нашей жизни бывает. А тут Гитлер, мать его в душу, помог танку. Все сразу нашлось: и средства и возможности. На меня этот танк как снег на голову свалился. Жили мы тут в поселке, чуяли — до нас немец через Уральский хребет не дотянется. А тут слух: танковый завод к нам жить едет. Я из-за природной хромоты от фронтов свободен был. Так на конвейере и простоял. Два ордена имею — Трудовой и Красную Звезду. Медалей горстку. Ничего, не хуже других. Жалко, что не войны инвалид. Хотя мне моя хромота, бывает, хорошую погоду делает: сплошь за фронтовика принимают — почет и уважение.

Сам я встречать эвакуированные эшелоны не ходил — их приход на мою смену попадал, а жена как же, пошла. На квартиру двух девушек взяла — выбрала покрасивее. И правда, такие красавицы были — любо-дорого. Я жене говорю: «Что ж ты, дура, таких красивых взяла, меня завлекут». А она: «Нужен ты кому, кроме меня, злодей, как же». Одна знаменитая своей красотой на весь завод была, Ниной звали. Она, между прочим, портрет Кочерно на стенке над кроватью держала. Так вот, сборка, понимаете, важное дело, когда из отдельных частей вся машина собирается; тут гляди да гляди, весь брак, что прошел в других цехах, на сборке боком выходит. А результат каков — на конце конвейера стоит он, голубчик, на своих гусеницах: броня крепка и танки наши быстры. Один день могу вам вспомнить. Выделили меня от сборочного цеха в группу по сдаче танковой дивизии наших машин. Вечером было дело. Зимой. На первом году войны. Сошлись мы — конструктора, рабочие, испытатели. Ждем танкистов. Недолго ждали — приехали они. Молодые такие, бравые, веселые. «Давайте,— говорят,— ваши автобусы — мы на них в Берлин въедем». Тогда до Берлина далеко было. Танки стоят один к одному. Все наши бессонные ночи, все переработки в них. Зеленоватые. Форму я их уж очень люблю. Все в этой форме к месту, к делу — и пушка не меньше, не больше, чем надо, точной длины — смотрится. Один испытатель с длинным таким лицом, быстрый, как кошка, забрался в люк — выглядывает оттуда, ждет команды. И все на Маринина, на директора, глядят: он командовать должен. Танк зашумел и двинулся. За ним другие по двору. Проехались разок. Наутро сами танкисты должны были вывести к платформам. Всю ночь мы с бригадой возились — доводили машины, последние штрихи в прическе делали. Холодов, Кочерно с нами, а как же.

Утром вышел я из ворот, чтобы дома отоспаться,— ахнул. От самых дверей заводских шпалерами стоят люди. Зима злая. Рассвет зимой поздний. Еще только светает, а они уже стоят. Стоят и молчат. Даже страшно, какая тишина, будто не люди, неживые фигуры. Бабы в ватниках, в платках. Многие с детьми. Кто на руках держит, кто так у ног придерживает, чтоб не затерли. Я вышел из ворот, увидели меня — шумок прошел. Бабенка из рядов кричит: «Скоро ли танки выйдут, мы тут окоченели!» Да кто ж тебя, думаю, ждать заставляет? Ждать-то ее заставляла тревога-матушка, она с нею и на смену шла и в кровать ложилась. Иду я, хромаю по этому коридору людскому, и, верите, от баб голодных такая сила исходит, что мне аж жарко. Так вот, хромаю я по коридору людскому, слышу — зарокотало за спиной. Обернулся, в ряд встал. Медленно так раскрывались заводские ворота, первый танк пошел. Там в цеху я привык к нему и размеры виделись как-то по-другому, а тут, на снегу, он выглядел — любо-дорого посмотреть, как глыба, наплывал и гудел мощный мотор — земля дрожала. И тут, как только первый танк вышел, весь этот народ стал криком кричать. Чего кричали, чего только не кричали, и «ура» тут было, и всякое слово, то ли «победа», то ли «да здравствует», то ли просто гудели голоса, плачи женские, крики. Вот он прогудел мимо меня. Второй в воротах показался, я смотрел вслед первому — он уходил на фронт. Над люком второго танка помню Кочерно. Этот тут как тут. Не мог сам не проверить машину, как пойдет она. Дай ему волю, он на фронт в танке въедет, чтобы своими глазами все недостатки своей работы увидеть. Я этого Кочерно сколько жить буду, не забуду — до чего же мужик семижильный. Не спать мог месяцами, ни одна деталь без его внимания не останется. Он и в чертежах копается, форму выводит, он и в мелкое литье прибежит, пробу проверит и большое литье не упустит, а уж на сборке без него как без воздуха, и тут же, представьте, народ к нему лезет со всем, что только у него есть: кому ребенка надо сдать в ясли — не берут, помоги, Кочерно, устроить, кто карточки продуктовые потерял, так опять Кочерно, хоть свои отдай.

Первый год он в заводе и жил, вместе с другом своим, Холодовым, тот тоже мужик-кремень был. А детский дом! Как его у нас на Пихтовой горе открыли, так Кочерно все туда да туда. У нас бабы говаривали, что кочерниной бабе надо бы каждый год рожать, чтобы на дому для Николая детский дом устроить. Да она, видать, слишком нежная была, одну девочку растили, видел я ее, ах, да я вам говорю, а вы-то передо мною сама дочка и сидите. Заговорился. Он в тот детский дом тащил что мог: то прикажет из отходов стружки елочных игрушек наделать, то еще что выдумает. Нет, мужик что надо. У меня с ним никаких личных встреч не было, и знакомыми мы не бывали, в дом к нему не ходил, да и он ко мне не захаживал — разные круги, как говорится, я сам никогда ни к кому не набивался, что уж говорить, много ли общего у высокого начальника с простым рабочим, какая она ни есть диктатура пролетариата, а разве что «здравствуй» при встрече сказать не забудет — и на том спасибо. Так вот, что я еще про него помню. Как в Москву его на должность провожали всем заводом и как бабы в голос ревели. В клубе это было, знаете клуб наш старый, по уши в землювросший. Так вот, я пришел, в задних рядах сидел, а он на сцене за столом, руки на зеленое сукно выложил. И директор тут, и Холодов, и сотрудники. Стали люди на трибуну выходить, слова пошли, да все так складно, за душу берет, меня в одном месте слезой прошибло, одна из профкома сказала: «Он нам всем был отец родной!» И как заревет весь зал бабьим ревом. Кочерно вскочил: прекратите, говорит, глупости, уйду, вечер закрою, вы меня не в могилу провожаете. Он заговорил, зал еще пуще в рев. Махнул рукой, вызвал на сцену балалаечника — тот был у нас мастер балалайку вокруг себя во время игры по три раза обкруживать. Загляделись бабы, заслушались, успокоились. Потом концерт был, и все вроде бы поутихли. Да, таких людей теперь не делают, измельчал народ, про таких людей книги писать надо, песни народные сочинять, чтобы память о них в веках оставалась. И не потому только, что, знаете, он соавтором танка был, вон сколько их, изобретателей, у нас: кто танки, кто самолеты, кто «катюшу», кто что изобретал. Время такое — природа что-то уж больно расщедрилась, сколько тайн пораскрыла людям. Старухи говорят, что это не к добру, а похоже, что к концу света, так ведь старухи всегда конец света предсказывают.

Так вот, я Кочерно в последний раз видел давно, а и не так давно. Он к нам часто наезжал: мы под его началом в министерстве находились. У нас вроде новое заводское руководство в последние годы на него косо глядело — это из-за того, что он холодовское изобретение выше нашего ставил. Холодов-то уехал от нас, как война кончилась, глядишь, через год после Кочерно, в сорок восьмом, в свой родной город вернулся, утянул за собой лучшие кадры, а если по справедливости, то как же иначе — они все на родину потянулись, кому же охота без особой нужды домой не вернуться. Ну, ничего, пополнилось наше КБ новыми людьми, худо ли, бедно, а свои кадры выковались. У Холодова там свое дело пошло. Головастый мужик — Холодов, с фантазией, ну и развернулся под крылышком Кочерно. Так вот, приехал к нам Кочерно — я уже на пенсии был, шел вечером из клуба — хожу в шашки играть, половина моя злится, а я ни в какую — пристрастился. И чего злится — не понимаю, добро бы я пил или в карты проигрывал, а то шашки, безобидное дело. Так нет, говорит, пустая трата времени. Я свое пенсионное время имею право потратить как хочу. Так вот, иду из клуба часов в одиннадцать вечера. Один вышел. Проиграл, и зло было на противника, не стал его ждать. Иду, слышу: «Брыкин!» Гляжу — Кочерно. В шапке такой пыжиковой, в пальто ратиновом, красивый, я перед ним блоха блохой со своей хромой ножонкой. Пошли мы вместе, а мне душу гордость распирает и слезы в горле стоят, подумать, жизнь прожил и не знал, что меня начальник мой по имени помнит после стольких лет. Откуда бы ему помнить, ведь я ничем не выделился за всю жизнь, ни о чем его не попросил — так уж вышло, у меня лично к нему нужды никакой не было. Идем мы, военное время вспоминаем, мусолим, как первые танки пошли, как не спали, как башню к корпусу прилаживали. Сначала я его до гостиницы проводил, потом он меня до дому. Утром я встал пораньше. С позавчера знал, что сегодня вроде бы наш танк-памятник на новое место переставлять будут. Я помню еще, как мы его на постамент водружали. Постамент невысокий — какой был. Это в тот же год, как на победу солнце повернуло, мы смогли себе позволить один танк заводу заначить. Двадцать пять лет с тех пор стоял он перед заводскими воротами, сначала никому не мешал, а потом завод стал расстраиваться и поселок разросся — завод в одну, поселок в другую сторону, и получилось, что танк стоит между зданиями и зажат так, что смотреть больно. Решили наши заводские власти его подальше в поселок выдвинуть. В сквере неподалеку от завода постамент установили. Утром должны были переносить. Пришел я к месту действия — народ толпится. Начальство явилось. Среди них вижу Кочерно. Шапка на нем уж больно хороша. Краны подошли, зацепили танк, и тут по сказке получилось: тянут-потянут, а вытянуть не могут. Ни один кран танка взять не смог. Стоят, думают. Гляжу, Кочерно скидывает свою шапку и пальто на руки кому-то, и слышу: «Да что вы, братцы, ведь он живой!» И с этими словами на корпус танка вскарабкался. Правда, толстоват стал, нелегко ему было, а виду не подал, красный весь, я испугался, какой красный. Начал люк открывать, тут к нему ребята помоложе подскочили с ломами. Вскрыли люк, он в него давай протискиваться, еле влез, а влез. Потом высунулся, крикнул: «Горючее давай!» Притащили ему что надо. Все замерло. Вдруг слышим мы, заскрежетало, забурлило в брюхе у танка, медленно двинулся он задним ходом с постамента. Ему под гусеницы сзади рабочие лаг понаставили, чтоб не грохнулся. Сошел и как тогда по снегу, по людскому коридору — на новый постамент. Медленно так въехал, осторожно. Затих. Вылез Кочерно, тут его подхватили — и качать. Вижу я — плачет он. Эх, думаю, стар ты стал, слезой прошибает. Тут он меня увидел, подошел. Обнялись мы при всем честном народе. Лучший, говорит, сборщик был. Это про меня-то. А я и не знал, что лучший, хотя с досок почета не слезал. Знал, хороший, а что лучший, не знал. Может, он так, чтобы мне приятно было, но при всех ведь, при всех...

Продолжение следует.

УЧА ДЖАПАРИДЗЕ

А. ЛЕБЕДЕВ,
действительный член Академии художеств СССР

Каждая социалистическая республика вносит в общую сокровищницу искусства нашей страны неповторимый, драгоценный вклад — результат органической связи ее художников с процессами социалистического строительства, развития национальных традиций и постоянного, взаимно обогащающего общения с деятелями культуры братских народов.

Велики успехи изобразительного искусства Советской Грузии.

Одним из выдающихся живописцев республики является народный художник СССР, действительный член Академии художеств, лауреат Государственной премии СССР Уча Малакиевич Джапаридзе.

Художник, педагог и общественный деятель, он теснейшими узами связан с родным народом. Сын учителя из Западной Грузии, Уча Малакиевич рос и воспитывался среди крестьянских детей, не понаслышке, а на деле знает тяжелый крестьянский труд. Став художником, он постоянно общается с земляками, среди которых ныне уже не только земледельцы, но и рабочие, инженеры, врачи, ученые. Как депутат Верховного Совета Грузии, как испытанный друг, он вникает в их нужды и заботы; как художник, он отдает на их суд свое творчество. Земляки ревностно следят за его успехами, не пропуская ни одной выставки. «Огонек» как-то уже отмечал, что открытие одной из экспозиций его произведений в Западной Грузии превратилось в подлинно народный праздник. Дом культуры, где она размещалась, был переполнен. Жители горных селений показывали живые картины, воспроизводящие сюжеты его полотен. Все это было выражением любви и внимания к искусству живописца.

Художник ярко и правдиво рассказывает нам о тружениках Советской Грузии. «Мне ли, взрослевшему вместе с родной республикой,— говорит мастер,— не знать, не помнить, как постепенно срастался особый замкнутый быт горной деревни с общим стремительным и великим бытием страны!»

У. М. Джапаридзе разносторонен и многогранен в своем искусстве: он творит в области монументальной и станковой живописи, графики, в жанрах бытовой и исторической картины, портрета, пейзажа, натюрморта, анималистики и иллюстрации. Ему в равной степени подвластна техника масляной живописи и акварели, гуаши и темперы, пастели, угля, мела и карандаша.

Он автор огромных парных фресок, написанных темперой, которые находятся в Тбилиси, в конференц-зале Института марксизма-ленинизма. Это сложные, выразительные, многофигурные композиции. Одна из них, «Первомайская демонстрация в Тифлисе в 1901 году», создавалась накануне войны, с 1938 по 1941 год. Полное динамики и драматических ситуаций произведение изображает важный исторический эпизод выступления трудящихся Грузии под руководством партии за свои права, их острую схватку с царскими властями. Насыщенная светом, написанная сочными красками, глубоко правдивая картина со множеством ярких национальных типов и человеческих характеров раскрывает героику революционной борьбы за установление подлинно народной власти.

Над второй фреской, «Праздник труда», художник работал с 1970 по 1975 год. Она являет уже апофеоз советской демократии, триумф социалистических завоеваний. На фоне безбрежных плодоносных солнечных долин, современных предприятий и красивых селений, на невысоком холме, возле памятника великому Ленину собрались представители всех районов Грузинской республики. Они встретились, чтобы рассказать друг другу о новой жизни, продемонстрировать весомые плоды своего созидательного труда. Художник явно любуется каждым своим героем, раскрывая красоту духовного и нравственного облика советского человека, гордится величием преображенного родного края. Яркие краски костюмов и щедрых плодов земли напоминают великолепный цветной витраж и своим гармоническим эффектом придают картине торжественное, мажорное звучание. Значительность содержания сочетается здесь с высокими декоративными достоинствами.

Аллегория, представленная в работе как реальная бытовая сцена, является глубоким художественным обобщением жизни страны. Именно благодаря такой типизации действительности некоторые из картин Джапаридзе воспроизведены не только в репродукциях, открытках, но также и на почтовых марках.

Художник создал множество портретов — «исторических» и своих современников. Портрет, например, Шота Руставели, относящийся к 1937 году, едва ли не лучший среди изображений великого грузинского поэта в нашем искусстве. Проникновенны образы И. Чавчавадзе и З. Палиашвили, Леси Украинки.

Уча Джапаридзе — автор целой галереи портретов писателей, ученых, артистов, художников, рабочих, крестьян советской эпохи. Они отличаются яркой выразительностью, артистизмом и законченностью исполнения, тонкостью сходства, психологизмом, поразительным умением автора увидеть и передать вдохновенность героя, высокий строй душевных устремлений.

Одна из значительных творческих удач живописца — серия бытовых картин о грузинских крестьянах. Сюжеты он черпает непосредственно из повседневной, будничной жизни, наблюдая своих современников то на работе, то в минуту отдыха или в пути, во время встреч в поле, на дороге, дома. Люди показаны в момент глубокого раздумья, воспоминаний или теплой, задушевной беседы. В сюжетах нет ничего «развлекательного», прост и строг костюм персонажей, сдержанны их движения. И тем не менее это замечательные картины, среди них «Думы матери», «Упрек», «Колхозница из Гари», «Женщина с кувшином», «Напутствие», «Родные места. Мать».

Эти произведения отмечены глубокой человечностью, правдивым, любовным изображением народных, национальных типов, проникновением в их характеры и помыслы. Художник рисует людей, полных впечатляющего достоинства, кристальной нравственной чистоты и доброжелательности. Их облик обаятелен, возвышен, жесты неторопливые, мягкие; они полны взаимного уважения и дружеского участия, благородны, внутренне сосредоточенны, чужды суетливости, мелочности, индивидуализма.

Монументальное звучание образов, полных романтики, достигается благодаря особым композиционным и колористическим приемам. Человеческие фигуры мастер обычно изображает крупным планом, они возвышаются над линией горизонта и выделяются на светлом пейзажном фоне.

Картина «Думы матери» написана в годы Великой Отечественной войны. Она отражает настроения миллионов советских женщин, которые в те годы своими помыслами были постоянно устремлены к полям брани, к судьбам близких, сражающихся за свободу Родины. На фоне весеннего сельского ландшафта, на холме возле горного родника стоит пожилая грузинка, подставив под хрустально чистую струю воды свой большой глиняный кувшин. Стройная, прямая фигура как бы застыла в ожидании. Глаза женщины смотрят на сосуд, но, кажется, не видят его. Ее сердце ущемлено тревогой. Сосредоточенно-печальный вид горянки, ее строгий костюм глубоких теплых тонов представляют разительный контраст со светлым, ликующим пейзажем, что еще более оттеняет глубину и силу ее чувств. Величав и значителен образ труженицы-матери. Так бытовая картина, лишенная прозаизма, приобрела былинное, эпическое звучание.

Джапаридзе — талантливый иллюстратор классических произведений грузинской литературы. Особенно выразительны его полные экспрессии рисунки к поэме Ильи Чавчавадзе «Несколько картин, или случай из жизни разбойника» и к «Витязю в тигровой шкуре» Шота Руставели. Они обращают на себя внимание не занимательностью воссозданных эпизодов, не скрупулезной точностью воспроизведения быта и костюмов эпохи, а поэтичностью, поистине удивительным умением мастера проникновенно раскрыть душевное состояние героев, исполненных свободолюбия и справедливости.

В пейзажах же — восхищение гигантскими масштабами, поразительным богатством родной природы. Любит он изображать и городской пейзаж, а также памятники древней архитектуры, выявляя их конструктивную логичность, строгость пропорций, сложную светоцветовую взаимосвязь с природным окружением, как, например, в полотне «Эртацминда».

Хочется отметить большие, плодотворные результаты педагогической деятельности Учи Малакиевича. Более сорока лет он возглавляет кафедру живописи тбилисской Академии художеств. Его ученики — это несколько поколений талантливых живописцев не только Грузии, но также Армении и Азербайджана.

Он приверженец лучших традиций национальной грузинской художественной культуры и вместе с тем жадно впитывает передовой опыт русского искусства, искусства других братских народов.

«Время, в которое мы живем,— говорит У. Джапаридзе,— время героических характеров и свершений. Увидеть и передать, раскрыть красоту и героику жизни — вот наша главная и основная задача. Высокие требования ставит перед нами эпоха, и мы должны их выполнять».

У. Джапаридзе. Род. 1906. ДУМЫ МАТЕРИ. 1945.

У. Джапаридзе. ЭРТАЦМИНДА. 1961.

КОЛХОЗНЫЙ БАЗАР. 1961.

Фарисеи

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

МРАЧНЫЙ ДОМ НА ИОАХИМСТАЛЕРШТРАССЕ

Когда знакомишься с тем, как западноберлинские сионисты не только амнистировали большую группу «антипатриотов», но даже старательно помогли им осесть вдалеке от «родины отцов», одно обстоятельство представляется, прямо говоря, исключительно маловероятным.

Просто неимоверно: осесть в Западном Берлине фальшакам всячески помогал даже местный филиал Сохнута. Да, да, того самого Сохнута (еврейского агентства для Израиля), чьи эмиссары во всех странах Западной Европы особенно злобно преследуют каждого йордим и каждого йошрим. Ведь основное назначение сохнутовцев — не стесняясь в выборе средств, добиваться притока еврейского населения из всех стран в Израиль. А в Западном Берлине на сей раз сохнутовские эмиссары действовали совсем в противоположном направлении: изобретательно содействовали отрекшимся от подведомственного сионизму «рая» евреям скрыть их пребывание в Израиле, дабы изобразить несостоявшихся израильтян политическими изгнанниками, якобы попавшими в Западный Берлин прямо из... Советского Союза. С этой целью они «улучшали» фальшивки, сработанные уж чересчур топорно в Вене или Риме, делали в них подчистки, дописки, оговорки.

Поистине странный для сохнутовцев кульбит!

Мне, предвижу, могут возразить: позвольте, ведь Сохнутом в Западном Берлине и не пахнет.

Попробуйте спросить о филиале Сохнута дежурного в вестибюле правления еврейской общины на Фазанерштрассе. Он вскинет на вас удивленные глаза и темпераментно разведет руками: ни о каком Сохнуте ведать не ведаю! Попробуйте, полистайте восьмистраничный перечень местных еврейских организаций, который вам любезно предложат в безукоризненно работающем городском информационном центре. В этом перечне вы найдете адреса и телефоны общежитий еврейской общины, курсов по изучению иврита, синагог, кладбища, страхового бюро, ресторанов, изготовляющих пищу по ритуальным канонам. И ни малейшего упоминания о филиале Сохнута.

Но есть он в Западном Берлине, есть. Как имеются и не упоминаемые в перечне информационного центра филиалы таких сионистских служб: объединенной израильской акции «Керен Гаемсод» (она еще во времена гитлеровского рейха под вывеской треста «катализировала» выезд немецких евреев для колонизации Палестины), еврейского национального фонда «ККЛ» (одного из ответвлений всесильного в сионистских сферах объединенного еврейского фонда США «Магбит»), «Алии для детей и молодежи» (лишнее доказательство того, что сионистов в первую голову интересует вывоз в Израиль молодого поколения), «Комитета сионистского свободного объединения ВИЗО» (единственный случай, когда термин «сионистский» не заменен нейтральным псевдонимом).

Местом своего пребывания в Западном Берлине филиалы этих служб вместе с Сохнутом избрали последний этаж зажатого магазинами и ресторанами неприметного дома № 13 на Иоахимсталерштрассе. На скромной вывеске указано, что в этом доме размещается главное управление (хауптфервальтунг) еврейской общины.

Об этом управлении не любят особенно распространяться те, кого можно встретить в комфортабельных комнатах пышного особняка на Фазанерштрассе. Там, в изысканной резиденции общины, проводятся парадные приемы, там читают лекции и рефераты тельавивские пропагандисты. Там хранится огромная библиотека, среди книг и периодических изданий которой вы не найдете ни одного издания неосионистского направления. Там проводит пресс-конференции Галински. Там снуют улыбающиеся посетителям люди из аппарата правления, за которыми недреманным оком наблюдает престарелая фрау Фукс, одна из первых сумевшая в свое время доказать свое право именоваться «фольксдойче». Там, наконец, находится и самый изысканный из всех кошерных ресторанов.

Правда, в особняке на Фазанерштрассе один раз в неделю принимает посетителей и представитель «Бнай-Брит». Почему же вдруг в резиденции общины, организации официально внепартийной, решились открыто приютить представителя одной из самых реакционных и влиятельных служб сионизма? Объяснение простое: «Бнай-Брит» неизменно скрывает свою причастность к сионизму за вывеской масонской ложи.

Я предпринял несколько попыток попасть в мрачный дом на Иоахимсталерштрассе.

В первый раз пришел в пятницу с намерением навестить отделение редакции «Альгемайне юдише вохенцайтунг».

Суровое сердце подозрительного чиновника, дежурившего в вестибюле, смягчило мое обращение к нему на идиш. Выходец из Польши, он совершенно не знает иврита и далеко не блестяще владеет немецким. Он мне сказал, что госпожа, олицетворяющая собой отделение редакции, принимает только по понедельникам. Тогда я назвал дежурному другие учреждения, которые хочу навестить. Он вновь посуровел. Сначала сказал, что все сотрудники на всех этажах закончили работу. Это показалось мне странным: только что кончился традиционный час обеденного перерыва, по лестнице вверх и вниз сновали люди. Среди них, кстати, я приметил моего «гида» из общины. Без шляпы и внушительного зонтика, с бумагами в руках, он показался мне не посетителем, а работающим здесь сотрудником главного управления. Тем временем дежурный посоветовал мне заблаговременно согласовать по телефону свое посещение нужной мне организации.

По всей вероятности, он принял меня за запоздалого фальшака, намеревающегося искать заступничества перед местными властями. А когда я произнес несколько слов по-польски, он расчувствовался и на прощание угостил меня такими полезными наставлениями:

«Приходите завтра в синагогу. Там вы встретите всех, кто может вам пригодиться,— запомните, в синагогу по субботам приходят даже такие, кто не умеет прочитать в молитвеннике хоть бы единое слово. Вам скажут, на что вы можете надеяться. Райских кущей не ждите. Заранее скажите себе: ничего особенно хорошего не будет! Когда скитаешься из страны в страну, надо ждать плохого. Самое хорошее здесь — это миновать лагерь, где приходится несколько месяцев проходить проверку. Но если у вас найдутся, дай вам бог, поручители, вы не попадете в лагерь. Только боже вас упаси просить поручительство у кого-нибудь, кто прислан на работу в наше управление из Израиля! Наживете себе врага! Правда, и при хороших поручителях проверять вас все равно будут. Но ой, ой и еще раз ой! Проверяют не так, как нужно. И отсеивают не тех, кого нужно. Если бы проверял я, то выгнал бы на другой же день многих молодых. Босячня! Жулики! Хулиганы! Ни бога, ни черта для них не существует. Они потеряли и ум и совесть. Продажные женщины, героин, хорошая выпивка — вот что их интересует. Этого здесь хватает. А местным жителям молодые попадаются на глаза чаще, чем мы с вами. И по ним судят о нас... Но,— хитро прищурившись, заключил дежурный,— если при вас имеется внук с красными щеками или внучка, хорошо стреляющая глазками, вам легче будет состряпать свои дела. Но внучат от себя не отпускайте ни на шаг! Прибьются к плохой компании — вы и оглянуться не успеете...»

Выражая дежурному благодарность за добрые советы, я, видимо, не сумел до конца скрыть иронию. Он мгновенно насупился и с оттенком угрозы бросил мне вслед: «Я вам ничего не говорил, вы ничего не слышали!»

СО СКРЕЖЕТОМ ЗУБОВНЫМ

Придя сюда в понедельник, я сразу же понял: дежурный резко изменил ко мне отношение. Выразительно взглянув на находившихся с ним в застекленной кабине двух полицейских, он холодно ответил на мое приветствие и нарочито громко сказал:

— Вы хотели видеть представителя редакции «Альгемайне юдише вохенцайтунг», я помню. Фрау принимает на втором этаже, дверь как раз напротив лестницы.

Анжела Ксиньска встретила корреспондента «Огонька», надо признать, вежливо, даже улыбчиво. Но на все вопросы ответ следовал такой:

— Обратитесь к господину Рольфу Швейгеру на Фазанерштрассе. Он представитель председателя нашей общины по связям с прессой.

Точно так же мне ответила фрау Ксиньска даже на такой вопрос:

— Почему ваша газета обходит молчанием намеченное на территории ФРГ размещение нового американского ядерного оружия? Разве еврейское население ФРГ это не волнует? Разве руководимые сионистами еврейские общины не выступают за мир, против войны?

Ответ на эти вопросы я получил значительно позже — в номерах «Альгемайне юдише вохенцайтунг» за июль — август 1982 года. Как и сионистская пресса всех стран, газета разжигала среди своих читателей злобный шовинистический угар, внушая им «великую историческую справедливость» кровавой бойни в Ливане, и, конечно, елейно воспевала верность рейгановской администрации Израилю. Зато любой еврей, выступавший против фашистской агрессии израильского сионизма, именовался изменником и антисемитом.

Кстати, упомянутый мной парижский врач Минковский, еще недавно «всемирно известный друг Израиля», был назван — не более не менее — врагом своего народа и приспешником «величайшего предателя» Гольдмана.

Какого Гольдмана? Неужели Наума? Представьте, того самого Наума Гольдмана, которого еще несколько лет тому назад в Израиле называли личным другом и соратником Бен-Гуриона и Голды Меир, по праву возглавлявшего сначала всемирную сионистскую организацию, а впоследствии всемирный же еврейский конгресс. И вот матерый сионист Гольдман назвал Бегина опасным террористом, признал неизбежной исторической необходимостью создание палестинского государства и в знак протеста против милитаристской политики бегиновской клики не приехал в Иерусалим на очередной конгресс ВСО. Тут уж пошла писать сионистская губерния! «Выживший из ума маразматик», «продажная личность», «подкуплен-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40,41.

ный антисемитами предатель» — это далеко не самые бранные эпитеты сионистской прессы по адресу Гольдмана...

Имя Гольдмана в весьма нелестном обрамлении фигурировало, между прочим, и в свежем номере информационного бюллетеня центрального совета евреев ФРГ «Еврейская пресс-служба», который мне на прощание любезно презентовала фрау Ксиньска. Как и газета, бюллетень тоже издается в Дюссельдорфе. Проникнутый духом сионистского шовинизма и махрового антиарабизма, бюллетень заполнен материалами, предназначенными для перепечатки сионистскими изданиями других стран.

Выйдя из комнаты отделения газеты «Альгемайне юдише вохенцайтунг», я решил подняться не лифтом, а прямо по лестнице — на последний этаж, где находятся западноберлинские филиалы сионистских организаций во главе с Сохнутом. Однако ни на одной двери я не заметил табличек «Сохнут», «ККЛ», «Алия для детей и молодежи», «Комитет сионистского свободного объединения ВИЗО». Таблички были совершенно иные: «Раввинат», «Правовые вопросы», «Страхование», «Контакты с лагерем Мариенфельд». Кстати, под какой-то невинной вывеской разместился здесь и сионистский комитет вспомоществования. Хотел было постучать в первую попавшуюся дверь. Но передо мной как из-под земли вырос полицейский и с вежливой улыбкой заявил: «Работа здесь уже закончилась».

Другой полицейский, оказывается, успел тем временем записать номер машины, на которой я подъехал к полному зловещей таинственности дому № 13 на Иоахимсталерштрассе.

Зловещая таинственность — совсем, поверьте, не преувеличение. Западноберлинские сионисты из кожи вон лезут, только бы не привлекать внимание к местопребыванию и засекреченной деятельности Сохнута да и таких отделов главного управления общины, как, например, юридический или управление кадров.

Итак, сионистские организации вкупе с еврейской общиной Западного Берлина содержат два огромных дома. По самым приблизительным подсчетам, в них работает более ста сотрудников. А если приплюсовать к ним многочисленных служащих двух общежитий на Базенранерштрассе, богадельню на Дернбургштрассе для престарелых (они приходят на выручку, когда сионистам необходимо собрать подавляющее большинство!), культовых учреждений и других «точек», цифра будет более значительной.

Откуда же берутся средства на содержание нескольких домов и немалого штата? Неужели из напоминающих детские копилки денежных кружек, установленных сионизмом почти во всех комнатах тех домов? Неужели регулярные и нерегулярные взносы шекеледателей приносят столь большие доходы? Неужели выручает щедрость нескольких десятков весьма состоятельных западноберлинцев еврейского происхождения?

Нет, нет и нет. Решающую роль играет финансовая поддержка крупнейших международных сионистских служб, в чьи кассы текут американские доллары, английские фунты, французские франки, западногерманские марки, итальянские лиры, голландские гульдены, австрийские шиллинги и прочая валюта.

— У Ротшильдов в Париже, у Фишеров в Лондоне, у Лазаров в Нью-Йорке лежит в банке на пару монеток больше, чем у меня вместе с вами в сберегательной кассе,— сказал мне западноберлинский шекелеплательщик из не шибко состоятельных.— Хороший вид имела бы наша община, если бы надеялась на тощих коров вроде меня. Но за океаном хватает тучных коров среди еврейских богачей.

Не только еврейских, обязан добавить я. В Бельгии, Франции, ФРГ мне называли имена капиталистов нееврейского происхождения, вносящих в сионистскую кассу солидные субсидии. В Лондоне мне это торжествующе доказывала активистка антисоветской организации сионисток «комитета 35» Памела Менсон. В данном случае я вполне ей верю. Подкармливая сионистские службы, богачи любого происхождения пособляют антикоммунизму. А в их классовых интересах это превыше всего.

И в дни бейрутской резни они вместе с еврейскими магнатами аккуратно вносили в кассу международного сионизма очередные денежные субсидии для Израиля. Правда, сейчас эти субсидии имеют точное наименование: денежная помощь ЦАХАЛу, то есть израильской армии. Как и американские, западноевропейские меценаты сионизма не могут иначе — ведь израильская военщина творит геноцид в лагерях палестинских беженцев с одобрения и помощью Пентагона. Ни один толстосум, независимо от национального происхождения и страны проживания, следовательно, не имеет повода сомневаться в том, что геноцид в отношении палестинцев служит интересам империализма и финансовых монополий. Нет повода усомниться и в том, что все покровители и дружки сионизма, все, кто жаждет новых прибылей от разбойничьего нападения на Ливан, считают своим долгом поддержать международный сионизм в его стараниях безупречно выполнять роль подстрекателя и верного партнера израильско-американского военного альянса. Тем более что эта постыдная роль исполняется по тщательно разработанному антикоммунистическому сценарию, в обстановке оголтелой ненависти к Советскому Союзу и всем странам социализма.

...Так и не удалось мне проникнуть в тщательно оберегаемые от постороннего глаза комнаты западноберлинского Сохнута. Меня это не удивило.

Я бывал в редакциях сионистских газет, присутствовал на лекциях сионистских агитаторов, беседовал в ресторанах или на иной нейтральной почве с сионистскими функционерами. Редактор одного сионистского издания в Лондоне Якоб Зоннтаг даже почтил меня своим визитом в отеле. Но ни разу нигде не открывали мне доступ в сохнутовские резиденции. Дело в том, что любой филиал Сохнута в любом западноевропейском городе выполняет наиболее грязную работу по вербовке антикоммунистической агентуры, по обузданию строптивых и непокорных беглецов и прямиков и главным образом по экспорту еврейского населения из разных стран в Израиль.

Здесь, в Западном Берлине, сохнутовцам со скрежетом зубовным, правда, пришлось, выполняя волю международного сионизма, перестроиться и заняться непривычным «мирным» делом: вместе с еврейской общиной пристраивать в городе нужных сионизму фальшаков — тех самых, каких те же сохнутовцы в других городах нещадно преследуют. А это сионизм засекречивает еще больше, чем вербовку евреев на переезд в Израиль. Ведь речь идет о концентрации в Западном Берлине исключительно молодых, полных сил и жаждущих выгодной «парносе» антисоветчиков — сущих и потенциальных.

24 ЧАСА В СУТКИ

Отчего же верхушка международного сионизма вознамерилась сосредоточить такие, с позволения сказать, отборные кадры именно здесь, на западных берегах Шпрее, в непосредственном соседстве с Германской Демократической Республикой?

Выбор не случаен. Особенности Западного Берлина имели для сионистов первостепенное значение, когда выбирался новый пункт сосредоточения их агентуры антисоветской специализации.

Еще в пятидесятых и шестидесятых годах сионистская печать с упоением варьировала на все лады откровенно милитаристские «изречения» особенно злобных западноберлинских политиканов о том, что их город — копье в теле ГДР, что это копье можно, дескать, превратить в самую дешевую атомную бомбу. Когда же послы СССР, США, Великобритании и Франции подписали четырехсторонние соглашение об особом политическом статусе Западного Берлина, заправилы международного сионизма и не пытались скрыть свое огорчение. Им, усердным функционерам империализма, так хотелось, чтобы этот город стал составной частью ФРГ. До сих пор их пресса выдает желаемое за действительное и преподносит своим читателям действующий статус Западного Берлина в искаженном виде. Сионистов, естественно, приводит в ярость уже одна мысль о том, что из очага трений и конфликтов Западный Берлин может превратиться в фактор мира, разрядки и сотрудничества на европейском континенте, станет прочным мостом между Западом и Востоком. А именно об этом мечтают прогрессивные слои населения города.

Как и вся капиталистическая пропаганда, сионистские газеты продолжают ликующе называть Западный Берлин то фасадом, то витриной западного мира.

Ох, основательно поблек фасад, потускнела витрина! Экономические трудности подорвали прежде всего материальное положение трудящихся и вызвали рост безработицы. Особенно больно ударило это по западноберлинской молодежи. Никак не уменьшается число бездомных молодых людей, как и не уменьшается число... пустующих домов (50 тысяч квартир!). Доведенные до отчаяния бездомные молодые семьи вынуждены самовольно вселяться в пустующие, якобы предназначенные на снос, квартиры. И тут же подвергаются нападениям полиции. Она безжалостно вышвыривает невыгодных домовладельцам малоимущих жильцов из «незаконно занятых» квартир.

Я видел, как полицейские с дубинками, оградив себя от гнева толпы щитами древнерыцарского образца, осаждали четырехэтажный дом с традиционной черепичной крышей в переулке близ Сименсштрассе. Пробравшись на самый верх дома, полицейские не спеша и методично сбрасывали вниз по лестницам жалкую мебель студенческой четы, недавно вселившейся с ребенком в получердак-полумансарду. А мелкий скарб для ускорения операции попросту выбрасывался в окно. Вскоре на улицу вышла лишенная крова молодая мать с ребенком на руках. Ее скорбные сухие глаза были красноречивей иссякших слез. За руку она держала девочку лет восьми, дочку также выселенного соседа — безработного упаковщика, уже три года тщетно дежурящего у окошек биржи труда.

Нетрудно представить себе душевное состояние этих отверженных, когда они узнают, что неподалеку предоставлены квартиры семьям проникших в город по фальшивым документам сионистских протеже. Ободренные заботой оборотистых покровителей, «новоселы», вероятно, не задумываются над тем, что попали в город, подверженный растущему экономическому кризису, что по прогнозу экономистов к 1990 году число рабочих мест на одних только промышленных предприятиях сократится здесь еще на 16 тысяч.

Однако и в лихорадочной обстановке деградирующей экономики в Западном Берлине и поныне сохранилось немало обстоятельств, благоприятствующих неблаговидной деятельности сионизма.

Прежде всего его агенты вовсю используют возможность поспекулировать на чувствах многих местных граждан, испытывающих неистребимый стыд за то, что именно здесь при Гитлере достигли апогея безжалостные расправы над еврейским населением, за то, что отсюда распространилась раковая опухоль антисемитских расовых «теорий» нацизма. И сионисты по любому поводу и без всякого повода кричат, что материальным компенсациям, то есть деньгам, выплачиваемым Израилю по самым скрупулезным бухгалтерским расчетам за умерщвленных гитлеровцами евреев, должны сопутствовать и «моральные компенсации». К ним сионизм, безусловно, относит и содействие липовым «фольксдойче».

Написав эти строки, задрожал от тяжких воспоминаний, от неизбывного негодования. И вынужден сделать небольшое отступление — уверен, читатели поймут мою священную обязанность напомнить им ранее написанное мною об оскорбительных для памяти погибших и для сознания их потомков «материальных компенсациях».

В сентябрьские дни 1941 года гитлеровцы в винницком гетто зверски умертвили мою мать.

И когда до меня после освобождения Украины дошла эта страшная весть, мог ли я предположить, что за истребленных гитлеровцами евреев сионистские правители Израиля будут получать под видом репараций регулярные субсидии?!

С кем же заключили сионисты договор? С явным покровителем неонацистов Аденауэром, тем самым, кто рабски умолял гитлеровского министра внутренних дел Фрика признать его, Конрада Аденауэра, заслуги перед нацизмом еще до захвата Гитлером власти в Германии.

Этим актом сионисты послевоенной генерации переступили последнюю грань цинизма и кощунства! Что же касается Аденауэра, то он с легкой душой согласился на выплату Израилю репараций, ибо прекрасно отдавал себе отчет в том, на какие дела будут истрачены эти деньги.

Больно и тяжко подумать мне, что на марки, заплаченные сионистским фарисеям за труп моей матери, был, возможно, снаряжен летчик, сбросивший первую бомбу на мирные ливанские поселки и убивший крохотных детей. Окровавленные сребреники, выкачанные израильскими друзьями освенцимских и майданековских палачей, накоплены, может быть, от продажи золотых зубов, вырванных гитлеровцами у мертвецов винницкого гетто. Многие мои сверстники и друзья отрочества, не поверившие сионистским увещеваниям и отказавшиеся сделать хотя бы один шажок на позорном пути к буржуазному национализму, тоже были среди замученных в винницком гетто жертв. На их трупах фашисты тоже создавали свои накопления, о которых напоминают получаемые Израилем репарации. Поистине все возвращается на круги своя!

Возмущение грязными сделками между сионизмом и неонацизмом мне довелось слышать не только в нашей стране. Немало гневных слов о «черном договоре» слышал я от граждан Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Австрии, Голландии, Дании, Бельгии. Близкие и родные этих людей были умерщвлены гитлеровцами за колючими оградами гетто и в газовых камерах концлагерей.

Не раз слышал я потом из уст английских, французских, итальянских граждан еврейского происхождения слова резкого осуждения «материальной компенсации» в кощунственном сионистском понимании. В Западном Берли-

не зубной врач, мать и отец которого погибли в печах Бухенвальда, заметил:

— Сионисты упорно считают, что деньги, которые идут в их кассу, не пахнут, даже если эти деньги обагрены кровью их близких.

Да, только так можно оценить жадность, с которой сионисты прячут в израильскую кассу деньги в счет «материальной компенсации» за трупы людей, загубленных фашистами далеко-далеко от «родины отцов».

Что же касается «моральной компенсации», могу добавить одно: нет, никак, ни за что, никогда не примирюсь я с тем, что превращение бывшего винничанина под прикрытием фальшивых бумажонок в западноберлинца преподносится как некая частица искупления убийства моей матери в оккупированной фашистскими захватчиками Виннице!..

Помню, в Брюсселе мне показали изданную в Израиле на русском языке книжонку, призванную обелить и даже облагородить то, что репарации за всех истребленных гитлеровцами в европейских странах евреев получает Израиль. В этой брошюрке упоминаются слова Гитлера, сказанные им, как я впоследствии узнал, одному из его приближенных, Раушнингу: «Мы должны развить технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц... Я имею право устранить миллионы из низших рас, которые размножаются, как черви».

Сейчас, вглядываясь в фотоснимки и кинокадры, в самой крохотной доле отражающие страшные результаты осуществляемого израильскими бандами обезлюживания палестинских и ливанских земель, я, поверьте, никак не могу отделаться от впечатления, что приведенное людоедское высказывание принадлежит Бегину. Разве не он и его приближенные оправдывают творимый израильской военщиной геноцид тем, что количественный рост арабского населения ставит под угрозу «нужный государству Израиль человеческий баланс»? Расшифруем эту кощунственную бухгалтерию — ее можно было бы назвать бредовой, не будь она отражением расистского существа государственной политики правительства Бегина.

Трескотня о «человеческом балансе» объясняется одним: бегиновской клике нужно, чтобы на оккупированных Израилем территориях число исконно проживающих на своей родной земле арабов было значительно меньше числа переселенных туда евреев. Такие каннибальские вожделения могли появиться только у тех, кто полностью разделяет расистскую «теорию» Гитлера о высшей и низшей расах и, воплощая ее ныне в жизнь, повышает уровень «техники обезлюживания» с помощью сообщников из Белого дома и Пентагона.

Даже в дни самого ненасытного обезлюживания Бейрута по стопроцентным гитлеровским рецептам, когда все человечество с содроганием узнало о реках крови и горах трупов в разрушенных лагерях палестинских беженцев, израильские власти сочли возможным и даже нужным опубликование на первых страницах газет такого бесстыдного объявления: «Репарации пострадавшим от нацизма! В немецких марках! Просьба поспешить с подачей документов. Обращаться в специальную тель-авивскую контору на ул. Алленби, 94/5, при фирме «Сервис ЛТД». Когда же в Израиль начали привозить гробы с останками погибших на войне молодых военнослужащих, многим из их родителей, жен и детей новым объявлением напомнили, как лучше использовать полученные репарации: «Для лиц, в прошлом жертв нацистских преследований,— санаторное проживание на выгодных условиях в отеле «Мицпе-Ям, Нетания».

Назвать публикацию таких объявлений в дни бейрутской резни кощунственной — мало! У меня по крайней мере не хватает слов для исчерпывающей характеристики такого фарисейского поступка. Казалось, его не превзойти. Израильские сионисты превзошли. В разгар осуществленного израильтянами на ливанской земле страшного геноцида в Тель-Авиве организовали международную конференцию на тему... «Геноцид». Организатор конференции Исраэль Чарни сообщил, что «из 150 докладов, предусмотренных программой конференции, подавляющее большинство посвящено «Катастрофе европейского еврейства». О геноциде в отношении арабов, разумеется, ни слова. «Главная цель конференции,— уточнил сионистский писатель Эли Визель,— выяснить, какие факторы приводят к геноциду». Какие факторы? Спросили бы у Бегина и Шарона, зачем же созывать конференцию!..

...Возвращаюсь к выгодным для сионистов особенностям Западного Берлина.

У них там имеются весьма именитые и влиятельные покровители. Назову, к примеру, владельца антикоммунистических и бульварных органов печати, финансового магната, «короля» желтой прессы Акселя Шпрингера. Продолжая фарисейские традиции некоторых сионистских лидеров тридцатых годов, сегодняшние руководители Израиля дружат с этим бардом неонацизма. Он охотно одаривает пропагандистские гнезда сионизма щедрыми пожертвованиями и в ответ благосклонно принимает от него знаки отличия и почетные звания. Неспроста шпрингеровские и сионистские издания изобилуют взаимными перепечатками. Что ж, налицо единство политических взглядов!

И, наконец, главная особенность Западного Берлина, наиболее привлекательная для сионистов. Они считают самым выгодным для себя расширение сети центров идеологических диверсий поближе к территории социалистических стран, особенно к Советскому Союзу. С такой шпионской точки зрения насыщение западноберлинских организаций активными антисоветчиками представляет для международного сионизма большую ценность.

Вот почему в первых же инструктивных беседах с новыми кадрами из числа фальшаков сионистские функционеры требуют от бывших советских граждан скорейшего проникновения в местные торговые и промышленные фирмы, в культурные и научные организации, в сферу искусства в ролях «специалистов» по Советскому Союзу. И, конечно, обещают всячески содействовать осуществлению этих провокационных замыслов. «Специалистов» обязывают соответствующим образом «консультировать» своих работодателей, когда речь зайдет о контактах с советскими учреждениями.

Подобные инструкции подкрепляются такими напоминаниями:

— Не забывайте, что вы из фальшаков, от вас можно больше требовать, чем от законных жителей. Многие из вас взяты нами на поруки. Так что не будьте особенно разборчивы!

Что ж, многие из липовых «фольксдойче» с места в карьер доказали свою неразборчивость. Когда я еще находился в Западном Берлине, к пожилому владельцу книжного магазина на Инсбрукерштрассе, торгующего старыми и антикварными изданиями на русском языке, пожаловали три новоиспеченных западноберлинца. И весьма настойчиво посоветовали книготорговцу пригласить их в компаньоны. Посулили сказочный рост оборота и доходов:

— Наш магазин станет монополистом по продаже в городе антисоветских книг. Гарантируем срочное получение через Тель-Авив всех новинок.

Гарантия обоснованная: когда речь идет об антисоветских изданиях, Тель-Авив действительно надежный оптовый поставщик нужного пропагандистского товара.

Как тут еще раз не вспомнить слова Генерального секретаря ЦК Компартии Израиля товарища Меира Вильнера на XXVI съезде КПСС: «Мы прибыли из страны, в которой 24 часа в сутки ведется разнузданная антисоветская пропаганда».

То же самое могли бы с полным правом сказать и товарищи, прибывшие из многих других капиталистических стран, ибо антисоветизм стал паролем всех без исключения спецслужб международного империализма, в том числе и сионистских.

365 ДНЕЙ В ГОДУ

Немалую роль в разжигании антисоветизма сыграл вернувшийся из Нью-Йорка в Тель-Авив Хаим Герцог, бывший представитель Израиля в ООН. На этом посту он завоевал симпатии Белого дома и Пентагона своими оголтелыми антикоммунистическими речами. Подогретый американскими наставниками, Герцог опубликовал в наиболее влиятельных сионистских газетах статью под «загадочным» заголовком «Все понимают важность пропаганды, но...».

Но в самой статье никаких загадок не было. Антикоммунистическую пропаганду, на которую монополистический капитал подбрасывает сионистским службам десятки миллионов долларов, они ведут, раздраженно доказывал Герцог, «дилетантски, в то время как пропаганда должна занимать 365 дней в году». Словом, клеветать, провоцировать, лгать не только круглосуточно, но и без выходных! И выученик американских реакционных кругов особенно рекомендовал налечь на очернение мира социализма и вовлечение в сионистские организации молодежи, способной вести активную пропагандистскую (читай: провокационно-клеветническую!) работу...

Тут я должен, читатель, оставить на короткое время Западный Берлин и рассказать об очередной «критической» статье Хаима Герцога. Под сенсационным названием «Пропагандистский промах» появилась она, заметьте, в июле 1982 года на страницах нескольких израильских газет.

Как известно, в ту пору мировую печать заполнили многочисленные протесты против израильского геноцида в Бейруте. К примеру, в парижской газете «Монд» (далеко не антисионистской!) с резким осуждением зверств израильских оккупантов выступили вместе с другими французскими общественными деятелями католический священник Мишель Лелонг и протестантский пастор Этьен Матио: «Логика сионизма — перманентная война, сионизм хочет осуществить мечту Гитлера — заточить всех евреев в одно большое гетто по имени Израиль, сионизм и антисемитизм — братья-близнецы. Политика Израиля — это резня арабов, превентивные войны, провокации, государственный террор».

Чем же объясняет Хаим Герцог волну возмущения, вызванную во всем мире тотальным истреблением арабского населения Ливана? «Провалом пропагандистской работы, которую надо проводить круглые сутки все 365 дней в году». Вот уж действительно: повторение — мать учения! Далее Герцог пишет: «Операцию (имеется в виду массированное нападение на суверенный Ливан.— **Ц. С.**) готовили, по словам министра обороны, в течение многих месяцев. Почему же не подготовили план пропагандистской работы и людей, которые могли бы своевременно претворить в жизнь этот план? А сейчас Израиль, несмотря на военные успехи, потерпел поражение в области пропагандистской. Телекамеры фотографировали разрушения в ливанских городах. Операторы иностранных телекомпаний снимали израильские танки, проходящие по разрушенным городам...» И т. д. и т. п. Словом, любимец пентагоновских руководителей Хаим Герцог по-прежнему убежден, что любые грязные дела сионизма можно скрыть от человечества только одним способом: еще больше лгать, еще изощренней клеветать, еще коварней вводить в заблуждение общественное мнение!

Особенно уповают сионисты на многоязычный брехливый «Голос Израиля». С июня нынешнего года, точнее, с начала ливанской бойни, он расширил сеть и объем своей безудержной клеветы. А когда весь мир возмутился израильским геноцидом в лагерях палестинских беженцев, «Голос Израиля» стал чуть ли не часами подряд вопить, что на Израиль клевещут, что не израильская военщина творит геноцид в Бейруте. Тель-авивские радиолжецы, впрочем, уже давно доказали свою безоговорочную солидарность с циничным высказыванием Киссинджера, испытанного покровителя заправляемого сионистами Израиля: «Один радиопередатчик может оказать более эффективное давление, чем эскадрилья стратегических бомбардировщиков». В ливанской бойне израильско-американские агрессоры нашли, однако, одновременное применение и бомбам и радиолжи. Прицельным бомбометанием они, подобно геринговским асам, убивают детей, а радиоложью, подобно геббельсовским пропагандистам, пытаются обелить черные дела израильской военщины, истребляющей палестинцев новейшим американским оружием. «Разделение труда» в чисто гитлеровском духе!..

Продолжение следует.

«Испытай себя любовью».

гастроли

ТЕАТР С БЕРЕГОВ АМУРА

«Бесприданница».

Фото А. Иванишина

Марина ДМИТРИЕВА

Театр, приезжавший в Москву на гастроли из Комсомольска-на-Амуре, закономерно начал их спектаклем, посвященным родному городу. «Героическим репортажем» назвал Н. Мирошниченко свою пьесу «Испытай себя любовью», посвятив ее первостроителям Сибири и Дальнего Востока, трем поколениям ленинского комсомола. Герои — и те юноши и девушки, которые полвека назад высадились на пустынном берегу Амура, чтобы построить город своего имени, и нынешние молодые строители Байкало-Амурской магистрали, продолжающие традиции отцов.

Пьеса «Испытай себя любовью» документальна и поэтична одновременно. Театр решает ее в романтическом ключе, создавая произведение одухотворенное. На сцене реи корабля с белоснежными парусами (художник С. Скоморохов) — символ мечты, светлых устремлений юности... Три актера: А. Запорожец, Л. Дмитрякова, А. Казаковцев — Время, Память и Песня — повествуют о прошлом и настоящем Дальнего Востока, о трудностях и радостях героев. Отчетливо звучит тема преемственности поколений. Удивительную жизнь прожили первостроители Комсомольска; сегодня их дело достойно продолжают молодые. Работая на стройке БАМа, тоже в нелегких условиях, они достойно несут звание интернациональной бригады. Их труд, их мечты сближают героев нынешних с теми, кто начинал пятьдесят лет назад обживать Приамурье.

Режиссер Е. Звеняцкий и актеры вложили в спектакль искреннее восхищение родным краем и его людьми.

— Пьеса была остро нужна не только театру, но и нашему городу,— говорит режиссер.— Нас привлекли в ней и судьбы комсомольцев тридцатых годов, и судьбы современников, их живая связь. И тут огромную помощь оказали нам первостроители Комсомольска — удивительный народ. Годы щедро посеребрили им голову, но дух комсомольской юности живет в сердцах.

...Четыре года назад в театр — а он всего на пять лет моложе города — пришла группа выпускников Владивостокского института искусств во главе с молодым режиссером Е. Звеняцким. Старшее и младшее поколения театра соединились органично, и вот теперь первые в Москве гастроли коллектива показали, что труппа работает целостно, дружно.

Это впечатление подтвердил и спектакль «Бесприданница» А. Островского (режиссер-постановщик Е. Звеняцкий, режиссер Д. Леонтьев), открывший целое созвездие актерских имен, где Л. Дмитрякова — Лариса, В. Уменушкин — Кнуров, Е. Гильченко — Огудалова, В. Пушкин — Паратов, А. Запорожец — Карандышев — все запоминаются зрителями.

Более ста лет прошло с тех пор, как была написана «Бесприданница». Неузнаваемо изменилась жизнь, исчезли трагические конфликты того времени. Но неувядаемое творение великого писателя и сегодня волнует проникновением в духовный мир, высокими идеалами... Режиссер строит спектакль без массовых сцен, без хора цыган; скромны и декорации — здесь все внимание героям!

...Встреча с Вл. Маяковским для каждого театра всегда событие, всегда неожиданность. Маяковский — это яркая театральность, праздник на сцене: импровизация, прямые обращения к зрителю, где — под личиной смеха, шутки, гротеска — выступает на первый план могучая фигура поэта — «агитатора, горлана, главаря».

С мещанством, обывательщиной, лицемерием надо бороться всегда, утверждает спектакль «Клоп». Впрочем, режиссер Е. Звеняцкий решил показать нам, словно под увеличительным стеклом, не одного, а многих клопов, выползших из «затхлых матрацев времени»... Среди них особенно вреден и опасен Присыпкин (В. Оника). Ленивый, неповоротливый, невежественный «владелец профсоюзного билета», он между тем уверен в себе, в своем праве на все самое лучшее в жизни!.. В спектакле много находок. Это и огромный свадебный будуар Присыпкина из занавесок в стиле шатра; это и красные его носки, которые он носит демонстративно, засовывая в них брюки; это немыслимые фигуры обжирающихся нэпманов; особенно «хорош» гость на «Красной свадьбе», в противогазе... Всего не перечислишь; следует заметить главное: за всем этим не потонула яростная сила, страсть Маяковского, обличающего мещанство. Явно ощущается личностное отношение создателей спектакля к мещанству, к нынешней «присыпкинщине». Конечно, современный мещанин оброс «модерновостью», на нем уже не мешковатый костюм, а шикарные джинсы, сверхмодная майка с надписью во всю спину, очки с заграничной наклейкой... Но сущность его осталась прежней. И театр напоминает о веселых, ироничных строках поэта:

Гражданин!
Спеши
    на демонстрацию «Клопа»!
У кассы хвост,
в театре толпа.
Но только
        не злись
            на шутки насекомого:
это не про тебя,
а про твоего знакомого.

Да, это «не про тебя», если ты непримирим ко всему, что показала сцена. Но это и про тебя, если твой мир равен духовной ограниченности «героев» пьесы...

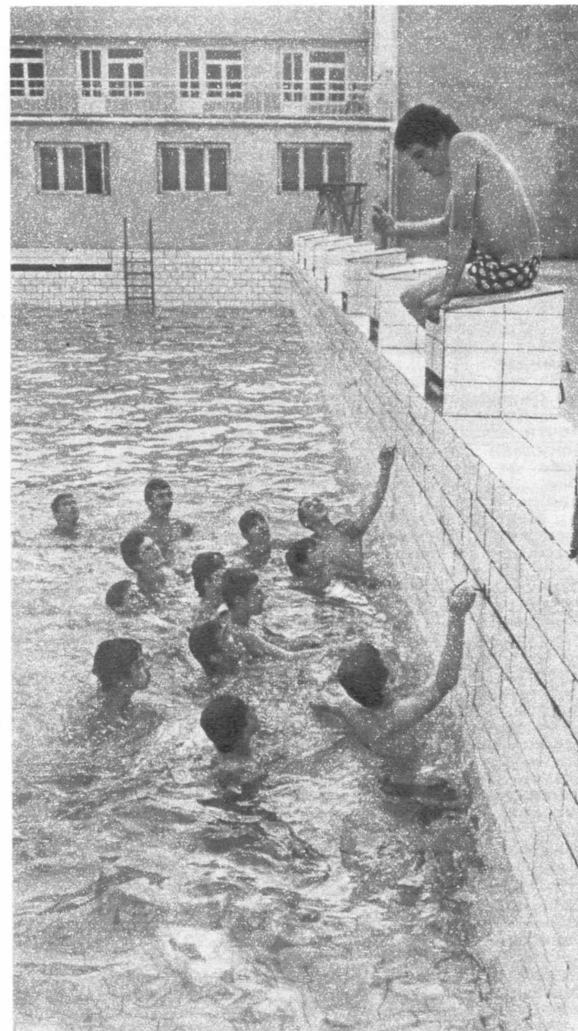
Спектакль «Амур-батюшка» Н. Задорнова — инсценировка; автор пьесы М. Задорнов — сын писателя. Спектакль, очень точно выстроенный режиссером В. Бухариным, позволяет видеть на сцене «народную игру в двух действиях». Герои здесь — первые русские крестьяне, сделавшие свое дело в истории,— пришедшие на Амур в поисках Свободы, Воли и Новой жизни... Большие трудности встретили их на этой земле; велика тоска новоземельцев по России. Но русские крестьяне сохранили в себе добро и трудолюбие, сохранили любовь к человеку...

О коренных жителях Приамурья — нанайцах — рассказывает спектакль для детей «Амурская сказка» (пьеса В. Шульжика, режиссер Д. Леонтьев, художник С. Скоморохов)... Далекий от повседневной жизни мир представлен в этом поэтическом спектакле, и, может быть, герои покажутся нам сегодня несколько наивными. Но они отважны и решительны в борьбе против зла, и дети-зрители искренно сопереживают все, происходящее на сцене. Они ликуют, когда побеждает добро, а в этом, конечно, прямое предназначение спектакля для детей.

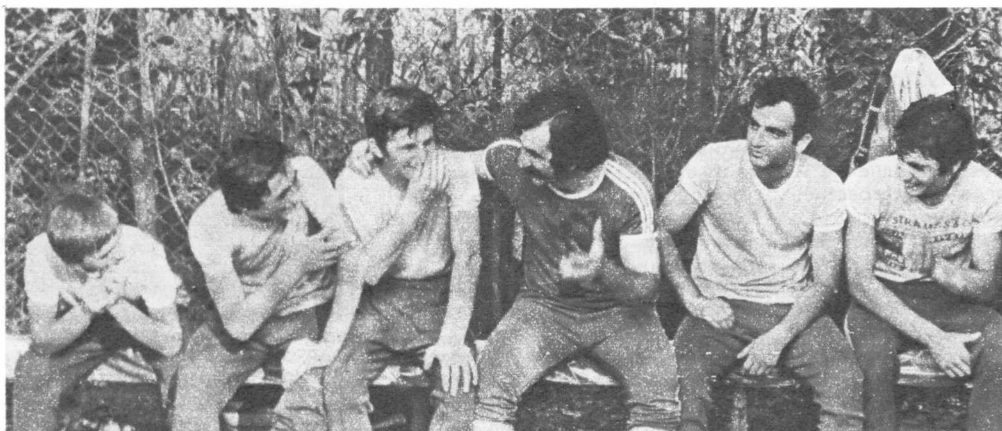
Впереди у театра новые задачи, новые работы и — хочется думать — новые спектакли, столь же отвечающие и духу времени, и запросам зрителей.

Бассейн строили своими руками...

И вот он готов...

После тренировки.

Фото Г. Стрельникова

ЭТОТ СПОРТИВНЫЙ ГОРОДОК

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

Хоби — небольшой городок в Западной Грузии, географический центр Колхиды. Люди этого района хорошо трудятся — достижения его чаеводов, цитрусоводов, животноводов известны по всей республике. И есть у Хоби, да простится мне невольный каламбур, свое хобби: здесь и стар и млад отдают свой досуг волейболу и борьбе, футболу и плаванию, баскетболу и легкой атлетике. И в значительной мере это объясняется тем, что и руководители района — подлинные энтузиасты спорта, люди, любящие его, а главное, понимающие, какое место он должен занимать в современном обществе.

К. Бабурия — председатель районного комитета по физкультуре и спорту. Но для него это не просто должность — он вкладывает в свое дело весь жар души. Несмотря на молодость, основателен, немногословен. Оживляется только тогда, когда речь заходит о воспитанниках местных коллективов, выступающих за сборные команды республики.

— Мы будем все больше готовить высококлассных спортсменов,— уверенно говорит Бабурия.— у нас для этого есть неисчерпаемый источник: на каждом предприятии, в каждом колхозе, совхозе действуют низовые коллективы физкультуры. Организованы секции, кружки, команды даже в бригадах и на фермах. А какой интересный опыт накоплен в физкультурной работе по месту жительства! Давайте с вами посмотрим, как проходят занятия спортом в одном из кварталов города, на стадионе улицы Ниношвили.

...Тихий предвечерний час. Но там, куда привел меня Климентий Бабурия, кипят такие страсти, будто не было позади насыщенного трудового дня. Сейчас власть захватили баскетболисты, а через полчаса здесь же разгораются отчаянные схватки гандболистов, их сменяют любители волейбола... За несколько минут стадион может трансформироваться в площадку любого игрового профиля, вплоть до тенниса и мини-футбола. И трудно представить, что несколько лет назад тут было болото.

Когда группа молодежи во главе с Метвари Хурция, тренером-общественником, задумала устроить спортивную площадку для жителей квартала, люди постарше встретили их в штыки. «Нечего заниматься пустяками. От этого стадиона жди только одного беспокойства»,— говорили они. Но молодежь это не остановило. Сто машин грунта пришлось ребятам вывезти, устроить дренаж, высадить деревья. Сейчас этот самодельный стадион добротно оборудован, уютен, тенист. Подведена вода, по вечерам он освещен прожекторами; в специально отведенном уголке стоит телевизор, и когда идут спортивные состязания, тренеры-общественники комментируют их, разбирают ошибки игроков.

Взрослые охотно приходят сюда вместе с молодежью. Постоянными участниками оздоровительных занятий, тренировок, соревнований стали целые семьи. Рабочий одного из местных предприятий Павел Кантария бывает здесь вместе с женой — швеей Натэллой и сыном Зурабом, шофер Карло Читая — с сыновьями Нектари и Вахтангом, инженер Сергей Аианади — с сыном Родионом... Воспитанники этого стадиона уже известны в районе. Так, сын инженера Демура Дгебуадзе Тимур, который не так давно пришел сюда впервые с отцом, теперь защищает честь Хоби в футбольной команде района.

Климентий Бабурия находит немало добрых слов для тех, кто помогал создавать стадион, кто вместе с ним поддерживает на нем порядок, пестует молодежь.

— Обязательно упомяните, что райком комсомола выделил нам средства на инвентарь,— просит он,— а перечислить тех людей, кто вносил деньги на покупку формы, просто невозможно... Не забудьте сказать о завхозе средней школы Резо Лабилаве. Он один из наших активистов, своего сына Кахабара тоже приохотил к спорту, тот отличный баскетболист.

Не хочется называть энтузиастов спорта расхожим словом «инструктор-общественник», это настоящие романтики своего дела, отдающие ему весь жар своей души. Имена Зураба Лолуа, Зураба Кварацхелия и других инициаторов создания хобийских стадионов по месту жительства хорошо знают в городе.

Когда я делился своими впечатлениями о городских спортивных площадках с председателем общества «Колмеурне» Демуром Шалвовичем Тутберидзе, он даже немного обиделся.

— А вы, дорогой, наши сельские спортивные сооружения видели? На тренировках были? Нет? А какие люди у нас там есть, знаете? Поезжайте, дорогой, в совхоз Хета, там вам каждый скажет: инженер Александр Куртава — замечательный человек. Кандидат в мастера спорта по волейболу — раз! Был членом сборной республиканской команды «Колмеурне» — два! А какой тренер-общественник! Девять разрядников по волейболу подготовил — три! Один из них, Юрий Лабилава, играет сейчас за сборную Грузии. А всего в совхозе — пишите, пишите, пусть все знают — 250 спортсменов: легкоатлеты, волейболисты, баскетболисты, футболисты, шахматисты, шашисты... Да

у нас в каждом совхозе свои стадион, спортплощадки... Э, разве обо всем расскажешь!

На одной из бригадных спортплощадок совхоза Шауквалони мне привелось побывать. Пока мы осматривали бригадный стадион, стали подходить и физкультурники. Сначала это были подростки, а затем появились кукурузовод Джамбул Ткачев, свинарь Нугзар Алания, строитель Юра Ломидзе.

За последние дни, как выяснилось, сдали нормы ГТО тридцать рабочих совхоза. Сегодня — тренировки по метанию гранаты. Первым пробует свои силы учащийся ПТУ будущий механизатор Папуна Голуа.

— Тридцать пять метров! — фиксирует общественный тренер Юра Ломидзе.

За ним выходит метать Годерадзи Цирекидзе.

— Хорошо! — восклицает Юра. — Почти сорок метров. А когда мы покидали стадион, на футбольном поле и волейбольной площадке уже замелькали разноцветные майки.

...Еще о многом рассказали мне Климентий Бабурия и Демур Тутберидзе. О том, что маленький Хоби выставил на кросс газеты «Правда» три тысячи бегунов, а на старт третьих Всесоюзных игр молодежи вышло более тысячи физкультурников, состязавшихся по футболу, волейболу, баскетболу, классической и национальной грузинской борьбе; о том, что в стартах «Надежды» участвовали 1500 местных школьников, а в соревнованиях по олимпийским видам спорта Хобийский район занял четвертое место в республике.

Познакомившись с масштабами массовой физкультурной работы в Хоби, я уже не удивлялся тому размаху, с каким в городе ведется строительство новых спортивных сооружений.

Я знал, что душой его, вдохновителем является первый секретарь райкома партии Н. О. Надария. Встретились мы вечером. Несмотря на поздний час, машина секретаря стояла еще возле строящегося бассейна.

Нугзар Отарович провел нас по стройке.

— Как видите, остались пустяки — кое-какие отделочные работы. А вообще почти все готово — целый плавательный комплекс, причем, заметьте, выстроенный с соблюдением всех международных стандартов.

При этих словах в его голосе прорвалась с трудом скрываемая гордость.

А комплекс и впрямь хорош. Четыре бассейна — начиная с «лягушатника» для малышей, кончая большим — пятидесятиметровым — для соревнований. Десятиметровая прыжковая вышка. Трибуны на 1500 мест. На первом этаже — уютный вестибюль, кафе на сто мест, душевая, врачебные помещения. Второй этаж отведен под гостиницу для спортсменов, здесь же зал заседаний, конференций. Все это оборудовано технически и эстетически современно, добротно, отделано любовно, со вкусом. Невольно возникла мысль: как это в условиях маленького провинциального города удалось возвести сооружение, которое украсило бы любой республиканский центр.

Нугзар Отарович объясняет:

— Все это создано за полтора года, практически только местными силами — межколхозной строительной организацией нашего района.

Ее руководитель Владимир Константинович Берая рассказал:

— Наверное, трудно представить себе, что два года назад на этом месте было болото — ведь наш Хоби находится в центре Колхидской низменности. И прежде чем начать строительство, надо было осушить площадку, благоустроить ее. А создавался комплекс общими усилиями. С первых же дней он был объявлен ударной комсомольской стройкой. В штаб ее вошли многие руководители районных организаций. Во главе стал заместитель председателя райисполкома Лери Валерьянович Нанеишвили...

Чем больше я знакомился с тем, как относятся к физкультуре и спорту в Хоби, тем больше я убеждался, что Надария и другие руководители района отнюдь не выступают в роли меценатов. Нет, их поступки диктуются заботой о молодежи района, они смотрят далеко вперед.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ХИЛЬДА ГОББИ!

Г. ГЕРАСИМОВА

Ее называют просто по имени. Но если говорят «Хильда», то, значит, говорят о ней, актрисе Хильде Гобби, лауреате премии Кошута. Как относится она к своей популярности? «Это утомительно, — отвечает она, — и все-таки всегда хочется сказать людям спасибо за улыбки...»

Хильда Гобби и сама щедра на улыбку, на добрую и даже едкую шутку. В движениях резка, закуривает одну сигарету от другой, бывает, что и крикнет, а потом сама себя поругает за горячность. И снова горячится. Вся она радость и беспокойство, волнение и гнев. Но никогда — бесстрастие. Никогда — равнодушие.

Ее жизнь, ее дом — театр, точнее Национальный театр, куда она пришла в 1935 году и где сыграла несколько сот ролей. Но в Венгрии ее имя широко известно не только потому, что Гобби — великолепная актриса. Люди откликаются на ее призывы с охотой и радостью, потому что знают ее как человека, которому до всего есть дело. Однажды Хильда Гобби была гостем телевизионного журнала и обратилась к телевизионной аудитории с призывом помочь в создании музея венгерского театрального искусства.

— Я думала, откликнется человек сто — и то хорошо, — говорит Хильда. — Но пришли тысячи. Люди пожилые принесли фотографии, костюмы, старые программы и рамы для картин. А кто помоложе — расставлял мебель, мыл полы и окна. И я вновь убедилась, что на хорошее дело всегда можно воодушевить людей.

...В комнатах старинного особняка на будайской улице Ауреля Штромфельда стучали молотки. Голос Хильды Гобби слышался во всех залах: «Дьюри, где гвозди? Золи, где драпировки?» Она вездесуща, все знает, везде присутствует, всем управляет. «Ребята, кто видел золотую розетку? Поищите ради меня». Ради Хильды готовы искать все. И вот уже на месте золотые розетки, и старые афиши, и плакаты, и веера.

А сегодня этот музей уже открыт. Как празднично здесь! Сотни людей с благоговением идут по комнатам дома, где когда-то жила знаменитая венгерская актриса Гизи Байор. Теперь здесь «поселились» многие известнейшие актеры, которые составляли славу венгерского театра. Например, знаменитый Кальман Латабар, наивно доверчивый, беззащитный, над игрой которого можно было смеяться и плакать.

Какое будущее у этого музея? Инициатива Хильды Гобби разбудила мысль. Сейчас речь идет уже об издании серии пластинок, монографий и библиографических справочников о творчестве ряда актеров.

— Театр — моя жизнь, это естественная среда моего существования. Только однажды его двери закрылись передо мной — шла война, — вспоминает актриса. — В те дни мы воевали своим оружием — читали людям страстные, революционные стихи Шандора Петефи, разбрасывали листовки с этими строками.

...Был конец января 1945 года, в Буде еще стреляли, а в Пеште в одном из сохранившихся зданий уже выступали венгерские актеры. Хильда Гобби, конечно, была в их числе. Как всегда, с энтузиазмом, энергией участвовала в рождении нового театра, и однажды эти дела привели ее в советскую комендатуру. Генерал-майор И. Т. Замерцев, комендант советского гарнизона в Будапеште, в книге «Через годы, через расстояния» вспоминает:

«Я начал очередной прием посетителей. В кабинет вошел высокий бледный мужчина лет тридцати пяти. Вместе с ним скромно одетая, улыбающаяся дама с какой-то необыкновенной прической. Волосы подстрижены очень коротко, как у мальчишки, лицо открытое, приятное. Переводчица сказала, что это артисты Национального драматического театра — господин Тамаш Майор и мадам Хильда Гобби, — пришли они по поручению собратьев по искусству. Хотят поблагодарить за то, что комендатура разрешила открыть театр. Теперь у них есть работа. Вчера уже был первый спектакль. На вырученные деньги артисты решили коллективно закупить в провинции продукты, но не располагают транспортом... Хильда Гобби с милой улыбкой пригласила меня на генеральную репетицию пьесы Ванды Василевской «Радуга»... Ведь в их репертуаре это первая советская пьеса...»

Дружба, начавшаяся в те дни, продолжалась многие годы. Приезжая в Будапешт, Замерцев никогда не забывал встретиться с Хильдой Гобби.

— Помню, как он позвонил впервые, — рассказывает она, — и спросил меня: «А вы помните

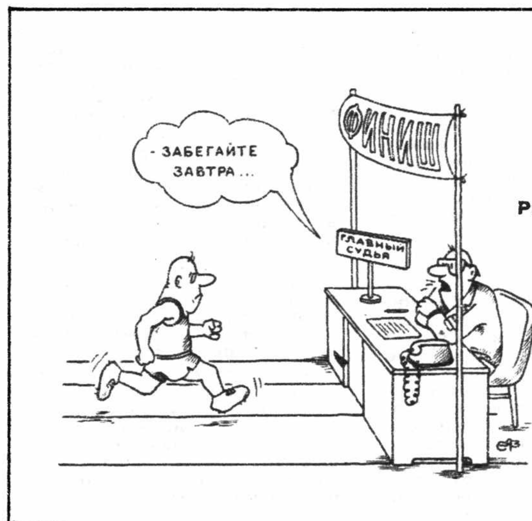

Рис. В. АШМАНОВА

Рис. Р. САМОЙЛОВА

Замерцева?» Как же я могла забыть человека, который поднимал из руин наш город, помогал рождению нового театра! Из тяжелых военных будней этот человек шагнул в нашу жизнь с открытым и добрым сердцем. Он любил актеров и всегда готов был им помочь.

В те дни начиналась новая жизнь театра, и Гобби много играла. Но для полноты счастья только сцены ей было мало.

— Я убеждена была, что надо немедленно помогать двум поколениям актеров — молодым, которые дадут театру новое вдохновение, и ветеранам, носителям его лучших традиций. Мы получили одно полуразрушенное здание, восстановили его, и там открылось общежитие для новых студентов театрального института — детей рабочих и крестьян. Затем открылся Дом ветеранов сцены. Когда в 1951 году умерла замечательная актриса Гизи Байор, я подумала, что следует увековечить ее память. Так родилась идея создать музей, который стал музеем венгерского театрального искусства...

Она сыграла сотни ролей, но считает, что самый большой ее успех — в «Вассе Железновой», где она исполнила главную роль. Она любит пьесы Островского, Горького и очень сожалеет, что «не встретилась» с Чеховым. Разговор заходит о современной венгерской драматургии.

— Меня волнует судьба наших молодых драматургов,— говорит актриса.— Мне кажется, что к их творчеству относятся порой с какой-то боязнью. Это большая ошибка, потому что среди юных много талантливых. Надо только взять на себя труд поработать с ними. Я всегда любила и люблю молодежь, верю в ее талант и энергию.

Хильда Гобби относится к тем неутомимым людям, у которых одна идея рождает другую, одна работа дает импульс к следующей.

Такой все знают эту актрису, и вдруг известие: Хильда Гобби уходит на пенсию. В ноябре 1979 года она действительно написала письмо в Национальный театр, где сообщила об этом. Я спрашиваю Хильду Гобби, что изменилось с тех пор в ее жизни. Оказывается, играет она больше, чем когда-либо, работает в музее.

Ее письмо было опубликовано в журнале «Фильм, театр, музыка». «Я верю в вечное существование и в вечное возобновление Национального театра,— писала актриса.— Верю в то, что и впредь буду там, где нужна... Я предлагаю Национальному театру свою помощь в любой общественной работе». И еще: «Свою дачу, которая называется «Подкова», я в завещании предложила как Дом творчества Национальному театру». А это, надо сказать, удивительная дача. Она построена из материалов снесенного в 60-х годах старого здания Национального театра. Вход в нее — через двери, украшавшие когда-то его подъезд. «Я уверена, кто побывает на этой даче, почувствует бессмертие нашей актерской профессии».

Недавно Хильда Гобби закончила книгу воспоминаний.

— В ней нет хронологии. Есть время, в котором я жила и которому все меньше остается свидетелей. Шесть глав — шестьсот страниц. Первую главу я назвала «Семьи». В ней рассказ о моей семье и моем театре.

Музей напомнил о телевизионной передаче, которая помогла в его создании. Хильда Гобби говорит, что любит телевидение, охотно участвует в его фильмах как раз потому, что это дает возможность обратиться сразу к миллионам людей. Вот уже 20 лет она с удовольствием участвует в серии радиопередач «Семья Сабо». В этой радиосемье есть два взрослых сына и дочь, есть уже и внуки. А тетя Сабо — ее героиня, это хозяйка, мама и бабушка, с постоянными мыслями о доме, детях и внуках. Все события в стране проходят и через эту семью, затрагивают кого-нибудь из ее членов, прежде всего тетю Сабо. Она откликается на все очень горячо, искренне, непосредственно.

— Это интересная передача,— говорит Хильда Гобби.— И я считаю ее политической, потому что темы ее актуальны, они волнуют всех, в них — жизнь нашей Венгрии.

Передача вызывает массу писем, есть самые неожиданные. Когда один из членов семьи Сабо погиб, Хильда Гобби получила телеграмму от слушателя: «Прошу сообщить, когда и где похороны».

— Сначала я решила, что этот слушатель просто шутник.— Хильда Гобби смеется.— Но потом поняла: да ведь этот человек хотел дать мне почувствовать, как он верит в мою игру. Еще столько надо сделать,— говорила актриса мне на прощание.— Но это меня не пугает: пока у человека есть дело, он не стареет!

Будапешт.

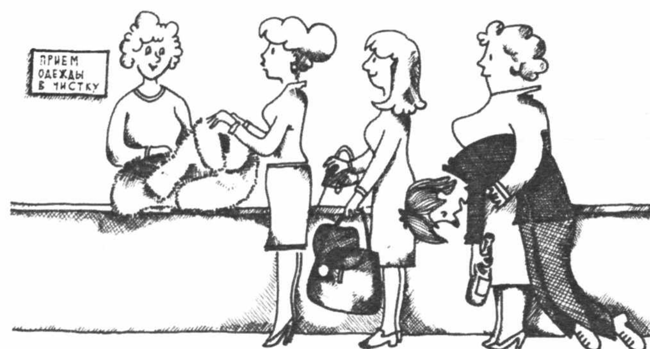
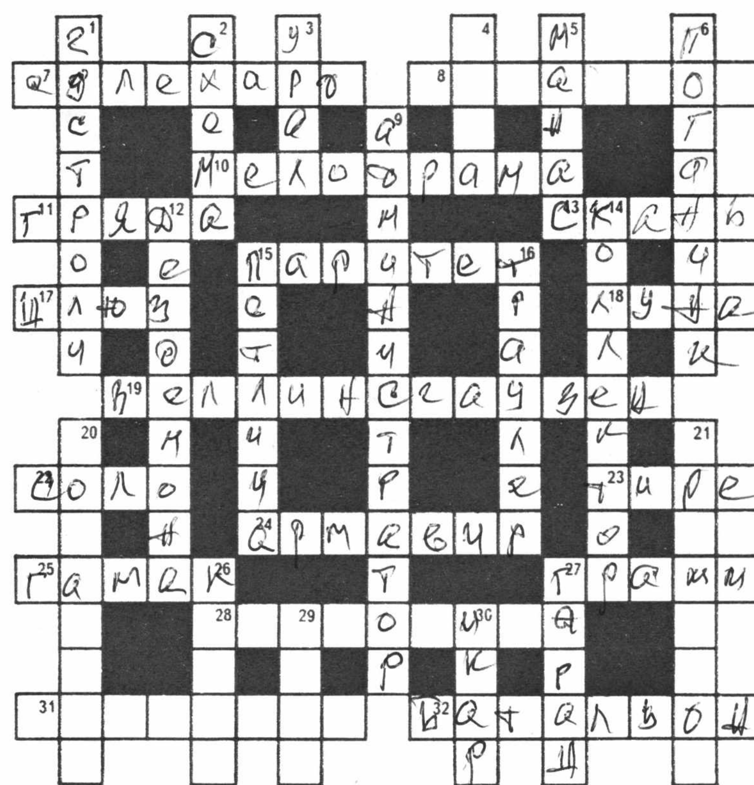

Рис. Э. РАПУТОВОЙ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Центр автономного округа в РСФСР. 8. Четырехколесный экипаж. 10. Музыкально-театральный жанр. 11. Вытянутая возвышенность. 13. Филигрань, вид ювелирной техники. 15. Принцип равного представительства сторон. 17. Гидротехническое сооружение. 18. Серия советских автоматических межпланетных станций. 19. Мореплаватель, руководитель первой русской экспедиции в Антарктику. 22. Партия в музыкальном произведении, исполняемая одним голосом или инструментом. 23. Знак препинания. 24. Город в Краснодарском крае. 25. Подвесная койка для отдыха и сна. 27. Основная единица массы, веса. 28. Игра в ответы на вопросы. 31. Рассказ А. П. Чехова. 32. Подразделение полка.

По вертикали: 1. Выступление театрального коллектива, ансамбля в другом городе или стране. 2. Упрощенный чертеж. 3. Река, впадающая в Каспийское море. 4. Южное созвездие. 5. Киргизский народный эпос. 6. Выдающийся итальянский скрипач и композитор. 9. Ответственный распорядитель. 12. Действующее лицо трагедии Шекспира «Отелло». 14. Узел электрической машины, объединенный с ротором. 15. Знак различия на воротнике форменной одежды. 16. Рыболовное судно. 20. Французский писатель XIX века. 21. Опера А. Н. Верстовского. 26. Река в Конго. 27. Помещение для стоянки и ремонта автомобилей. 29. Комедия В. В. Маяковского. 30. Малая планета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 3. Смородина. 5. Петродворец. 9. Шмага. 10. Смола. 12. «Колокол». 14. Азот. 15. Торф. 16. Шолохов. 17. Плиссе. 18. Аспект. 19. Микешин. 21. Весы. 22. Унжа. 23. Рулетка. 24. Афиша. 26. Бекар. 29. Кибернетика. 30. Налбандян.

По вертикали: 1. Дойра. 2. Бином. 3. Сфера. 4. Аверс. 6. Долото. 7. Жаботинский. 8. «Коробейники». 9. Штамповка. 11. Амфитеатр. 12. Кашемир. 13. Лаванда. 20. Ереван. 25. «Арион». 26. Бакен. 27. Седло. 28. Стадо.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Строительство газопровода Уренгой — Ужгород в Карпатах. (См. в номере материал «Бросок через Карпаты».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рябина.

Фото А. Гостева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.09.82. Подписано к печати 12.10.82. А 00414. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2082. Заказ № 3105.

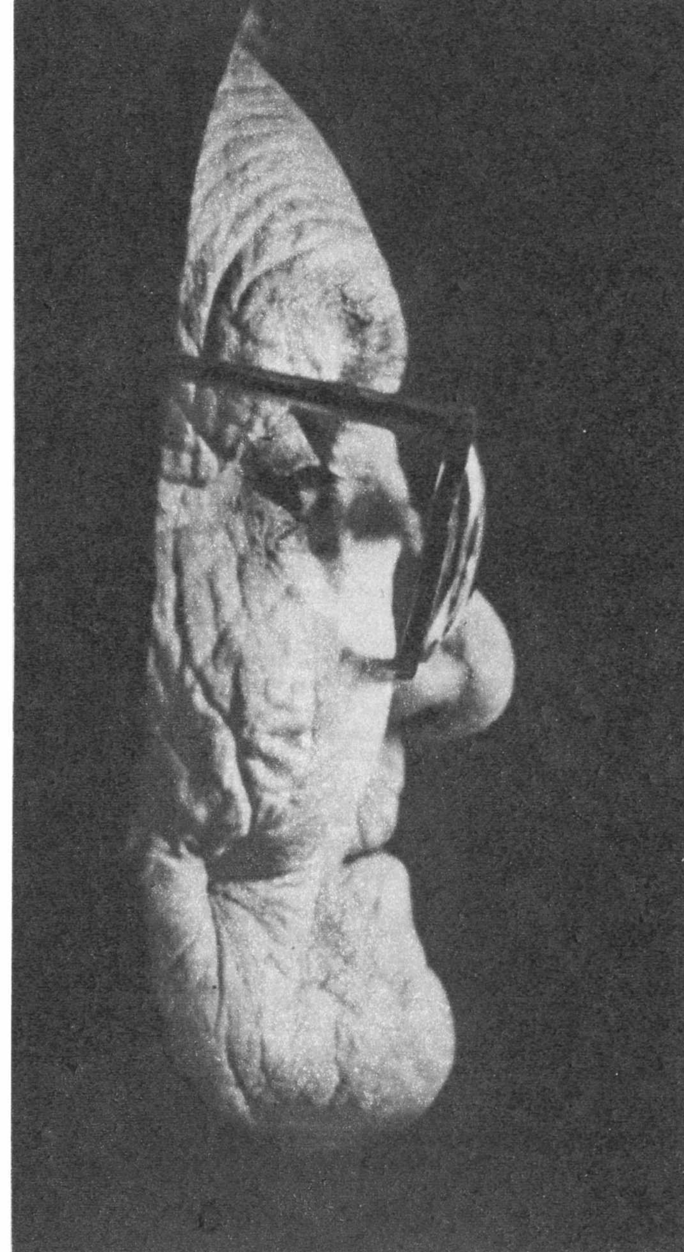
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЫ СНИМАЕМ

Что ни говорите, а в этом есть какая-то магия. Опускаешь в ванночку с буроватым раствором лист бумаги, а на нем возникают очертания знакомой улицы, лица приятелей, сценка, которая и длилась-то секунду-другую, а тут она запечатленная навечно... В наше время многие чудеса — давно не чудеса, и иной второклассник запросто объяснит все «таинства» фотографии. Но чудо все-таки есть. Оно в умении видеть по-своему мир... Авторам снимков, представленных на этих страницах, совсем немного лет. Уфимские школьники, члены студии Дворца детского творчества, обмениваются своими работами с ребятами других городов, посылают их на выставки, случается, даже в другие страны. Снимки их завоевывают призы. Успех всегда приятен. Но главное, конечно, не в нем, а в том каждодневном открытии мира, которое дарит любимое занятие — фотография.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

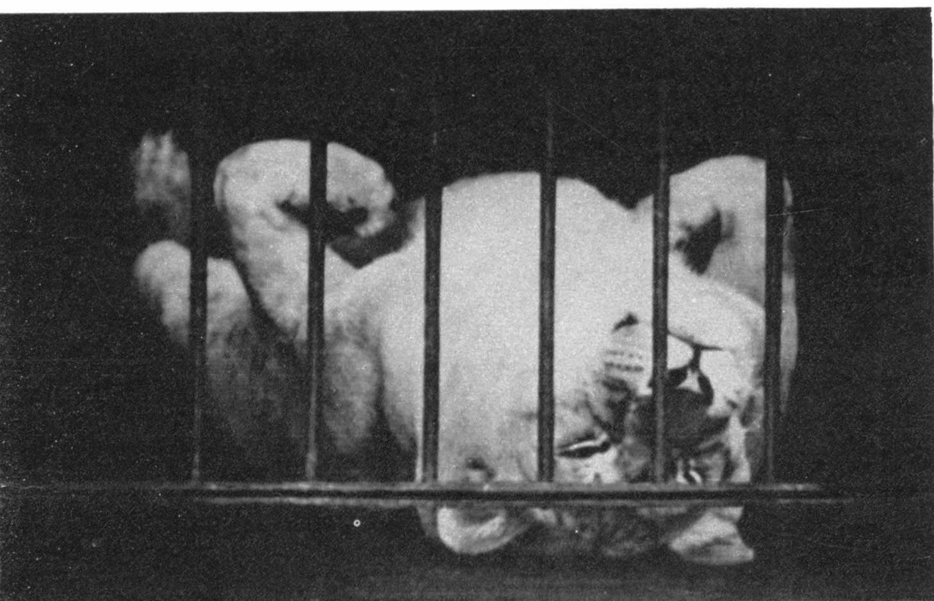
Р. Сакаев. «Портрет».

М. Подоксенов. «Танго».

С. Латыпов. «Трудная работа».

В. Смирнов. «Утренняя зарядка».

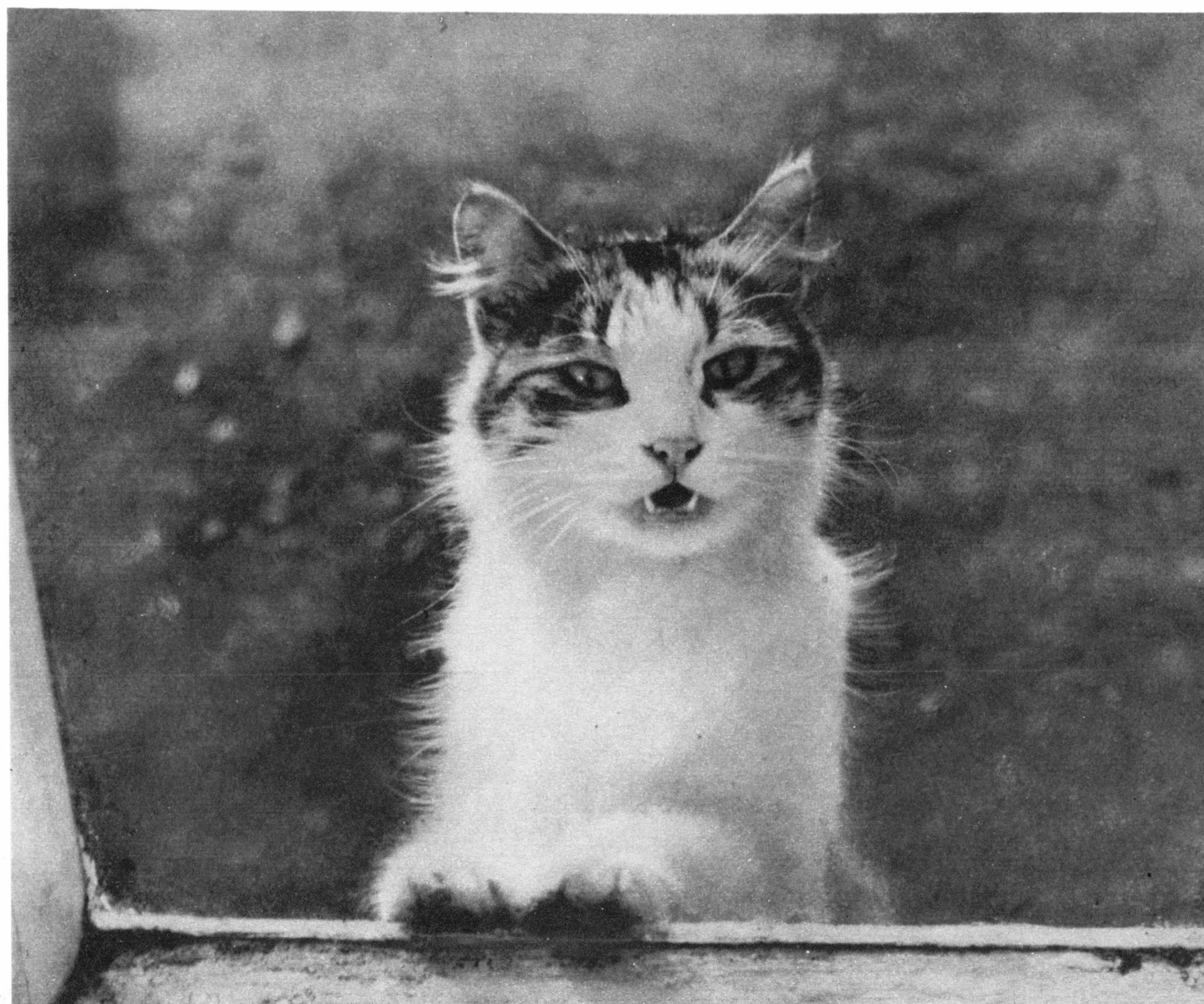

С. Латыпов. «На трассе».

С. Латыпов. «Март».

Р. Тимирханов. «Гулять пойдем!»

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663